

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ИРЕСИОНА
Античный мир и его наследие

Выпуск VII

**Материалы Круглого стола
к 50-летию Китейской археологической экспедиции**

Белгород 2020

ББК 63.4 (032)
УДК 93
И 79

Ответственный редактор:

Н.Н. Болгов

Публикуется по решению кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»
(протокол № 4 от 3.12.2020).

Рецензенты:

д.и.н. *И.В. Зайцева* (БелЮИ им. И.Д. Путилина МВД РФ)

к.и.н. *О.В. Головина* (Волоконовская СОШ № 2 Белгородской обл.)

ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Выпуск VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. – Белгород, 2020. – 132 с.

Сборник научных трудов «Иресиона. Античный мир и его наследие» (выпуск VII) продолжает серию, начатую кафедрой всеобщей истории БелГУ в 1999 г., и включает в себя работы археологов, антиковедов и византологов, рассматривающих широкий спектр проблем соответствующих периодов. В сборник включены статьи, посвященные проблемам классической и византийской традиции. Среди авторов - ученые, работающие в ведущих отечественных и зарубежных научных центрах. Вместе их объединила юбилейная дата, отмечаемая в 2020 году - 50-летие Китейской археологической экспедиции, у истоков которой стоял и много лет руководил Евгений Александрович Молев. Многих авторов, участников сборника, связывает с кафедрой многолетнее плодотворное сотрудничество. Также представлены работы молодых ученых, студентов кафедры и научного направления БелГУ «Классическая и византийская традиция», включенные в программу юбилейного Круглого стола, состоявшегося 23 октября 2020 г. Материалы сборника представляют интерес для ученых, преподавателей, аспирантов и магистрантов, всех, увлекающихся археологией, историей античности и Ранней Византии.

ISBN 978-5-9571-2990-7

© Н.Н. Болгов – ред., сост., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Молев Е.В. (<i>Нижний Новгород</i>). О юбилее Китейской экспедиции	4
Молев Е.А. (<i>Нижний Новгород</i>). Стекланные изделия из раскопок Китея	6
Молева Н.В. (<i>Нижний Новгород</i>). Сакральные практики в святилищах боспорского города Китея	22
Катцова А.В. (<i>Санкт-Петербург</i>). Пять лет Китейской экспедиции Государственного Эрмитажа	27
Болгов Н.Н. (<i>Белгород</i>). Белгородцы в Китее	49
Ярцев С.В., Зубарев В.Г. (Тула), Смекалов С.Л. (Санкт-Петербург) . Антропоморфы Белинского городища	58
Прокопенко С.Н., Чумакова Я.В. (Белгород) . Святилища как территориальные маркеры хоры городов Боспора VI – первой трети III в. до н.э.	62
Щербакова Н.А. (Тула) . Влияние Эллады на формирование театрального искусства в городах Северного Причерноморья в античное время	67
Юркова Д.С. (Тула) . Скифы в этнической географии Крыма	72
Бобин Р.М. (Тула) . Этнополитическая карта Восточного Причерноморья в античную эпоху	75
Малинин М.А. (Тула) . Влияние варварского окружения на экономику Боспора в III в.	85
Фартушной Н.О. (Белгород) . Реорганизация гарнизонов в Верхнем Египте во время правления Диоклетиана	89
Стрижак А.Р. (Тула) . Восстановление крепости на Белинском городище во время правления боспорского царя Фофорса	92
Лихошерстов В.А. (Белгород) . Конфессиональная политика Кирилла Александрийского	96
Внуков А.А. (Тула) . Роила или Руа. К вопросу об идентификации личности вождя гуннов	100
Добрынина Д.Н. (Белгород) . Специфика гетеризма в Ранней Византии: причины возникновения	104
Сапожникова М.Г. (Белгород) . К вопросу об отражении ранневизантийского общества в церковных историях эпохи Феодосия II	108
Руднева М.А. (Белгород) . Трансформация исторической топографии ранневизантийской Александрии: городские кварталы	117
Зайковская О.С. (Белгород) . Письменная традиция 2-й половины VI - VII вв. о внешней политике Византии	123
Золотухина Н.Е. (Белгород) . Завоевание провинции Африка арабами: анализ и тенденции интерпретации	127

О ЮБИЛЕЕ КИТЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Е.А. Молев (Нижний Новгород)

В истории каждой археологической (да, наверное, и любой другой полевой) экспедиции всегда есть определенные даты, которые притягивают к себе памятью о прошлых, несомненно, прекрасных годах, и не только по тому, что тогда мы были молодыми. Для большинства участников экспедиций это было время поисков, открытий, формирования наиболее важных качеств личности, любви. Так было и в Китейской археологической экспедиции, организованной Керченским историко-археологическим музеем в 1970 г.

Процесс ее становления и превращения из небольшого отряда керченских школьников, возглавляемых научным сотрудником музея Светланой Сергеевной Бессоновой, в солидную экспедицию, насчитывающую порой до ста человек студентов и преподавателей Белгородского, Нижегородского и Саратовского университетов, ряда пединститутов и взрослых добровольцев разных профессий, в течение 1970-1995 гг. описан и опубликован нами в нескольких изданиях¹.

Своеобразным итогом работ этих лет стала «Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции»², в которой помимо описаний научных открытий приведены краткие биографии и фотографии всех ветеранов, проработавших в экспедиции в течение трех и более лет.

Все эти годы работы велись не только на городище, но и на некрополе. Однако, поскольку объем работ был очень велик и несоразмерен нашим тогдашним возможностям, с 1989 г. некрополь был передан экспедиции Музея истории религии под руководством Владимира Андреевича Хршановского. Эта экспедиция стала нашим настоящим побратимом, с которым мы сотрудничаем и сейчас.

Тогда, в 1995 г. ситуация сложилась так, что казалось экспедиция закончится. Но потом неожиданно последовало продолжение. Благодаря

¹ Молев Е.А. Роль археологической практики в подготовке специалистов историков (на примере Китейской экспедиции) // История и практика археологических исследований. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2008. С. 327-331; Молев Е.А. История исследований боспорского Китея // *Поль Дюбрюкс*. Собр. соч. Т. 1. СПб.: книжный дом Коло, 2010. С. 515-519; Молев Е.А. Становление античной археологии в Нижегородском университете // Приволжский научный журнал. 2012. № 1. С. 167-171; Молев Е.А. К юбилею С.С. Бессоновой // *Археологія і давня історія України*. 2018. Вип. 2 (27). С. 13-14.

² Молев Е.А. Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Н. Новгород, 2013 г.

финансовой поддержке Вячеслава Дмитриевича Письменного, замечательного человека и большого ученого, горячему желанию ветеранов экспедиции продолжить раскопки и активному участию студентов Белгородского и Нижегородского университетов экспедиция вновь возродилась в 2004 г. и смогла продержаться до 2017 г.

Но и это не стало концом. Мои личные проблемы со здоровьем вынудили передать город в надежные руки сотрудницы Эрмитажа Александры Викторовны Катцовой, что обеспечило дальнейшее продолжение работ. Это вполне естественно и закономерно. И я не сомневаюсь, что город наш еще подарит следующим за нами поколениям археологов много нового и интересного о жизни древнего населения юго-восточного угла Керченского полуострова.

Теперь уже только изредка нам с моим верным помощником и супругой Натальей Владимировной удастся побывать в Китее. Но когда появляется лишь малейшая возможность, мы всегда приезжаем. И так приятно видеть, что нам здесь рады, и мы тоже очень счастливы видеть своих коллег и боевых товарищей. Хочется пожелать всем им доброго здоровья, счастья и благополучия в личной жизни на долгие, долгие годы.

Фото. Юбилей экспедиции в Китее, 3 августа 2020 г.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК КИТЕЯ 1970-2017 ГГ.

Е.А. Молев (Нижний Новгород)

В статье обобщается такая важная категория археологического материала, как стекло и стеклянные изделия, из раскопок Китея за весь период работ Китайской экспедиции. Сделаны подсчеты по хронологии и местам находок. В приложении помещен полный список находок.

Ключевые слова: Китей, раскопки, стеклянные изделия, фрагменты.

Изделия из стекла широко распространяются в античном мире только в первые века н.э. До этого число их находок на поселениях и городищах невелико. Но и в общем количестве найденных фрагментов и целых сосудов их обычно немного. Так, в боспорском городе Китее фрагменты стеклянных изделий составляют всего около 1%. Значительная их часть уже была опубликована нами¹ при активной помощи и поддержке одного из ведущих специалистов в области изучения античного стекла Н.З. Куниной.

За рассматриваемый нами период времени (с 1970 по 2017 годы) на всех раскопах городища найдено 948 фрагментов различных стеклянных сосудов, и только один бальзамарий был целым. В этой связи мы для более наглядной аргументации наших характеристик соответствующих форм сосудов прилагаем к статье таблицу общего числа находок по раскопам и хронологии. Это дает нам возможность показать реальное соотношение различных типов материала между собой, уточнить возможности производства стекла в самом городе, а также направление и интенсивность поступления стеклянных изделий из других регионов.

Большинство изделий из стекла (50,8%), найденных в городе, датируется ранневизантийским временем. В слое I-II вв. н.э. их обнаружено 43%, и совсем немного найдено в слоях II-I вв. до н.э. (3,7%) и V-IV вв. до н.э. (2,5%). По месту нахождения лидируют по количеству находки с раскопа IV, где обнаружены комплексы ранневизантийского времени².

¹ Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь-Керчь, 2004. С. 405-421; Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Т. II. Симферополь-Керчь, 2016. С. 131-146.

² Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора (ВИАБ). Воронеж - Белгород, 1991. С. 64-70; Молев Е.А. Боспорский город Китей. Т. I. Симферополь-Керчь, 2010. С. 71-75.

Находки из центрального городского святилища («зольника») занимают второе место; на третьем месте находки с раскопа I. На остальных объектах работ находки стеклянных изделий немногочисленны. Рассмотрим найденные материалы по хронологии их производства.

Самыми ранними находками являются три фрагмента стенок и ручка восточно-средиземноморских сосудов (вероятнее всего, амфорисков) из густого темно-синего стекла с орнаментом из желтых и белых полос. Один из них найден на раскопе II (Рис. I,1), остальные - на раскопе IV в слое V-IV вв. до н.э. (Рис. I,2,3). Сосуды этого типа датируются обычно V в. до н.э.¹

Прочие находки, сделанные в слоях V-I вв. до н.э., оказались там вследствие нивелировочных работ в городе в первые века н.э. Абсолютное большинство их найдено на территории центрального городского святилища (раскоп II – «зольник»). На раскопе I в слое II-I вв. до н.э. присутствуют четыре фрагмента шлаков, свидетельствующие о вероятности собственного стекольного производства в Китее уже, может быть, в I-II вв. н.э.

Основные формы и типы сосудов из стекла, поступавшие в Китей, формируются в I-II вв. н.э. В количественном отношении среди них преобладают фрагменты сосудов светлого, прозрачного или чуть голубоватого стекла (69,1%). Часть из них - с иризацией поверхности. На втором месте находки светло-зеленого стекла (10,3%). Далее следуют находки из зеленовато-желтого стекла (5,6%) и совсем немного (1,5%) фрагментов - темно-зеленого стекла. Большинство обломков этого времени (51,2%) найдено на IV раскопе. Причем значительная их часть обнаружена здесь на участке с алтарями и в связанном с ним, вероятно культовом, помещении "Е" в центре раскопа². На втором месте по числу находок изделий из стекла (26,5%) раскоп II - зольный холм в центре городища, представляющий собой комплексное общегородское святилище.

Среди других изделий из стекла в слое I-II вв. найдены стеклошлаки. Они представлены на II, III, и V раскопах и составляют в количественном отношении примерно 1/10 часть находок. Присутствие шлаков, как и других находок производственного назначения, по-видимому, связано с использованием их в качестве вотивов и подчеркивает важность роли этого нового и достаточно сложного производства в Китее.

¹ *Кунина Н.З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. Каталог №№ 24, 25, 30, 32, 33, 35, 36.

² *Молев Е.А., Молева Н.В.* 25 лет Китейской экспедиции // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып 1. Н. Новгород, 1996. С. 83; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Боспорский город Китей. Т. II. С. 132.

Среди типов сосудов из светлого стекла преобладают фрагменты кубков с рюмкообразными ножками (33,8%). На втором месте фрагменты кувшинов (2,5%). Затем следуют фрагменты сосудов баночной формы (2,1), стаканов (1,8), бальзамариев (1,1%) и единичные находки. Наиболее любопытной находкой сезона 2017 г. является целый бальзамарий светло-зеленого прозрачного стекла с отогнутым венчиком и слегка вогнутым дном (Рис. I, 7). На его горле довольно аккуратно вырезано диагональное овальное отверстие. С какой целью оно было сделано (а то, что оно делалось специально - очевидно) – точно выяснить нам так и не удалось, несмотря на множество версий. По классификации Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной наша находка относится к типу I, 2E, и датируется II-III вв. н.э.¹

Из фрагментов оливково-желтого стекла, по-прежнему, преобладают стенки и венчики лампад с каплями и нитями синего стекла (32,1%). Большинство из них происходят с раскопа II. На втором месте фрагменты стаканов (26,8%). Прочие находки единичны. Причем фрагменты лампад встречаются только на II и IV раскопах, т.е. на культовых участках.

Среди изделий из светло-зеленого стекла по-прежнему, преобладают фрагменты кубков (38,1%). Прочие находки единичны, так же, как и фрагменты сосудов из темно-зеленого стекла. Все они также концентрируются на II и IV раскопах.

Кроме того, в слое I-II вв. н.э. найдено 95 фрагментов прозрачного голубоватого оконного стекла и один фрагмент сине-зеленого стекла. 62,1% их обнаружены на культовом участке IV раскопа, остальные - на раскопе I (27,4%) и в помещении "А" на раскопе V (10,5%). Поверхность практически всех фрагментов имеет характерную молочно-белую иризацию.

Таким образом, в целом на открытых участках городища в слое I-II вв. н.э., судя по количеству разнотипных венчиков и донцам, можно предполагать наличие не менее 3 кубков, 7 стаканов, 4 кувшинов, 2 лампад, по одной ойнохое, амфориску, бальзамарию, фиале и бокалу с рельефным орнаментом. Все изделия изготовлены в технике выдувания, причем бокал с рельефным орнаментом - в технике выдувания в форме. Однако соответствуют хронологии слоя из всех восстанавливаемых форм только фрагменты четырех донец кувшинов (Рис. I, 4, 5) и одно из донец стакана (Рис. I, 6).

Два из донец отмеченных кувшинов с плоским поддоном - со следами понтии (Рис. I,4), выполнены из зеленовато-желтого стекла, одно та-

¹ Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. Т. XIII. 1972. С. 165. Рис. 9, 33.

кое же - из светлого прозрачного стекла. Форма сосудов по найденным фрагментам не восстанавливается. Возможной аналогией может быть кувшин из Кыз-Аульского некрополя, ближайшего к Китею боспорского поселения¹.

Донце еще одного кувшина выполнено из светлого прозрачного стекла с мелкими пузырьками воздуха (на том же участке найдены и стенки такого же стекла) с вогнутым поддоном (Рис. I,5). Форма донца близка небольшим биконическим кувшинам на поддоне, относимым Н.З. Куниной ко второй группе и датируемым ею от середины I до середины II вв. н.э.² Аналогичное донце найдено на V раскопе в слое III-IV вв. н.э.

Донце стакана из слоя (Рис. I, 8) и фрагменты соответствующих венчиков позволяют предполагать форму, близкую стаканам из некрополя Пантикапея, опубликованным Н.П. Сорокиной и датированным ею первоначально I-IV вв. н.э.³ Позднее дата начала производства таких стаканов была уточнена - середина I в. н.э.⁴ Серединой I - серединой II вв. н.э. датируется аналогичный стакан из земляного склепа К-26 некрополя Нимфея⁵. Все это и дает основание рассматривать данную находку как соответствующую хронологии слоя. Аналогичное донце найдено также на раскопе I в слое III-VI вв., что подтверждает мнение специалистов о выпуске стаканов этого типа вплоть до начала IV в. н.э.⁶

Отметим, что некоторые находки I-II вв. н.э. найдены в слое III-VI вв. н.э. Это фрагмент горла и стенок флакона светлого, слегка голубоватого стекла I - начала II вв. н.э., найденные на раскопе II. Флаконы этого типа имеют шаровидный корпус, узкое горло цилиндрической формы и венчик с отогнутым наружу краем, образующим валик (Рис. I, 8)⁷. Анало-

¹ Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69. 1959. С. 193. Рис. 62,1.

² Кунина Н.З. К вопросу о стеклоделии на Боспоре // ТГЭ. XXVIII. 1997. С. 138. Табл. 2,10.

³ Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея // МИА. № 103. 1962. С. 224. Рис. 9, 1,3.

⁴ Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. XIII. С. 153. Рис. 4,15.

⁵ Жижина Н.К. Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени // ТГЭ. XXVIII. 1997. С. 155. Рис. 7.

⁶ Isings C. Roman Glass from dated Finds. Groningen/Djaccarta, 1957. P.48 ff (форма 34).

⁷ Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии... С. 169-170. Тип 11. Рис. 11,49.

гичной формы фрагменты флаконов и один целый экземпляр обнаружены и в некрополе Китея (Рис. I, 9)¹.

Таким образом, реально к слою I-II вв. на открытых участках Китея должны относиться находки четырех кувшинов, двух стаканов и одного флакона. Обнаружение большинства сосудов преимущественно на культовых участках (раскопах II и IV) позволяет сделать вывод об использовании в то время стеклянных сосудов преимущественно в ритуальных целях. Судя по формам сосудов и цвету стекла, они могли быть местного боспорского производства и поступать в Китей в то время из мастерских Пантикапея или Фанагории.

Кроме того, в слое I-II вв. найдено 25 фрагментов прозрачного голубоватого и один фрагмент сине-зеленого оконного стекла. Две трети находок обнаружены на культовом участке IV раскопа, остальные - в помещении "А" на раскопе V. Поверхность практически всех фрагментов имеет характерную молочно-белую иризацию. Толщина обломков - от 2 до 4 мм. Оконное стекло, как известно, начинается производиться с I в. н.э. и применяется первоначально преимущественно в общественных зданиях, что вполне соответствует условиям находки большинства и наших изделий такого рода. Учитывая наличие шлаков в слое, можно предполагать местное его производство. В пользу этого отчасти свидетельствует и тот факт, что большинство шлаков (12 из 23) найдены на раскопе V - единственном месте, где найдены фрагменты оконных стекол, кроме культового участка, и где в слое обнаружены большой кусок оплавленного свинца и сравнительно многочисленные свинцовые скрепы сосудов², а также скопления раковин мидий, которые могли использоваться в стеклоделии в качестве извести. Свинец, как известно, входит в состав стекла и используется также для изготовления его красителей, для придания стеклу желтого цвета³. Свинец присутствует и в стеклянных находках из Пантикапея⁴.

Таким образом, есть некоторые основания думать о вероятности стекольного производства в Китее, по крайней мере, во II в. н.э., хотя до открытия соответствующих производственных сооружений это предположение остается лишь предположением.

В слое III-VI вв. н.э. распределение находок несколько иное, хотя основная масса находок (48,1%), как и в предыдущем слое, сосредоточе-

¹ Молев Е.А. Некрополь Китея // ВИАБ. С. 99. Рис. 6,12.

² Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970-1098 гг. // Археологические памятники юго-восточной Европы. Курск, 1985. С. 59.

³ Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 26, 35.

⁴ Щапова Ю.Л. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 239.

на на раскопе IV. На втором месте находки с раскопа II (30,7%), на третьем – с раскопа I (18%). В количественном отношении преобладают фрагменты светлого прозрачного стекла (74,8%); на втором месте фрагменты из светло-зеленого стекла (22%), фрагменты же оливково-желтого стекла в слое на третьем месте (3,2%). Причем фрагменты светло-зеленого и оливково-желтого стекла практически совершенно отсутствуют на III и V раскопах. На раскопе II в слое найден фрагмент стеклошлака.

Среди типов сосудов светлого прозрачного стекла преобладают фрагменты рюмкообразных кубков (20,8%), на втором месте - фрагменты стаканов (5,6%), на третьем - бальзамариев (4,8%). Как и в предыдущем слое, сравнительно много фрагментов кувшинов (7), есть сосуды баночной формы (3), венчики ойнохой (3). Появились находки фрагментов тарелок (10), канфаров (7), сосудов (стаканов или кубков) с полосами синего стекла и других изделий, представленных единичными экземплярами.

Обломки изделий светло-зеленого стекла представлены преимущественно фрагментами кубков (15,1%). Прочие из числа определяемых находки единичны. Среди них частично собираются (восстанавливается полный профиль) кубкообразный сосуд (Рис. I,10; Рис. I,11) и ойнохой (Рис. I,12). Кроме них есть фрагменты флакона, стакана, кувшина и сосуда баночной формы.

Изделия из оливково-желтого стекла представлены преимущественно фрагментами лампад, стаканов и кувшинов с каплями и нитями синего стекла (53,3%). Все фрагменты с каплями синего стекла этого слоя найдены на раскопе IV. Представленные в находках сосуды изготовлены в технике выдувания. По фрагментам предположительно восстанавливаются некоторые формы стаканов, кубков, бальзамариев, тарелок, ойнохой и фиалы. Среди кубков преобладают фрагменты рюмкообразных сосудов (Рис. II, 1, и Рис. II, 2). Сосуды первого типа по находкам из Таманского городища отнесены Н.П. Сорокиной к типу А и датированы ею IV-V вв.¹ Кубки же второго типа, по ее мнению, производились преимущественно в Египте в III-IV вв. н.э.²

На втором месте - находки кубков с полусферическим туловом (Рис. II,3) и два экземпляра неопределяемой формы. Сосуды этого типа найдены на всех исследуемых участках, но большинство их найдено на раскопах I (8 из 18) и IV (5 из 18).

Близким по форме кубкам являются находки фрагментов канфаров. Аналогичные сосуды восстанавливаемой по найденным фрагментам

¹ Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тьмутаракани. М., 1963. С. 149. рис. 7,17.

² Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея. С. 228. Рис. 12,1-3,6.

формы (Рис. II,4) датируются II в., а местом их производства считается Галлия или Рейнская область¹.

Значительным по количеству восстанавливаемых экземпляров (7) являются находки бальзамариев (табл. I,7; IV, 6). Они найдены только на I и IV раскопах. По форме они относятся к типу 1,2E по классификации Н.З. Куниной, Н.П. Сорокиной² и датируются II-III вв. По мнению авторов классификации, эти бальзамарии становятся со 2-й половины II в. ведущим типом на Боспоре и могут быть изделиями местного (боспорского) производства. Присутствие их в более поздних погребениях позволяет продлить время их бытования до начала VII в.³

Таким же количеством экземпляров представлены стаканы в форме усеченного конуса (Рис. II, 5). Время их бытования Н.П. Сорокина датирует IV - началом V в.⁴ Учитывая передатировку ряда комплексов и новые находки стаканов данного типа, Л.А. Голофаст считает возможным датировать их V в. н.э., отмечая, что в Восточном Причерноморье они бытовали до середины и даже до конца VI в.⁵

Также на культовом участке раскопа IV найдены все три более или менее восстанавливаемые фрагменты сосудов баночной формы (Рис. IV,8), датируемые по слою Н.П. Сорокиной III-IV вв.⁶ Отсутствие на имеющихся фрагментах следов ручек не позволяет отнести их к категории кувшинов, имеющих аналогичную форму и известных в находках с Боспора⁷.

Большинство фрагментов сосудов с каплями синего стекла в этом слое выполнены из оливково-желтого стекла и по сохранившимся деталям, скорее всего, могли принадлежать сосудам типа лампад⁸, стаканов и сосудов баночной формы. Фрагменты последних выполнены из светлого прозрачного стекла. Стаканы одного из типов подобных изделий, по мне-

¹ Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. Каталог. № 331.

² Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора. С.165. Рис. 9,33.

³ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. С. 147.

⁴ Сорокина Н.П. Стекланные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 99.

⁵ Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. С. 128.

⁶ Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея. С. 227. Рис. 11,1.

⁷ Кунина Н.Э. О боспорском стеклоделии в I-III вв. н.э. // Боспор и античный мир. Н. Новгород. 1997. С. 73. Рис. 54-58.

⁸ Аналогии им собраны в работе: Засецкая И.П. Стекланная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI-VII вв. н.э. // Боспорские исследования. Вып. 20. Симферополь-Керчь, 2008. С. 110. Табл. VII,5-6.

нию Н.П. Сорокиной, могли быть местного боспорского производства и изготавливаться в Пантикапее или Фанагории¹. Отметим, что сосуды из оливково-желтого стекла в европейских центрах исчезают в начале VI в. н.э.², что дает нам нижнюю дату их поступления в Китей.

Остальные, в основном, единичные находки, уже были описаны и опубликованы нами ранее, что позволяет не повторять их описания³. Вероятно, как и прежде, значительная часть стеклянной посуды поступала в Китей в III-VI вв. через посредство Пантикапея, и в добавление к прежним центрам стеклоделия к ним добавились города империи и собственно боспорские.

Число находок оконного стекла в слое увеличилось до 13,2%. По-прежнему большинство из них найдено на раскопе IV, но теперь были найдены фрагменты стекла и на раскопах I и II. По качеству и составу оно практически не отличается от более раннего.

К характеристике стеклянной посуды городища присоединим уже публиковавшиеся нами находки из некрополя, найденные в период 1973-1988 г. Среди них также преобладают фрагменты стенок и профильных частей сосудов светлого прозрачного стекла (32), но есть и три целых сосуда. Это уже отмечавшийся нами флакон из уступчатого sklepa 1973 г. (Рис. 1, 9), ойнохоя из погребения 46, датируемого по совокупности находок III в. н.э.⁴, и кувшин из погребения 80, датированного концом I-II вв.⁵

Таким образом, подводя итог изучению находок стекла в Китее, мы можем сделать вывод, прежде всего, о том, что эта продукция поступала в город в небольших количествах. В ранний период истории города стеклянные изделия привозили из Сирии и Египта, позднее и из европейских центров производства стекла и более крупных городов Боспора. Кроме того, не исключено местное производство некоторых категорий сосудов (бальзамариев, стаканов), бус и оконного стекла в период со II в. н.э.

¹ Сорокина Н.П. О сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С.89, 100 - тип I, вариант В; Воронов Ю.Н. К истории экономических связей Аписилии в IV-VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды) // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 78.

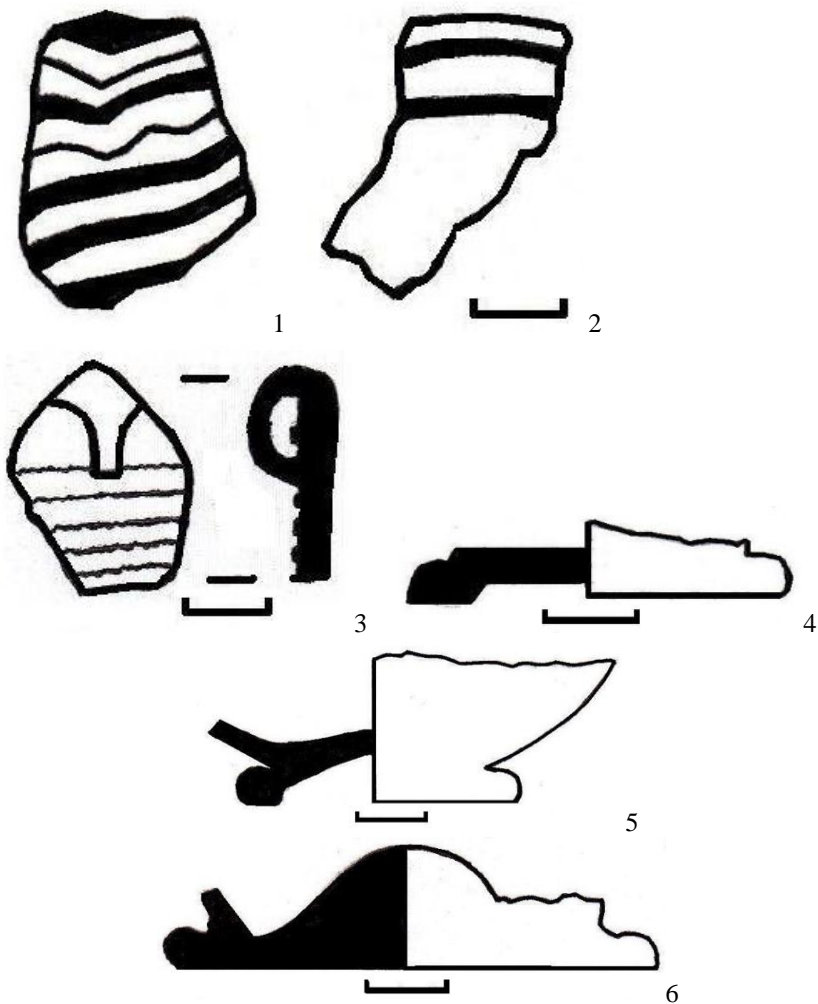
² Foy D. Le verre de la fin du Ier au VIIIème siècle en France (premier essai de typochronologie) // Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge. Val d'Oise 1995. P.198-199; Sternini M. Il vetro in Italia tra Ve e IX secoli // Ibid. P. 258.

³ Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Ч. 2. Табл. табл. I,9; II,5; II,7; табл. II, 23; III,16, 17; IV, 12, 14.

⁴ Молев Е.А., Шестаков С.А. Некрополь Китея // ВИАБ. С. 91.

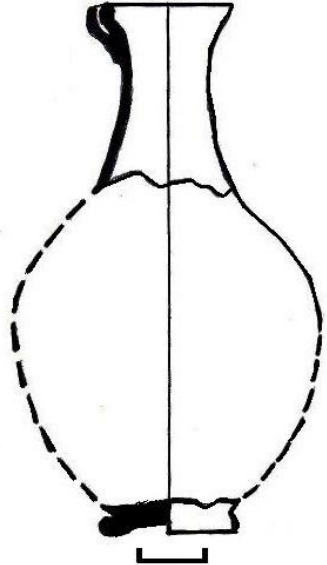
⁵ Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Т. II. Табл. V,10.

Первоначально стеклянная посуда применялась преимущественно в культовых церемониях, и потому значительная часть находок сконцентрирована на культовых участках городища. Позднее, в III-VI вв., стекло прочно вошло в быт горожан и стало применяться для столовых и парфюмерных целей, вошло в состав погребального инвентаря.

7

8

9

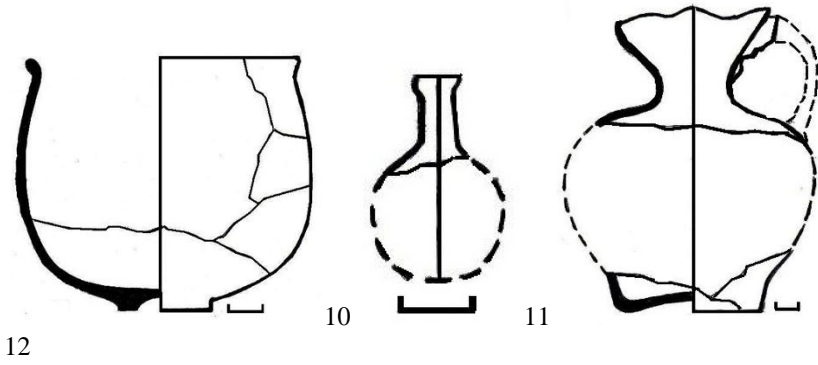

Рис. I. Фрагменты стеклянных сосудов.

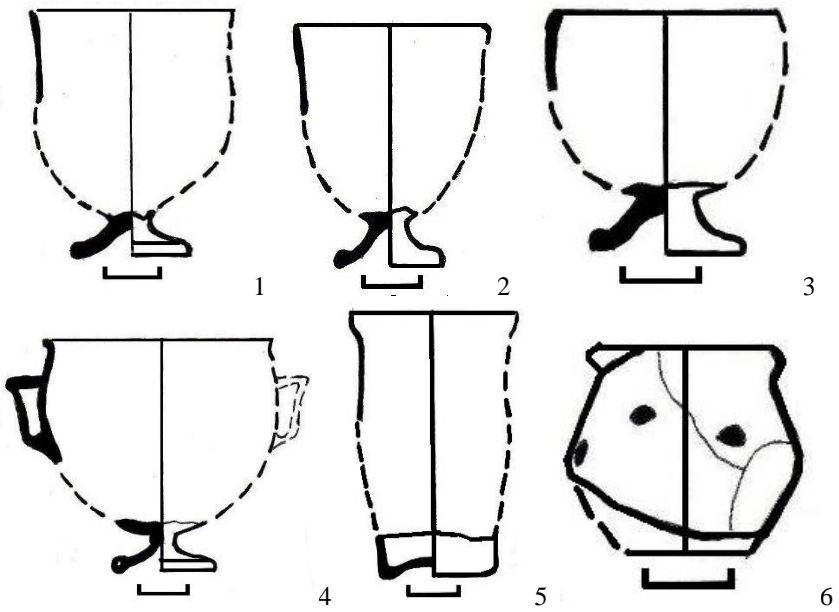

Рис. II. Фрагменты стеклянных сосудов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Общее число находок изделий из стекла 1970-2017 гг.
(по раскопам и слоям)

Наименование/ номера раскопов	I	II	III	IV	V
<i>Слой V-IV вв. до н.э.</i>					
Фрагменты стенок амфорисков Восточного Средиземноморья	-	1	-	3	-
Стенки неопределенных сосудов	-	19	-	-	-
Ручка большого сосуда	-	1	-	-	-
Итого - 24 (2,5 % от общего числа).	-	21	-	3	-
<i>Слой II-I вв. до н.э.</i>					
Светло-зеленое стекло					
Стенки неопределенных сосудов	13	5	1	-	-

Венчики неопределенных сосудов	6	1	-	-	-
Венчики чаш	-	1	-	-	-
Венчик кубка	1	2	-	-	-
Стеклошлаки	4	-	-	-	-
Оконное стекло	-	1	-	-	-
Итого - 35 (3,7% общего числа).	24	10	1	-	-

Слой I-II вв. н.э.

Светлое, прозрачное стекло					
Стенки неопределенных сосудов	-	9	4	43	-
Венчики неопределенных сосудов	1	-	2	4	-
Донца кубков	-	1	1	-	-
Стенки кубков	-	63	-	10	-
Венчики кубков	1	9	1	9	2
Венчики и горла бальзамариев	-	1	-	1	-
Донца бальзамариев	1	-	-	1	-
Горло кувшина	-	1	-	1	-
Ручка кувшина	-	1	-	2	-
Донце кувшина	-	1	-	1	-
Венчики стаканов	-	-	-	3	-
Донце стакана	-	-	-	2	-
Венчик ойнохой	-	-	-	1	-
Ручка амфориска	-	-	-	1	-
Фрагмент стенки сосуда с рельефным орнаментом	-	-	-	1	-
Стенка с гравированным орнаментом	-	-	-	1	-
Венчик сосуда типа фиалы с гравированными полосами-	-	-	-	1	-
Венчики сосудов баночной формы	-	-	-	6	-
Оконное стекло	26	-	-	59	10
итого – 282 (69,1% находок слоя)	29	86	8	147	12

Светло-зеленое стекло					
Фрагменты стенок неопределенных сосудов	-	8	-	12	-
Ручки кувшинов	-	-	-	1	-
Стенки кубков	4	2	-	8	-
Венчики кубков	-	2	-	-	-
Венчик фиалы	-	-	-	1	-
Венчик стакана	-	-	-	1	-
Рюмкообразные сосуды	1	-	-	1	-
Фрагмент сосуда с полусферическим туловом	1	-	-	-	-
итого - 42 (10,3 % находок слоя)	6	12	-	24	-
Темно-зеленое стекло					
Ручки кувшинов	-	-	-	1	-
Донце стакана	-	1	-	-	-
Донце кубка	1	1	-	-	-
Стенка темно-зеленой пасты	-	-	-	1	-
Стенка красно-коричневой пасты	-	-	-	1	-
итого - 6 (1,5 % находок слоя)	1	2	-	3	-
Желто-зеленое стекло					
Фрагменты стенок неопределенных сосудов	13	-	-	6	-
Венчики кубков	1	-	-	-	-
Стенки стаканов	-	-	-	13	-
Донца стаканов	-	-	-	2	-
Донца кувшинов	1	-	-	-	-
Стенки лампад с каплями синего стекла	-	6	-	8	-
Венчик и стенки лампад с полосами синего стекла	-	-	-	4	-
Венчик сосуда баночной формы	-	-	-	1	-
Оконное стекло сине-зеленое	-	-	-	1	-
Всего изделий - 56 (13,7% находок слоя)	15	6	-	35	-
Шлаки - 23 (5,6 %)	-	3	8	-	12
всего в слое – 408 (48,7% общего)	51	108	16	209	24

числа)					
% находок по раскопам	12,5%	26,5%	3,9%	51,2%	5,9%

Слой III-VI вв.

Светлое, прозрачное стекло					
Стенки неопределенных сосудов	25	42	3	110	4
Венчики неопределенных сосудов	2	-	-	3	-
Донца неопределенных сосудов	1	1	-	1	-
Венчики канфаров	-	-	-	3	-
Ручки канфаров	2	-	-	-	-
Донца канфаров	3	-	-	-	-
Стенки кубков	-	6	-	13	-
Венчики кубков	2	10	-	6	-
Донца кубков	1	5	2	6	1
Стенки стаканов	-	-	-	5	-
Донца стаканов	1	-	-	4	-
Венчики стаканов	1	-	-	3	-
Стенки кубков с белыми горизонтальными полосами	2	1	-	1	-
Стенки бальзамариев	2	-	-	-	-
Донца бальзамариев	3	1	-	5	-
Горла бальзамариев	1	-	-	-	-
Стенки кувшинов	3	-	-	-	-
Фрагменты горл кувшинов	-	-	-	2	-
Ручка кувшина	-	1	-	-	-
Донца кувшина	-	-	-	-	1
Стенки тарелок	-	-	-	8	-
Венчики тарелок	1	-	-	1	-
Фр-ты венчика ойиохой	-	-	-	3	-
Фр-т горла флакона (бутылки)	-	-	-	1	-
Венчик сосуда баночной формы	-	-	-	1	-
Ножка рюмкообразного сосуда	1	1	-	1	-
Оконное стекло	9	12	-	28	-

Венчик стакана (?) с полосами синего стекла	-	2	-	-	-
Диск неопределенного назначения	-	1	-	-	-
Венчик лампы		1			
итого - 360 (74,8% находок слоя)	60	84	5	205	6
Светло-зеленое стекло					
Стенки неопределенных сосудов	3	17	-	31	-
Венчик неопределенного сосуда	-	1	-	1	-
Горло флакона	-	1	-	-	-
Ручка кувшина	-	-	-	1	-
Трубочка	-	-	-	1	-
Стенки кубков	-	3	-	8	-
Венчики кубков		2			
Донце кубка	-	2	-	1	-
Донце стакана	1	1	-	1	-
Фрагментированный стакан (венчик, донце, 23 стенки)	-	-	-	25	-
Фрагментированная ойнохоя (венчик, донце, 2 стенки)	-	-	-	4	-
Венчик сосуда баночной формы	-	-	-	1	-
Ножка рюмкообразного сосуда	1	-	-	-	-
итого – 106 (22 % находок слоя)	5	27	-	74	-
Желто-зеленое стекло					
Стенки неопределенных сосудов	2	2	1	-	-
Венчики и стенки лампад с каплями синего стекла	-	-	-	8	-
Ручка кувшина	-	-	-	1	-
Шлаки (или оплавленное стекло)	-	1	-	-	-
итого - 15 (3,2 % находок слоя)	2	3	1	9	-
всего в слое – 481 (50,7% общего числа).	67	114	6	288	6
Всего находок по раскопам - 948	142	253	23	500	30
% находок по раскопам	15	26,7	2,4	52,7	3,2

GLASS PRODUCTS FROM THE EXCAVATION OF KYTA IN 1970-2017 YY.

E.A. Molev (Nizhny Novgorod)

The article summarizes such an important category of archaeological material as glass and glass products from the excavations of kithei for the entire period of the kytaean expedition. Calculations are made by chronology and places of finds. The appendix contains a complete list of finds.

Key words: Kyta, excavations, glass items, fragments.

САКРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СВАТИЛИЩАХ БОСПОРСКОГО ГОРОДА КИТЕЯ¹

Н.В. Молева (Нижний Новгород)

В работе предлагается обзор сакральных практик на выявленных к настоящему времени святилищах Китейского городища. Сакральная жизнь в городе эволюционировала, и вслед за ней менялись сакральные практики, вместе с тем, оставаясь в рамках основных феноменов античных культов.

Ключевые слова: Китей, святилища, сакральные практики.

К настоящему времени на территории боспорского города Китея площадью около 7 га раскопаны четыре святилища. Самое большое – Центральное – площадью не менее 4000 кв. м. и мощностью культурных напластований более 12 м (Раскоп II, «зольник»). Кроме того, еще два святилища примыкают к городским стенам; вероятно, они могли быть связаны с культами, имеющими отношение к защите города. Это значительное святилище у восточной крепостной стены, вытянутое вдоль нее (раскоп IV), и у западной оборонительной стены (раскоп I). Есть небольшое святилище и на V раскопе.

В первые десятилетия своего существования китейская городская община обходилась без крепостных стен. Город был основан во 2-й половине V в. до н.э., а самые ранние оборонительные сооружения появились в начале IV в. до н.э. Однако жители города не могли обходиться без сакральных мест, где происходили бы жертвоприношения и праздники. В

¹ Поскольку статья представляет собой обобщение результатов наших же исследований в предшествующие годы, мы не станем делать сноски в тексте, а перечислим использованные работы в конце статьи в отдельном списке литературы.

частности, в святилищах на II и IV раскопах в нижних слоях хорошо представлен материал последней трети V – начала IV вв. до н.э.

В результате почти 40-летнего археологического исследования слоев святилищ и анализа находок на каждом из них, удалось выяснить характер отправления культов и выявить особенности каждого памятника. При этом в них есть и много общего. Так, совершенно очевидно, что в Китее, в его религиозной жизни преобладали хтонические культы, связанные, прежде всего, с земледелием и несущие в себе идею плодородия не только земли и скота, но и человека. Среди самых почитаемых богов были Деметра (вероятно, вместе с Корой), Великая Мать (Кибела), Афродита, Артемида вместе с их мужскими паредрами - Гераклом, Дионисом и его спутниками, Аполлоном. Это подтверждается находками нескольких сотен фрагментов терракотовых статуэток, граффити, а также многими вотивными артефактами. Отметим также, что на территории всех святилищ было найдено 85 алтарей (не считая ям-ботросов) разной конструкции.

В настоящей небольшой заметке я не столько уделяю внимание характеристике культов олимпийских богов, отправляемых в китейских святилищах, их особенностям, сколько сакральным практикам, в них применяемых. Здесь, прежде всего, имеется в виду обрядовая сторона религиозных отправлений, которую невозможно восстановить полностью, но кое-какие данные для ее реконструкции имеются.

Особенно показательно в этом отношении Центральное городское святилище (раскоп II), занимавшее чуть ли не четверть площади городища. Оно функционировало со второй половины V в. до н.э. по V в. н.э. Изначально оно возникло как ландшафтное, где подношения осуществлялись в природных скальных расселинах материковой скалы. Культ Деметры, который там отправлялся, носил ярко выраженный хтонический характер. Он был связан с жертвоприношениями в фависсы. Среди приношений были кости свиней, граффити, расшифровывающиеся как имя Деметры, светильники с обожженными носиками, терракоты сидящей богини. Поблизости, вероятно, осуществлялись ритуальные трапезы, кости и зола от которых тоже сбрасывались в фависсы. Наличие светильников наводит на мысль о ночных церемониях, роднящих такие обряды с Элевсинскими мистериями. Впоследствии, с середины IV в. до н.э., появляются граффити, посвященные Деметре и Иакху, а также «триаде», что прямо указывает на элевсинские элементы культа Деметры в Китее. Это подтверждается и почитанием Великой Матери, Афродиты, Диониса и Геракла (все это персонажи Элевсинского круга), которое ярко прослеживается в этом святилище с IV в. до н.э. Начиная с середины этого века, фависсы были заполнены, и над ними с годами стал формироваться большой зольный холм. Роль хтонических алтарей-расселин в дальней-

шем на протяжении не менее 800 лет стали выполнять искусственно вырытые в слоях святилища ямы-ботросы, которых с IV в. до н.э. по IV в. н.э. открыты сотни.

Для ботросов IV – 1-й половины III вв. до н.э. характерен весьма интересный обряд: дно их маркировалось плоскими камнями, которые, может быть, являлись первоначальными алтарями. На них могли совершаться какие-то действия (чаще всего легитации) перед заполнением ямы. В целом, ботросы в святилищах, по характеру их заполнения, можно подразделить на два вида: 1) те, в которые совершались жертвоприношения и легитации и 2) те, что служили для сброса остатков посуды, печины, золы и костей, оставшихся после ритуальных трапез, сопровождавших любые праздники и жертвоприношения. В последних почти никогда не встречаются votивные вещи, а первые могут оказаться почти пустыми, так как они были предназначены для различного рода возлияний. Поскольку и в тех, и в других встречается много золы, можно предположить, что часть ее приносили из домашних очагов, почитавшихся священными.

Следует заметить, что все обряды, связанные с жертвоприношениями, возникнув в глубокой древности, оставались неизменными в течение многих веков, передаваясь из поколения в поколение. Даже формы алтарей часто оставались неизменными. Для древнего мировоззрения характерны представления о связи божества и человека, которая осуществлялась через жертву и подношение даров. Кульминацией жертвоприношения являлась смерть жертвы (животного, злаков, плодов), поскольку она считалась условием перехода в иной мир – мир богов и возрождение в нем. Такой акт закреплял в сознании людей идею вертикальной оси космоса. Центральной фигурой в ней был человек (мир людей); от него исходили связи – вверх, в мир богов, и вниз – в мир предков, хтонических богов и земли-кормилицы. Соответственно, жертвоприношения можно подразделить на два вида: сжигаемые на алтарях, т.е. поднимающиеся вверх, и стекающие вниз и попадающие под землю, т.е. хтонические. Сооружения для таких ритуалов различаются.

В Китае для первого вида жертв использовались алтари, сделанные из монолитных камней: жертвенные столы, кубовидные, круглые. Для вторых употреблялись сложенные на земле алтари из плоских плит или специальные перекрытия для ботросов с отверстиями и стоками. Все алтари со сквозными отверстиями следует считать хтоническими. Возлияния в них совершались кровью жертвенного животного, вином, маслом, медом и молоком. Богам, в надежде на выполнение просьб адорантов об удаче и здоровье, также делались подношения: монеты, красивая посуда, украшения и пр. Кровь и чистая вода использовались для очищения.

Обязательной частью жертвоприношения являлась и коллективная трапеза – совместный пир его участников; трапеза также сопровождалась возлиянием вина в землю. О таких пирах могут свидетельствовать остатки обгорелой пещины и угольков в ботросах, кости животных, а также слои камки (морской травы), которая подстилалась для сидения.

Особенностью ранних (V-III вв. до н.э.) святилищ на II и I раскопах является отсутствие в них архитектурных сооружений, что еще более подчеркивает их хтоническое предназначение. Известен только один небольшой, прямоугольный, выгороженный низкой каменной оградой теменос, на котором располагалось пять алтарей, функционировавших в IV – I-й половине III вв. до н.э. (раскоп II); находки - круглый алтарь, сложенный из плоских плиток, положенных плашмя, два хтонических алтаря-ботроса, жертвенный стол со сквозным круглым отверстием и небольшой каменный алтарь. Все они, судя по сопровождавшим их находкам, возможно, были посвящены Афродите.

В эллинистический период обряд жертвоприношений сохраняется в своей основе. Однако, в самих культах и иконографии некоторых богов происходят изменения. Более популярными в сакральной жизни китейской городской общины становятся Афродита, Дионис и, особенно, его свита, а также Геракл с его ярко выраженными сотерическими функциями.

С первых веков н.э., особенно со II в. и вплоть до V в. н.э., в религиозной жизни Китея происходят изменения, связанные с тенденцией к монотеизму в изменившейся идеологии. В связи с этим центрами культовой жизни становятся архитектурные сакральные сооружения прямоугольной и круглой формы, возводившиеся со II в. н.э. на восточной окраине Центрального городского святилища. Обряды, совершаемые в них, позволяют предполагать тенденцию превращения культа Великой Матери в главный культ Китейской городской общины. Может быть, именно с почитанием этой богини связаны круглые здания и круглые дисковидные алтари, ассоциирующиеся с тимпаном Кибелы. Среди жертвоприношений животных увеличивается процент собачьих костей. В этих святилищах обряды по образцу языческих верований осуществлялись вплоть до начала V в. н.э.

Вместе с тем, в Китее в III в. н.э. был возведен значительный храм в честь Бога Высочайшего Гремящего безымянного, что зафиксировано находкой культового стола с пятистрочной надписью, упоминающей общину кититов. В святилищах на II и IV раскопах уже в VI в. н.э. найдены следы почитания Христа и вещи (сосуды, лампы), связанные с христианским культом, а на территории некрополя – склепы с христианской символикой, датирующиеся более ранним временем – с IV в. н.э.

В заключение отметим, что в античный период существования Китея, на протяжении тысячи лет, там выполнялись традиционные обряды, характерные для сакральных практик древности. Конечно, с течением времени они претерпевали некоторые изменения, но в целом сохраняли свой облик, свойственный времени их первоначального появления.

Список литературы

Молев Е.А., Молева Н.В. О культовой принадлежности архитектурного комплекса II-V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. С. 84-89.

Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у западной крепостной стены в боспорском городе Китее // Ирессона. Античный мир и его наследие. Вып. 4. Сборник научных трудов к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 55-60.

Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (14): ОЛВІО. In memoriam V.V. Krapivina / ред. С.А. Скорий. Київ, 2015. С. 264-270.

Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Т. II. Симферополь-Керчь, 2016.

Молев Е.А., Молева Н.В. Красноглиняное лошеное блюдо с крестом из раскопок Китея в 2016 г. // История и археология Крыма. Вып. 5. Симферополь, 2017. С. 222-227.

Молева Н.В. О некоторых особенностях погребального обряда на Боспоре // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 131-132.

Молева Н.В. Китейское святилище // Ритуал и ритуальный предмет. СПб., 1996. С. 42-48.

Молева Н.В. Обряд жертвоприношений в Китейском святилище // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 188-192.

Молева Н.В. Культ Диониса в Боспорском городе Китее // Из истории античного общества. Вып. 8. Н. Новгород, 2003. С. 74-81.

Молева Н.В. Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 121-124.

Молева Н.В. О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. С. 47-54.

Молева Н.В. К вопросу о культе Аполлона в Китейском святилище // Північне Приазов'я. Донецк: Норд-прес, 2008. С. 27-33.

Молева Н.В. Аполлон в Китейском святилище // Из истории античного общества. Вып. 12. Н. Новгород, 2009. С. 149-156.

Молева Н.В. Об иконографии Деметры и Великой Матери (Кибелы) в боспорской пластике // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 213-217.

Молева Н.В. Место святилищ в городском пространстве Китея // XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012. С. 328-330.

Молева Н.В. Деметра в Китейском святилище конца V-IV вв. до н.э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М.: университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 105-109.

Молева Н.В. Алтари и сопутствующие им сакральные объекты из Китея. Н. Новгород, 2020.

SACRED PRACTICES IN SANITUAS BOSPORIAN CITY OF KYTA

N.V. Moleva (Nizhny Novgorod)

The paper offers an overview of sacred practices at the sanctuaries of the Kyta settlement identified to date. Sacred life in the city evolved, and after it sacred practices changed, at the same time, remaining within the framework of the main phenomena of ancient cults.

Key words: Kyta, sanctuaries, sacred practices.

ПЯТЬ ЛЕТ КИТЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

А.В. Катцова (Санкт-Петербург)

В статье отражены результаты пятилетней работы экспедиции Государственного Эрмитажа на городище Китей. Представлена общая характеристика открытых слоев, комплексов и находок на центральном зольнике. Также рассматриваются итоги исследований округа города, где предварительно выделено несколько зон освоения прилегающего пространства.

Ключевые слова: зольник, Китей, Боспор, святилище, округа, хора.

Полувековая история планомерного исследования античного городища Китей позволила очертить основные вехи истории города, воссоздать его планировку, приблизиться к пониманию его хозяйственной, культурной и сакральной жизни. Однако это не означает, что дальнейшие исследования можно приостановить. Напротив, продолжающееся ежегодное изучение памятника дает возможность дополнить, скорректировать, а иногда и по-новому взглянуть на полученные ранее данные.

В 2020 г. исполняется пять лет с начала работы экспедиции Государственного Эрмитажа на городище Китей. Этот первый небольшой юбилей позволяет подвести основные итоги и обозначить наиболее важные результаты. На протяжении этих лет исследования проводились на различных участках - на городище, за линией его оборонительных стен и

в округе города. Но основным объектом изучения стал зольный холм, расположенный в центральной части Китея (рис. 1).

Зольная насыпь является яркой ландшафтной доминантой обширной степной равнины, окружающей город. Благодаря своим значительным размерам, она часто привлекала внимание ученых (рис. 2). Первые исследователи предполагали, что именно здесь был расположен городской акрополь¹. Однако многолетнее изучение восточной части зольного холма позволило высказать другое предположение. Н.В. Молева считает, что культовое сооружение в центре Китея являлось городским святилищем. Оно возникло вместе с городом во 2-й половине V в. до н.э. и просуществовало около 1000 лет².

Работы экспедиции Государственного Эрмитажа затронули неизученную ранее часть и начались с вершины насыпи, с самой высокой точки, сохранившейся в настоящее время. За прошедшие пять лет открыты слои мощностью до 3,8 м на площади 380 м². Глубина непо потревоженных военными разрушениями слоев составила 3,5 м.

Холмообразная насыпь зольника образована напластованиями коричневого и желто-коричневого суглинка с примесью створок раковин мидий и многочисленными прослойками золы. Концентрация пепельных прослоек неравномерна. Слой неоднородный, присутствуют различные прослойки желтого, серого и светло-серого суглинка, линзы песка и светлой глины. Подобная пестрота связана с постоянно возникающей необходимостью санирования насыпи. Скопления золы в центральной части города в сочетании со степным ветром, безусловно, оказывали неблагоприятное воздействие на окружающее пространство, что требовало регулярных промазок или подсыпок, препятствующих распространению слоя.³

Формирование холма происходило за счет небольших скоплений, перекрывающих друг друга, которые подвергались неоднократным нивелировкам. В разрезах прослеживается сочетание строго горизонтально залегающих слоев и прослоек и их падение под различным уклоном в разном направлении на разных участках⁴. Следы выравниваний склонов холма и обмазывания затем поверхности глиной отмечалось в восточной

¹ Молева Н.В. Китейский зольник – городское святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 16; Молев Е.А. Боспорский город Китей. Т. I. Симферополь-Керчь, 2010. С. 10.

² Молева Н.В. Указ. соч. С. 17.

³ Молева Н.В. Место святилищ в городском пространстве Китея // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород, 2017. С. 72; Масленников А.А. Сельские святилища европейского Боспора. М., 2007. С. 442.

⁴ Молева Н.В. Место святилищ ... С. 73.

части зольника.¹ Образование зольных холмов за счет нескольких насыпей и их последующее слияние в единый комплекс характерно как для китейского зольника², так и для других схожих объектов³.

В слоях зольника обнаружены многочисленные скопления печины. В отдельных случаях эти развалы имеют округлую форму и, вероятно, являются остатками разрушенных очагов, которые использовались непродолжительное время при совершении религиозных обрядов. Следы копоти и гари на обломках лепной и кухонной посуды могут служить косвенным подтверждением использования подобных временных конструкций для приготовления ритуальной пищи. Известно, что жертвоприношения всегда сопровождалась ритуальной трапезой. Все для жертвенного пиришества готовилось на месте и не уносилось обратно⁴.

Схожие по конструкции временные очаги, выполненные из печины, фрагменты керамики со следами горения и перегоревшие кости обнаружены в зольнике 1 у бухты Сиреневая. Данный материал позволил автору раскопок утверждать, что одной из функций зольной насыпи было использование ее в качестве некоей площадки, где могли совершаться религиозные действия⁵. Подобные очаги не были редкостью. Они были открыты и при исследовании зольника 1 и западного зольника на городище Мирмекий. Отсутствие следов горения, остатков очагов или кострищ непосредственно в слоях мирмекийского зольника 2 в сочетании с компактностью расположения фрагментов печины позволило рассматривать эти обломки как единовременные сбросы.⁶

Помимо печины в зольной насыпи Китея зафиксированы скопления различных обломков керамики, раковин мидий и пятна камки. Скопления створок мидий, как правило, имеют округлую форму. Присутствие прослоек камки на отдельных участках зольника отмечалось и ранее в напла-

² Молева Н.В. Китейский зольник. С. 20; Молев Е.А. Боспорский город Китей. С. 25.

³ Ковальчук А.В., Дикарев В.А. Работы на зольнике 1 у бухты Сиреневая в 2013-2015 гг. // Археологические открытия. 2015 год. М., 2017. С. 281.

⁴ Молева Н.В. [Рец.:] Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007 // Российская археология №1. 2010. С. 179.

⁵ Ковальчук А.В. Религиозная жизнь на поселении «Сиреневая бухта» // Краткие сообщения ИА РАН. Вып. 241. М., 2015. С. 113.

⁶ Бутягин А.М., Катцова А.В. Конструктивные особенности зольника 2 (работы 2008-2011 гг.) // XIV Боспорские чтения. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 61.

ствованиях IV–III вв. до н.э. и II–I вв. до н.э.¹ Небольшие по площади пятна морской травы и толстые подстилки на отдельных участках обнаружены в зольнике 2 Мирмекия.² Наличие в зольниках камки нередко относят к черте, присущей варварским культурам³.

Особое внимание исследователей привлекают скелеты собак, обнаруженные в зольниках. Трактовка подобных находок неоднозначна. Нередко их рассматривают как жертвоприношения и связывают с эллинской традицией или, напротив, предполагают их варварскую основу⁴. Ранее при раскопках восточной части китейского зольника было зафиксировано 6 скелетов целых собак и 59 фрагментов черепов или челюстей животных. Хронологически подобные находки охватывают период с первой половины IV в. до н.э. до первых веков н.э.⁵

За последние годы исследования зольной насыпи обнаружено еще 6 скелетов собак, а также несколько скоплений позвонков и черепа животных. Сохранность скелетов различна. В одном случае зафиксированы утраты тазовых костей и нижних конечностей, в другом – недостает части верхних и нижних конечностей. В большинстве случаев следы умышленного помещения остова животного на определенное место отсутствуют. Специально оформленные ямы, небольшие углубления, подсыпки или иные конструктивные элементы не прослеживаются, хотя, встречаются и исключения. Так, один скелет собаки был помещен поверх небольшой ямы, заполненной золой с включениями угля и перекрытой на уровне устья печины. Рядом с ним обнаружены астрагал и монета плохой сохранности. Наличие возле остова другого животного археологически целого краснолакового канфара также кажется не случайным.

В интерпретации зольных насыпей определяющее значение играют обнаруженные в нем находки. За прошедшие пять лет исследования зольника Китея получена большая коллекция разнообразного археологического материала. Общая численность находок достигла 97248 фрагментов керамики, 511 обломков черепицы. Наиболее многочисленными пред-

¹ *Молева Н.В.* Китейский зольник. С. 18; *Молева Н.В.* Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея (по материалам святилища) // *Очерки сакральной жизни Боспора*. Н. Новгород, 2002. С. 89.

² *Бутягин А.М., Катцова А.В.* Указ. соч. С. 61.

³ *Молева Н.В.* Греческое и варварское. С. 89; *Шауб И.Ю.* Варварское и греческое в зольниках городов Боспора // *Записки института истории материальной культуры*. № 5. СПб., 2010. С. 164.

⁴ *Молева Н.В.* Жертвоприношение собак в Китейском святилище // *Очерки сакральной жизни Боспора*. Н. Новгород, 2002. С. 119; *Шауб И.Ю.* Указ. соч. С. 164.

⁵ *Молева Н.В.* Жертвоприношение собак. С. 117.

меты – обломки различных глиняных сосудов. Это фрагменты амфорной тары, толстостенной, краснолаковой, простой красноглиняной и сероглиняной керамики, фрагменты кухонной и лепной посуды. Обращает на себя внимание незначительное присутствие профильных фрагментов среди обломков амфорной тары. Обнаружены различные изделия из глины, кости, стекла, камня, металла. Собран представительный остеологический материал.

Общий массив керамического материала датируется I в. до н.э. – III в. н.э. Встречаются отдельные примеси более позднего или раннего материала, что связано с условиями формирования насыпи, о которых упоминалось ранее. Впрочем, несмотря на отсутствие ярко выраженной разницы в структуре культурных напластований, на основании находок можно выделить два хронологических периода. В верхних исследованных слоях преобладал материал I-III вв., в нижних – I в. до н.э. – I в. н.э. Наличие в составе находок незначительных включений разновременного материала и отсутствие строго дифференцированных слоев не является редкостью для памятников подобного типа. Эти особенности фиксируются при исследовании зольных насыпей городов и сельских поселений.¹

Обращаясь к характеристике находок из китейского зольника, ограничимся пока лишь общими замечаниями. Для получения достоверных результатов количественного анализа всего массива находок, расчета их процентного соотношения и удельного значения различных групп материала необходимо завершить исследование всей насыпи, либо, учитывая ее продолжительность, определенного хронологического периода. Однако предварительные наблюдения все же следует обозначить.

В слоях I-III вв. отмечено преобладание нетарной посуды. На долю амфорной керамики приходится около 45,0% от общей численности материала. Большой процент занимают обломки различных категорий керамики, где преобладают фрагменты красноглиняной посуды. Несмотря на незначительную разницу, подобное корреляционное отношение все же не характерно для античных многослойных памятников и, возможно, является особенностью зольных насыпей римского времени. Схожая ситуация прослеживается при подсчете процентного соотношения находок из зольника I Сиреневой бухты, где отмечен высокий процент лепной посу-

¹ *Бутягин А.М., Колосов В.П.* Керамические материалы из раскопок зольника 2 городища Мирмекий: комплексный анализ // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 159; *Колосов В.П.* Мирмекийский зольник II и проблема его интерпретации // Клио. №11 (107). 2015. С. 38; *Ковальчук А.В., Дикарев В.А.* Краснолаковая посуда из Зольника 1 у бухты Сиреневая. Предварительный анализ // Древности Боспора. Т. 20. 2016. С. 291.

ды. Численность данной категории материала достигла 65,0%, на долю амфорной тары приходится 24,0%.¹

В напластованиях I в. до н.э. – I в. н.э. наиболее многочисленной категорией материала является амфорная тара. Среди прочих обломков также преобладают фрагменты красноглиняной керамики. Численность материала относительно количества находок первых веков н.э. увеличилась, хотя и для данного хронологического периода зафиксирована некоторая статистическая неустойчивость. В нижних горизонтах исследованных слоев отмечено значительное сокращение обнаруженного материала. Количество керамических находок сократилось чуть больше чем вдвое, остеологический материал - в три раза. Подобные отличия, безусловно, отражают динамику формирования зольной насыпи, интенсивность и специфику ее использования в различные хронологические периоды.

Среди многочисленных керамических находок стоит выделить портретный медальон на дне краснолакового сосуда с изображением в низком рельефе безбородого молодого человека в профиль влево (рис. 3). Краснолаковые чаши с портретными медальонами известны по находкам из Малой Азии и близлежащих островов, реже встречаются на территории материковой Греции, в Македонии, на Ближнем Востоке. На территории Крыма зафиксировано всего 10 портретных эмблем, две из них (с учетом вновь найденной) обнаружены на исследуемом нами памятнике.

Многочисленные споры относительно культового характера различных категорий находок из зольных насыпей остаются актуальными и сейчас. Для решения дискуссионного вопроса о сакральном назначении зольников исследователи нередко привлекают различные надписи и коропластику. Безусловно, керамическая эпиграфика является важной категорией материала. Граффити из китейского святилища, обнаруженные ранее, достаточно разнообразны. Это надписи магического характера, посвящения, имена владельцев, сокращения имен и неопределенные граффити. Однако для слоев I-II вв. количество таких находок исчисляется единицами.² При исследовании зольного холма обнаружено 62 граффити³. Половину из них составляют простые крестообразные знаки, нанесенные чаще всего на дно открытых сосудов, иногда дополненные прочерченными линиями или сеткой. Эти изображения просты и универсальны, в связи с чем их трактовка не всегда однозначна. Крест может

¹ Ковальчук А.В., Дикарев В.А. Указ. соч. С. 289.

² Семичева Е.А. Граффити Китейского святилища // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997. С. 137-138.

³ Выражаем искреннюю благодарность А.С. Намойлик – к.и.н., научному сотруднику музея-заповедника «Херсонес Таврический» - за оказанные консультации.

быть буквенным обозначением, меткой владельца, магическим символом или «бытовым» отражением солярного культа. Этот знак также служит сведенным к простейшей форме символом космоса.¹ Возможно, с большей уверенностью к категории магических следует отнести те крестообразные знаки, которые имеют дополнительные линии или начертаны на дне сосудов с отверстием в центральной части. Различные знаки, образованные пересекающимися или параллельными линиями, напоминающие рисунки, зигзаги или хаотические перекрестия, относят к апотропеическим граффити. В число защитных начертаний входят также «решетки» или «сетки».²

Буквенные граффито встречаются нечасто. Надписи представлены отдельными знаками или реже сочетанием нескольких букв. К последней категории относится небезынтересная надпись сокращенного имени собственного (рис. 4). На дне краснолакового сосуда начертано две буквы «Вр», которые являются началом негреческого имени, например, Βράδακος. Подобные имена редки и засвидетельствованы на надгробных стелах из Пантикапея I в. до н.э. – I в. н.э. и в I в. н.э.³ Среди находок керамической эпиграфики аналогию нашей находке можно найти в материалах Нимфея.

Полные надписи встречаются крайне редко и обоснованно заслуживают особого внимания. За прошедшие годы была зафиксирована лишь одна такая находка (рис. 5). Граффито ΔΙΟΣΚΟΡΟΥ (Διοσκóρου) прочерчено по кругу на внешней стороне дна краснолаковой чаши. Представляет собой род. п. (gen.) мужского имени Διόσκορος⁴. Надпись означает «(чаша) Диоскора». Согласно LGPN (Lexicon of Greek Personal Names), это имя засвидетельствовано 35 раз в разных областях античного мира в первые века н.э.; в Северном Причерноморье встречается впервые. Особенности шрифта надписи (курсивная сигма, каппа с длинными наклонными линиями, ро с удлинённой вертикалью, ипсилон с удлинённой вертикалью и перекладиной, омикрон, почти не уступающий по размерам другим буквам) позволяют датировать её первыми веками н.э., вероятнее всего, II в. н.э. Граффити из китейского зольника, включающие полные

¹ *Намойлик А.С.* Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Археологические вести. 23. 2017. С. 203; *Винокуров Н.И.* Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье // Проблемы истории, филологии и культуры. №13. М.-Магнитогорск, 2003. С. 151.

² *Намойлик А.С.* Указ. соч. С. 203.

³ Корпус Боспорских надписей. М.-Л., 1965. С. 85, 228; Корпус Боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб., 2004. № 324, 76.

⁴ Описание и анализ надписи подготовлены А.С. Намойлик.

имена владельцев, встречаются нечасто. Коллекция известных нам имен – Агафона и Сакаса - пополнилась еще одной находкой – редким именем Диоскор¹.

К граффити рисуночного характера можно отнести примитивное изображение части корабля. На внешней стороне дна краснолакового сосуда начерчен параллелограмм с вертикально пересекающей его в центральной части прямой линией. Этот рисунок, скорее всего, представляет развевающееся полотно паруса и мачту судна. Изображение кораблей было весьма популярным сюжетом на протяжении всей античности. На территории Северного Причерноморья подобные граффити на керамике известны по находкам из Мирмекия, хоры Боспора, Березани, Ольвии и Херсонеса.² Хронологически известные в настоящее время находки охватывают период от V в. до н.э. до 2-й половины I в. н.э. Хорошо известна фреска с изображением корабля на стене ниши склепа №2 некрополя Китея, который датируется III в.

Коллекция терракот представлена 54 фрагментами. Это различные обломки культовых и жанровых статуэток, рельефное украшение сосуда в виде головы лошади, фрагменты марионеток, обломки масок. Характер исполнения и качество обнаруженных предметов коропластики разнообразны. Большинство находок сильно фрагментированы и представлены невыразительными обломками. Однако встречаются предметы редкие, уникальные. Самой яркой терракотой является голова девушки с аккуратно уложенной парадной прической и высокой кичкой (?) (рис. 6). Ее голову украшала диадема, в уши вставлялись серьги. Поверхность терракоты была покрыта красным лаком, следы которого сохранились возле век и в складках локонов волос. Высота сохранившейся головы составляет 10 см. Это позволяет предположить, что первоначальный размер статуэтки достигал 70 см. Терракоты таких размеров в сочетании с подобным качеством исполнения и включением дополнительного декора крайне редки.

К подражаниям импортной привозной продукции следует относить фрагмент терракоты с изображением части фигуры в хитоне с животным в одной руке и корзиной с плодами в другой (рис. 7). Статуэтка выполнена из красной глины местного происхождения с примесью белых включений. Аналогичная полихромная фигурка сидящей на дифросе девушки в хитоне и гиматии была обнаружена в Мирмекии³. Она изготовлена в

¹ Семичева Е.А. Указ. соч. С. 141.

² Намойлик А.С. Указ. соч. С. 316.

³ Свод археологических источников. Часть I/II. Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. С. 98; Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. Табл. XVIII.

Малой Азии и датируется II в. до н.э. Столь точное повторение деталей двух статуэток позволяет предположить, что при их создании мастер-коропласт использовал одну форму. На территории Северного Причерноморья подобный тип терракотовых фигурок с корзинами, плодами и животными получил широкую популярность во II в. до н.э. – I в. н.э.

Примером известного в различных областях античного мира типа культовой терракоты может служить хорошо сохранившаяся фигурка с изображением полуобнаженной Афродиты с медальоном на груди, датирующаяся I в. до н.э. – I в. н.э. Афродита Анадиомена почиталась как покровительница моря и мореплавателей. Отправление культа этой богини в китейском святилище прослеживается на протяжении нескольких столетий, начиная с IV в. до н.э.

К редким находкам следует отнести обломок маски в виде верхней части головы, увенчанной венком из плюща и цветов. Подобные терракотовые маски, изображающие Диониса или его спутников, получили широкое распространение во 2-й половине II – 1-й половине I вв. до н.э. Встречаются они и в более позднее время. В восточной части китейского зольника находки, относящиеся к почитанию культа бога Диониса, известны и сосредоточены в слоях IV-III и II-I вв. до н.э.¹

Особо дискуссионными остаются вопросы, связанные с культовой характеристикой предметов, первоначальное назначение которых связано с бытовой функцией, хозяйственной деятельностью, предметами домашнего обихода². В материалах зольной насыпи представлены светильники различных типов со следами горения, ткацкие пирамидальные грузила, пряслица, фрагменты веретена, керамические пробки, каменные грузила, астрагалы, костяные накладки, в том числе редкий предмет - накладка на спинку кресла с изображением в низком рельефе головы бородатого силена (рис. 8), иглы для плетения сетей, рыболовные крючки, терочник, костяные «рашпили», оселки, украшения, монеты, различные предметы, относящиеся к эпохе камня и бронзы, и пр.

Однако существуют находки, чья связь с религиозной практикой кажется бесспорной. К данной категории следует отнести курильницы, небольшой переносной алтарь, вогивные хлебцы, миниатюрные сосуды³. В значительной степени интересной категорией находок представлены обломки нижней части открытых столовых сосудов со сверлением в цен-

¹ Молева Н.В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород, 2017. С. 27.

² Кузьмина Ю.Н. О критериях идентификации античных святилищ // Российская археология. 2011. №3. С. 36.

³ Ковальчук А.В., Дикарев В.А. Указ. соч. С. 282; Колосов В.П. Указ. соч. С. 39.

тре дна, что указывает на их использование в религиозных обрядах возлияния хтоническим богам. Несмотря на незначительное количество этих находок относительно массового материала, их связь с сакральной сферой очевидна. Впрочем, верно и утверждение, что материал, происходящий из святилищ, бывает настолько разнообразен и непредсказуем, что часто очень сложно понять назначение того или иного предмета.¹

Различного рода конструкции и объекты, которые нечасто встречаются при изучении зольников, вызывают особый интерес. За прошедший период исследования насыпи были открыты многочисленные ямы. Многие из них связаны с перекопами времен войны. Три комплекса относятся непосредственно ко времени бытования зольника. Особенности конструктивного решения и характер находок двух объектов заслуживает особого внимания. Ямы округлой формы с серо-золистым заполнением открыты в юго-западной части насыпи в непосредственной близости друг от друга. В центральной части дна каждой из них зафиксировано скопление плоских камней, помещенных друг на друга, образуя небольшое возвышение. Схожие алтари, созданные из горизонтально или вертикально поставленных каменных плиток, открыты в слоях зольника первых веков н.э.²

В заполнении одной из ям среди находок отмечен большой процент лепной посуды, обнаружено горло кувшина с дипинто красной краской, фрагмент лепного грузила и две фрагментированные курильцы. На поверхности одной из них сохранились следы копоти и гари. В расположенной рядом яме помимо керамического материала и обломков костей животных следует выделить череп чайки с просверленным отверстием в центре. Состав находок и конструктивные элементы указанных ям затрудняют их связь с хозяйственно-бытовой деятельностью. Данные объекты, по всей видимости, использовались в религиозно-культовой практике или являлись местом сброса после проведения ритуальных действий. Сакральные комплексы подобного типа встречаются нечасто. Например, ямы, связанные с культовой деятельностью, открыты при исследовании зольника II городища Мирмекий³.

Как правило, зольные холмы располагались на окраине поселений, реже – внутри жилой застройки.⁴ При этом формирование зольных насы-

¹ Кузьмина Ю.Н. Указ. соч. С. 35.

² Молева Н.В. Китейский зольник. С. 21.

³ Бутягин А.М., Катцова А.В. Указ. соч. С. 62.

⁴ Винокуров Н.И., Манцев Д.В., Фесенко А.В. Календарные аспекты пространственного расположения зольных холмов античных городищ Артезиан и Багеро-северное в Крымском Приазовье // Боспорские исследования. Вып. XXIV. Керчь, 2010. С. 411.

пей внутри жилой застройки характерно для эллинистической эпохи¹. Включение подобных насыпей в архитектурно-планировочную систему города, безусловно, требовало особых конструктивных решений. В целях предотвращения расползания склонов было необходимо ограничить пространство холма, создать для него выделенную изолированную площадку. Известны каменные ограды или кольцевые обкладки, очерчивающие границы зольных холмов². Китейский зольник, площадь которого в древности предположительно составляла 5000 м² при мощности культурных напластований около 12 м, занимал центральное место на городище.³ Н.В. Молева отмечает, что городские кварталы на западе и востоке располагались на некотором отдалении от зольника, а окна трех зданий первых веков н.э., обращенных в сторону насыпи, были заложены⁴. Следует предположить, что расположенный напротив городских ворот и окруженный застройкой, он не мог не иметь особых конструкций.

Часть невысокого глинобитного вала (0,5 м) сохранилась в восточной части святилища⁵. В результате наших работ в северной части насыпи открыта каменная ограда (рис. 9). Кладка двухслойная иррегулярная, ориентирована по направлению юго-восток - северо-запад, сложена из камней различного размера. Общая длина сохранившейся части насчитывает 4,3 м, высота 0,6-0,8 м. С северной стороны от ограды отмечен очень плотный утрамбованный слой серого суглинки, что позволяет предположить наличие здесь дороги, небольшой городской улицы, защищенной от осыпавшегося зольного грунта каменной кладкой. Время возведения и функционирования ограды определяется находками, во многом схожими с материалом из нижних слоев зольной насыпи, и может быть отнесено к I в. до н.э. – I в. н.э. Впрочем, появление кладки не являлось заранее спланированным пространственно- архитектурным решением. Подошва каменной стены стоит на характерных зольных слоях и ее появлению предшествовал период первоначального формирования зольного холма.

¹ *Бутягин А.М., Колосов В.П.* Указ. соч. С. 155; *Масленников А.А.* Сельские святилища. С. 441.

² *Бутягин А.М., Катцова А.В.* Указ. соч. С. 61; *Ковальчук А.В., Дикарев В.А.* Указ. соч. С. 282; *Ковальчук А.В.* Расположение зольников на поселениях Караларского побережья // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С.191.

³ *Молева Н.В.* Китейский зольник. С. 16.

⁴ *Молева Н.В.* Культ Диониса. С. 74.

⁵ *Молева Н.В.* О культе Афродиты в Китейском святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 95.

Для определения времени формирования и использования одного из самых продолжительных зольников на Боспоре важными являются результаты, полученные в ходе исследования западного склона насыпи. Ранее известные нам материалы очерчивали период функционирования зольника как сакрального святилища временем 2-й половины V в. до н.э. – 2-й половины IV в. н.э. Полученные в результате последних лет материалы позволяют дополнить эти данные.

Так, к западу от вершины зольного холма зафиксированы фрагментированные и частично поврежденные военными разрушениями слои светло-серого суглинка мощностью 0,1-0,7 м. Находки из данных напластований представлены многочисленными обломками амфорной тары, столовой, кухонной и лепной посуды. В составе находок обнаружены фрагменты черепицы, кости животных и рыб. При относительно небольшой площади неповрежденного слоя обращает на себя внимание его насыщенность костяными иглами или проколками. Всего найдено 6 игл. Традиционно подобные изделия трактуют как иглы для плетения рыболовных сетей. Впрочем, их форма настолько проста и универсальна, что нельзя исключать их широкий спектр применения. Ранее на это указывал Б.Г. Петерс, который считал их костяными шильями, орудиями для приема твердой пищи, проколками или колышками для растягивания шкуры¹. В переотложенных напластованиях времен войны, перекрывающих или разрушающий слой светло-серого суглинка, обнаружено еще 10 костяных игл. Возможно, данные находки также могли относиться к этому слою.

Представления о датировке и характере слоя дают и открытые ямы, устья которых были перекрыты указанными напластованиями. Два интересующих нас объекта зафиксированы на расстоянии 1,3 м друг от друга. Одна яма имеет двухчастную форму. Открыта на глубину 3,12 м. Нижняя ее часть грушевидной формы с незначительными следами глиняной белой обмазки на стенах и небольшими ямками-углублениями на дне вдоль стены. Верхняя - обрамлена каменной обкладкой, подошва которой стоит на горизонтально расположенных камнях небольшого размера, образующих полукруг с узким отверстием в центре. Кладка сложена из вертикально стоящих камней круглой или овальной формы, в завершении верхней части помещены три ряда горизонтальных камней меньшего размера. При разборке ямы на уровне горизонтально лежащих плит обнаружена округлая каменная крышка, которая перекрывала узкое отверстие в центральной части. В заполнении помимо керамических обломков об-

¹ *Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 56.

наружены фрагмент пряслица, костяная игла, кости животных и рыб, а также остатки зерна. Подобные ямы, с обмазкой стен или без нее, каменной обкладкой в верхней части и крышкой известны во многих городах и сельских поселениях Боспора; они использовались для хранения зерна.

Вторая яма округлой формы исследована на глубину 2,9 м. Конструктивные элементы в виде небольших ямок, аналогичные углублениям на дне предыдущей ямы, зафиксированы и здесь. Однако их расположение несколько отличается. Они выявлены на небольшом выступе стенки на глубине 1,7 м от устья ямы. Материал в заполнении представлен различными фрагментами посуды, обломками черепицы, костями животных и рыб. В составе находок обнаружен фрагмент терракоты, стенка амфоры с граффиито β, керамическая пробка и разнообразные изделия из металла – фрагменты гвоздей, оковка железного изделия, кольцо, фрагмент миниатюрного зеркала и пр. Время функционирования данного комплекса определяется находкой горла амфоры типа «Делакеу» с граффиито и насечками на венчике и относится к концу III - IV вв.

Несмотря на плохую сохранность и фрагментарность слоя светлосерого суглинка, характер полученных находок и открытых комплексов, позволяет предположить, что в конце III - IV вв. формирование зольника на данном участке насыпи было прекращено. Западный склон холма стал частью хозяйственной зоны, включенной в общую систему городской застройки. Безусловно, это не означает полного прекращения функционирования зольника в указанный период. Скорее, его угасание как сакрального пространства происходило постепенно.

К сожалению, сложно судить о назначении помещения, частью которого являлась двухфасная кладка, зафиксированная в восточной части насыпи. Ее сохранившаяся длина 3,0 м, ширина – 0,8 м. Постройка была возведена во время функционирования зольника, о чем свидетельствует расположенная на зольных напластованиях подошва кладки. Однако, перекрывающие ее слои коричневой супеси не содержат характерных для зольника пепельных прослоек или включений раковин мидий. Характер находок также не позволяет связывать его с культовым объектом. Возможно, данная кладка относилась к помещению, построенному на участке холма, где его религиозно-культовое значение было утрачено.

Зольная насыпь античного Китея - во многом эталонный памятник среди зольников Европейского Боспора. Длительность его существования позволяет проследить динамику образования насыпи и воссоздать специфику культово-религиозной практики на протяжении почти 1000-летней его истории. Исследования последних пяти лет позволили расширить наши знания об особенностях функционирования зольника на рубеже эр и в первые века новой эры, зафиксировать находки и комплексы, марки-

рующие его сакральное назначение, очертить архитектурно-планировочные решения, используемые при включении холма в структуру города, определить изменения в использовании различных участков насыпи.

Подводя итоги пятилетней работы Китейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, нельзя не упомянуть результаты исследований округа города. Античный город всегда обладал обширной сельскохозяйственной округой. Нередко за пределами городских стен располагался некрополь или хозяйственные зоны. Впрочем, и границы самого города в периоды его наивысшего расцвета могли выходить за пределы оборонительных стен. Для целостного понимания степени освоения предместья Китея и характера использования прилегающего к городу пространства, была исследована ближайшая территория обширной равнины за пределами оборонительных стен.

Ближайшая к городу округа имеет естественные ландшафтные ограничения. С севера, на расстоянии 1,5 км от города, проходит хребет с вершиной Джург-Оба, у подножья которого расположен некрополь. Могилики различного типа зафиксированы также с северо-востока и юго-запада от города¹. Погребальные сооружения и поминальные комплексы на последнем из указанных участков, по мнению В.А. Хршановского, перекрывались насыпями в форме «валов», идущих параллельно друг другу и вытянутых в меридиональном направлении².

В ходе разведочных работ 2015 и 2019 гг. на территории общей площадью около 22,0 га было заложено 12 шурфов (рис. 10). Два из них расположены за линией восточной оборонительной стены, один – за западной крепостной стеной. Остальные 9 шурфов заложены на разном расстоянии от города, на пространстве от северной оборонительной стены по направлению к подножью хребта Джург-Оба. Разнообразие полученного археологического материала в сочетании с данными георадарной и магнитной разведки позволяют наметить основные линии в решении вопроса об освоении пригорода Китея.

Известно, что на протяжении своей тысячелетней истории, город переживал периоды упадка и расцвета. Возведенные оборонительные стены не были препятствием для увеличения городского пространства. Основные направления расширения границ городской черты фиксируют-

¹ *Хршановский В.А.* Некрополи Китейской равнины // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., 2018. С. 249; *Молев Е.А., Шестаков С.А.* Некрополь Китея (по материалам раскопок 1972-1985 гг.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж - Белгород, 1991. С. 74.

² *Хршановский В.А.* Указ. соч. С. 256.

ся близ западной и восточной оборонительных стен, а также напротив городских ворот Китея. Так, за линией западной оборонительной стены, на небольшом пространстве между крепостной стеной и полкой первого «вала» зафиксированы слои мощностью 1,1-1,3 м и двухфасная кладка, датирующиеся II-III вв. (шурф №1/2015).

Наличие строительных остатков и разнообразие керамического материала, представленного обломками амфорной тары, фрагментами толстостенной, столовой и лепной посуды, позволяет утверждать, что прилегающая к оборонительной стене территория входила в зону пригородной застройки. Какова протяженность этого участка в западном направлении, определить пока сложно. Расположенный рядом первый «вал», трактуемый как погребально-поминальный комплекс, не позволяет проводить исследования в рамках разведочных работ. В настоящее время исследование этого объекта проводит экспедиция Института археологии РАН под руководством В.А. Хршановского, и будем надеяться, что полученные результаты позволят определить истинное назначение данных комплексов.

Мощные напластования, достигающие 2,95 м, хозяйственные ямы и многочисленные керамический материал, открытый в шурфе к востоку от восточной оборонительной стены, свидетельствует об активном хозяйственно-бытовом использовании этого участка также во II-III вв. (шурф №2/2015) Однако далее на восток культурный слой отсутствует (шурф №1). Находки представлены современным материалом – обломками стеклянных бутылок, пластиком, изделиями из железа. По всей видимости, данная территория использовалась не столь активно, и граница городского предместья проходила близ линии восточной крепостной стены.

За линией северной оборонительной стены наиболее мощные культурные напластования и максимальная насыщенность слоя разнообразным керамическим материалом фиксируется на расстоянии 100-200 м от оборонительных стен города, напротив северных городских ворот (шурфы 8,9,10). Культурный слой открыт на глубину 1,1-1,9 м. Количество выявленных находок относительно материалов из других шурфов велико и составило от 54 до 461 фрагментов. Согласно данным георадарной разведки, в непосредственной близости от оборонительных стен и на расстоянии 100-120 м от них зафиксированы признаки антропогенных нарушений (предположительно, фрагменты фундаментов и оснований сооружений) и структуры грунтовых объектов. По результатам магнитной разведки здесь же выявлены магнитные аномалии, появление которых можно связать с антропогенной деятельностью.

Данную территорию, на наш взгляд, следует относить к ближайшему предместью города, граница которого проходила за линией оборони-

тельных стен с севера и северо-востока, отступая на незначительное расстояние от них, и, не доходя до границы с грунтовым некрополем. С северо-запада ее можно провести на расстоянии около 100 м от города. С севера граница проходит в 250 м от оборонительной стены и тянется «языком» от входных ворот Китея по направлению к хребту Джург-Оба. С юго-западной стороны городища граница обозначена условно вдоль линии полы первого «вала», тянувшегося от береговой линии.

Исследование территории вдоль границы грунтового некрополя, расположенного с северо-востока от города, позволило установить, что данный участок не подлежал активному хозяйственному освоению. Глубина культурного слоя составила 0,5-0,8 м, численность находок насчитывает 21-23 фрагмента (шурф №3,4). Эта территория относится к грунтовому некрополю, границу которого, опираясь на данные георадарной и магнитной разведки, можно сместить до 150 м в северном и на 40 м в западном направлении.

За пределами городских стен античного города должна была простираться его хора. Известно, что округа Китея относится к зоне наиболее плодородных земель Европейского Боспора¹. На основании проведенных исследований, можно предположить, что ближайшая территория, пригодная для проведения сельскохозяйственных работ в округе Китея, располагалась к западу от города. Здесь в материалах шурфов прослеживается сочетание значительной мощности культурного слоя и скудости керамических находок, фиксируемых преимущественно в верхних условных горизонтах (шурфы №2,5). Глубина слоя насчитывает 0,7–1,1 м, количество обломков керамики составило от 19 до 54 фрагментов в каждом шурфе. Фаунистический материал и индивидуальные находки отсутствуют. Линейные объекты в виде «валов» также фиксируются к западу от города. Интерпретация их неоднозначна, но исключать связь данных насыпей с существовавшей системой размежевания не стоит.

Отметим, что на территории с северо-востока от города, между границей предместья и грунтовым некрополем, эти «валы» не фиксируются. Характер грунта и находки отличны от материалов, полученных в шурфах к западу от города. Выявленный слой - очень плотный, глинистый (шурфы №6,7), что свидетельствует о близком уровне залегания грунтовых вод. Открыт на глубину до 1,0 м. Количество обломков керамики насчитывает от 20-53 мелких фрагментов. Вероятно, данный участок не был столь пригоден для проведения активных сельскохозяйственных работ как территория к западу от города.

¹ *Гарбузов Г.П.* Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // Проблемы истории, филологии и культуры. М.-Магнитогорск, 2015. №1(47). С. 347, 350.

Исследования в округе античного Китея – важный этап в изучении структуры прилегающего к нему пространства, во многом связанного с уровнем развития самого города. Впервые очерчены границы предместья города, выделена хора, скорректированы границы ближайшего некрополя, определены наименее используемые участки. Однако эти небезыңтересные и во многом перспективные для исследования результаты требуют дальнейшего подтверждения.

Для насчитывающей десятилетия истории исследования античного Китея, пять лет – срок, казалось бы, небольшой. Однако сделано за прошедшие годы немало. На территории города исследованы слои и комплексы I в. до н.э. – III в., получена значительная коллекция разнообразного архелогического материала, создан новый топографический план памятника с учетом его современного состояния, впервые выполнено комплексное исследование округи города с использованием георадарной и магнитной разведки. Работы на памятнике будут продолжены.

FIVE YEAR ANNIVERSARY OF KYTAION EXPEDITION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

A.V. Kattsova (St. Petersburg)

The article sums up five years results of the State Hermitage expedition excavations of the Bosphorus city of Kytaiia. Overall characteristics of uncovered layers, pits, architectural remains and objects from central ash hill are introduced. Also output of investigations of city neighborhood is analysed. On this territory preliminarily several zones used for different purposes are defined.

Key words: ash hill, Bosphorus city Kytaiia, sanctuary, neighborhood of city, chora.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Топографический план города Китея.

Рис. 2. Зольная насыпь Китея

Рис. 3. Портретный краснолаковый медальон

Рис. 4. Фрагмент краснолакового сосуда с граффито «Вр»

Рис. 5. Фрагмент краснолакового сосуда с граффито «ΔΙΟΣΚΟΡΟΥ»

Рис. 6. Фрагмент терракоты с изображением головы девушки

Рис. 7. Фрагмент терракоты с изображением части фигуры в хитоне с животным и корзиной с плодами

Рис. 8. Костяная накладка на спинку кресла

Рис. 9. Кладка-ограда зольника

Рис. 10. Топографический план города и его округи

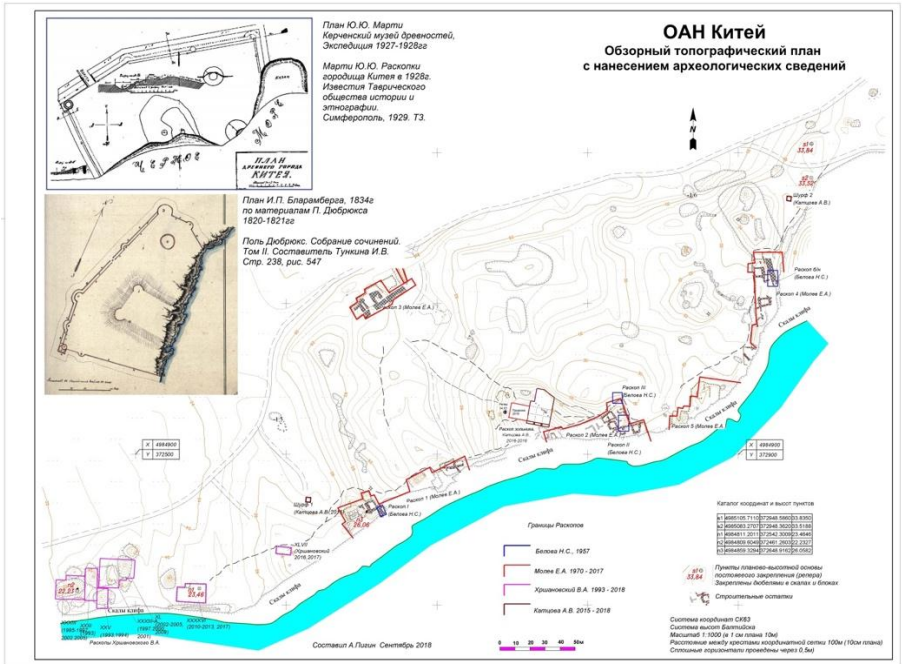

Рис. 1. Топографический план города Китея.

Рис. 2. Зольная насыпь Китея.

Рис. 3. Портретный краснолаковый медальон.

Рис. 4. Фрагмент краснолакового сосуда с граффито «Вр».

Рис. 5. Фрагмент краснолакового сосуда с граффито «ΔΙΟΣΚΟΡΟΥ».

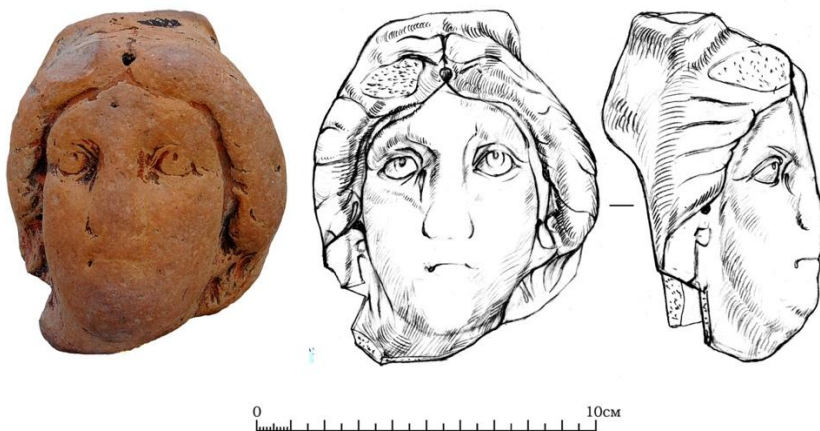

Рис. 6. Фрагмент терракоты с изображением головы девушки.

Рис. 7. Фрагмент терракоты с изображением части фигуры в хитоне с животным и корзиной с плодами.

Рис. 8. Костяная накладка на спинку кресла.

Рис. 9. Кладка-ограда зольника.

Рис. 10. Топографический план города и его округи.

БЕЛГОРОДЦЫ В КИТЕЕ

Н.Н. Болгов (Белгород)

В работе делается попытка представить общий очерк места и роли «белгородского землячества» в составе Китейской экспедиции (наряду с керченским и нижегородским), с акцентом преимущественно на последние годы.

Ключевые слова: Китей, белгородцы, экспедиция.

История Китейской экспедиции пересеклась с белгородцами в 1979 г., когда недавно переехавший в Белгород Евгений Александрович Молев, ставший преподавателем БГПИ, привез в экспедицию первых студентов-практикантов. Это были М. Поленова, В. Дубинина, А. Яценко, А. Алифанова, И. Чеботарева.

Поскольку с 1979 г. вся экспедиция стала экспедицией БГПИ, белгородцы составили ее основное ядро, став второй после керчан региональной группой («землячеством»), которая постепенно стала основной в этот период. Белгородские студенты проходили здесь археологическую практику на протяжении 13 лет.

Поскольку об этом периоде рассказывает книга Евгения Александровича Молева¹, то, думается, нет нужды в повторении. Можно лишь отметить, что этот цикл продолжался официально до 1992 г., когда Евгений Александрович переехал в Нижний Новгород.

Но экспедиция продолжилась естественным образом без перерыва, только теперь она стала базой практики для нижегородских студентов, составивших треть ее «землячество». Но белгородцы продолжали присутствовать в Китее, и даже составляли большинство его населения вплоть до 1995 года, когда состоялся последний сезон его «первой жизни».

В 1997-1999 гг. многие белгородцы приезжали организованным отрядом в лагерь экспедиции, чтобы привести в порядок раскопы, а также частично принять участие в раскопках на некрополе. Эта формула будет работать и в последующие «пустые» годы (без раскопок). Все ждали чуда, почти не веря в него. И чудо случилось, как не раз бывало в истории экспедиции.

В 2004 г. было принято решение о возобновлении ее работы, были намечены планы раскопок. Так началась «вторая жизнь» Китея. С 2005 г.

¹ Молев Е.А. Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Н. Новгород, 2013.

возобновились раскопки Нижегородской Китейской экспедиции, которая начала жизнь на новом месте, во «втором лагере». Этот цикл продолжился до 2012 года, и участие в нем белгородцев, поначалу казавшееся совсем не очевидным, вскоре оформилось в довольно представительную группу. Если в 2005 г. автору этих строк довелось работать там в единственном числе, а с 2006 г. – вдвоем с аспирантом С. Прокопенко, то с 2008 г. возобновилась практика белгородских студентов (наряду с практикой там же студентов нижегородских, начатой там с 2005 г.)¹.

Об этом периоде истории экспедиции также написано в «Иллюстрированной хронике». Поэтому из самых общих впечатлений об участии белгородцев в ней на этом этапе можно отметить то, что «землячества» в экспедиции не выделялись, все старались жить одним коллективом. Хотя надо признать, что нижегородские студенты были по-китайски взрослее, опытнее, и новое поколение белгородцев во многом училось у них.

Последний сезон этого цикла состоялся в 2012 г. После этого экспедиция должна была сменить формат. У нее появился новый начальник – А.В. Каряка из Киева. Но состав остался исключительно белгородским. В сезоне 2013 г. семь студентов БелГУ, как тогда казалось, дали начало новой «жизни» экспедиции (Китею-III).

Однако, в марте 2014 г. произошли серьезные военно-политические события, которые развернули курс китейского корабля в другую сторону. Киевский проект продолжения Китея окончился. Уже в июле, не желая терять сезон, группа студентов-практикантов БелГУ и несколько ветеранов экспедиции составили «Отряд «Китей», который полноценно принял участие в работах ВКАЭ в Крымском Приазовье. 23 белгородца составили хороший задел на будущее, тем более, что возникла идея о возобновлении работы Китейской экспедиции в традиционном виде.

И в 2015 г., после неполной недели работ на Тиритакке, где нас любезно приютили, экспедиция во главе с Е.А. Молевым возвратилась в Китей. В этом году велись лишь совсем небольшие аварийно-спасательные раскопки, а также расчистка прежних раскопов, но начало было положено. В этом сезоне в экспедиции приняли участие 22 белгородца. Собственно, никого иного в ней и не было, если не считать преподавателя Ярославского университета Евгения Данилова, сотрудничавшего с нами в 2014-2015 гг.

В 2016 и 2017 гг. состоялись полноценные сезоны, с работой на нескольких раскопах, с замечательными находками. Экспедиция практически полностью состояла теперь из белгородцев. В этом же 2016 г. мы

¹ Совсем рядом с Китеем, на некрополе Джург-Оба, в 2005-2010 гг. работала еще одна группа белгородцев – в составе Керченской археологической экспедиции (нач. А.Л. Ермолин, в 2010 г. – С.А. Ермолин).

обосновались в Третьем лагере – на бывшей базе рыбаков, благодаря чему обрели дом, двор и хозяйственные постройки. В 2016 г. работали 23 белгородца, и этот сезон стал последним, в котором участвовали практиканты-первокурсники.

В 2017 г. в Китей приехали 17 студентов и волонтеров из Белгорода, а также три студента-нижегородца, чему все были очень рады. И этот сезон, как показали дальнейшие события, (в очередной раз) стал завершающим в истории экспедиции.

В 2018 г. 19 белгородцев (и двое наших друзей из Санкт-Петербурга) приехали в Китей, чтобы традиционно привести в порядок раскопы. В том же году Евгений Александрович Молев передал памятник Александре Викторовне Катцовой и ее экспедиции Государственного Эрмитажа.

В 2019 г. было принято историческое решение о включении белгородского отряда «Китей» как наследника и преемника Китейской экспедиции Е.А. Молева в состав Китейской экспедиции Эрмитажа. При этом белгородцы сохранили автономный лагерь, приехав в количестве 17 человек и приняв активное участие как в раскопках зольника, так и в обследовании территории вокруг городища.

В 2020 г. пандемия не позволила приехать на место Китейской экспедиции Эрмитажа. Для белгородского отряда не было иного варианта, кроме как приехать и работать по расчистке старых раскопов. И 21 его участник, плюс трое наших друзей из других городов, сделали это.

Глобальные события в мире не помешали главному событию года – празднованию 50-летия Китейской экспедиции. Оно состоялось 3 августа, когда на городище приехал Е.А. Молев. Он провел экскурсию для нас и некропольской экспедиции В.А. Хршановского, которая собрала более 50 участников. Приведенные в порядок раскопы предстали перед таким многолюдьем в парадном виде. Сам Китей словно ощущал этот праздник, подарив нам прекрасную погоду, а главное – ощущение того, что жизнь древнего города не заканчивается. Редкая экспедиция может просуществовать 50 лет, пусть и с небольшими перерывами. Удивительным образом, китейцам это удалось, благодаря, несомненно, исключительно Евгению Александровичу и его команде, его семье.

Экспедиция жива, наш белгородский отряд сохраняет отдельный лагерь, а также многолетние традиции. 41-летнее пребывание белгородцев в Китее стало в целом бесценным опытом¹. Наверное, когда-нибудь появится книжка об этой истории и с нашей стороны, «нашими глазами».

¹ О Китейской экспедиции и белгородских отрядах 2005-2020 гг. в ней, включая полные списки участников отрядов, см. http://if.bsu.edu.ru/if/resources/exp_list.php?ID=1328

Сегодня же, имея летние археологические школы в Италии, на Кипре и в Армении, участвуя в других античных экспедициях (Порфмий, Тиритака, Джург-Оба), защитив более 20 диссертаций по античной и ранневизантийской истории, преподаватели кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», а также студенты и аспиранты, по-прежнему считают Китей началом начал нашего научного направления, откуда всё «есть пошло», а Е.А. Молева – его основателем.

Крайне редко обычный областной центр нашей страны может иметь такой опыт античной экспедиции. Белгороду здесь необычайно повезло.

Пусть же золотой юбилей экспедиции не станет подведением итогов. На Китее еще есть чем заняться новым поколениям тех, кто по-настоящему любит это суровое, но бесконечно красивое место.

BELGORODIANS IN KYTA

N.N. Bolgov (Belgorod)

The article attempts to present a general outline of the place and role of the "Belgorod community" in the Kyta expedition (along with the Kerch and Nizhny Novgorod expeditions), with an emphasis mainly on recent years.

Key words: Kyta, Belgorodians, expedition.

Фото 1. Праздник Посейдона в третьем лагере. 2016 г. В центре – Е.А. и Н.В. Молевы.

Фото 2. Китейская бухта (пляж), вид из лагеря. 2020 г.

Фото 3. Очистка раскопов. 2020 г.

Фото 4. Лагерь белгородского отряда. 2020 г.

Фото 5. Е.А. Молев проводит экскурсию на городище. II раскоп. 2020 г.

Фото 6. Е.А. Молев проводит экскурсию на городище. IV раскоп. 2020 г.

Фото 7. Обед. 2019 г.

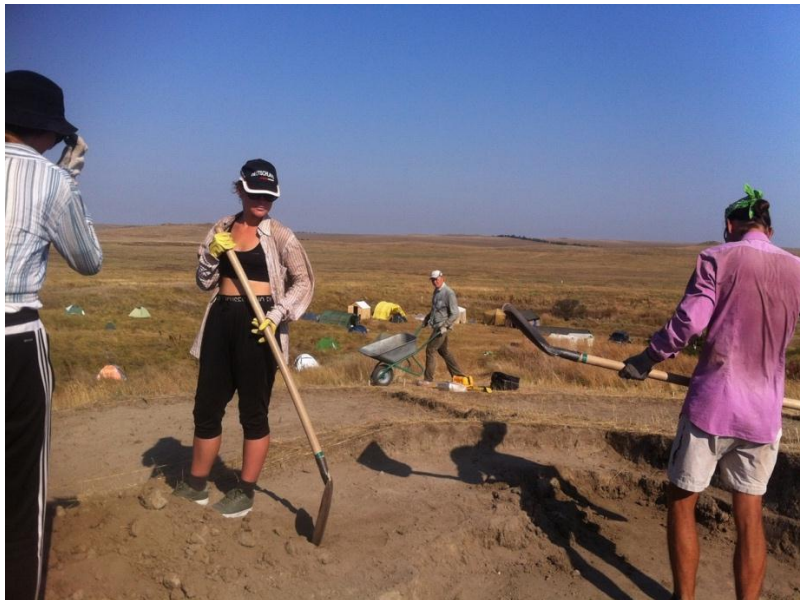

Фото 8. Работы на зольнике. 2019 г.

Фото 9. Праздник Посейдона. 2019 г.

Фото 10. В минуту перерыва. 2020 г.

Фото 11. На экскурсии в Керчи: на городище Пантिकाпей. 2020 г.

Фото 12. Китейская степь. 2020 г.

АНТРОПОМОРФЫ БЕЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев (Тула),
С.Л. Смекалов (Санкт-Петербург)

Статья посвящена антропоморфным изваяниям, выявленным на Белинском городище в Восточном Крыму. По мнению авторов, особенности и обстоятельства обнаруженных на городище указанных надгробий подтверждают вывод Н.В. Молевой о религиозном использовании антропоморфных изваяний при строительстве фортификационных и сакральных сооружений в боспорских городах в качестве закладных жертв, алтарей или апотропеев.

Ключевые слова. Боспорское царство, антропоморфные изваяния, религия, культура.

Антропоморфные изваяния являются своеобразным и непростым для интерпретации источником. И дело здесь даже не в особой форме данных надгробий. По большей части эти необычные каменные изделия часто находят не на некрополях, где они собственно и должны были вы-

полнять свою функцию погребального ритуала, а на поселениях и городищах, где по логике вещей они встречаться не должны. Однако, учитывая то обстоятельство, что данные памятники на поселениях и городищах являются не просто случайными находками, а важным элементом конструкций зданий, оборонительных сооружений и даже алтарей, очевидна их особенная роль в духовной культуре проживавшего на данных памятниках населения. В этой связи, находки и контекст обнаружения подобных антропоморфов и особенности их вторичного использования на том или ином археологическом памятнике могут помочь прояснить духовную основу верований и специфику религиозно-обрядовой практики жившего здесь населения.

Все вышесказанное касается и Белинского городища, расположенного на западных рубежах Боспора, в районе северного участка Узунларского вала. Городище исследуется с 1996 г. коллективом ученых ТГПУ им. Л.Н. Толстого под руководством профессора В.Г. Зубарева, и в целом датируется II-V вв. Тем удивительнее выглядят находки в слоях городища антропоморфов, датируемых гораздо более раннем временем.

Некоторые из таких изделий были учтены Н.В. Молевой в своей монографии, на сегодняшний день являющейся наиболее полным и серьезным научным исследованием, посвященным боспорским антропоморфным изваяниям¹. Любопытно, что одно из них находилось непосредственно в кладке противотаранного пояса, который в конце III – нач. IV в. опоясал западную башню городища². Тем не менее, судя по типу этого антропоморфа, напоминающего своим очертанием погрудную статую-полуфигуру, его необходимо датировать временем ближе к эллинистическому³.

Другое подобное изделие было обнаружено на раскопе Северный и, соответственно, также было вторично использовано жителями городища. Надгробие, напоминающее своими очертаниями погрудную человеческую полуфигуру, практически без шеи, теперь стало частью алтаря домашнего святилища. По датировке Н.В. Молевой, антропоморф относится к III в. до н.э., то есть, к эпохе более ранней, чем время существования

¹ Молева Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния: кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и в пространстве. Нижний Новгород: ННГУ, 2012. 178 с.

² Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Противотаранный пояс оборонительных сооружений городища «Белинское» // Древнее Причерноморье: Материалы Междунар. науч. X Чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013. Вып. X. С. 250–256.

³ Молева Н.В. Ук. соч. С. 144.

самого городища¹. К этому периоду и подобному же типу относится еще одно антропоморфное надгробие, найденное в культурных слоях Белинского городища².

Следующее найденное на городище погрудное антропоморфное изваяние с квадратной головой и прямыми широкими плечами, также датируется III в. до н.э. В свое время оно было сброшено в хозяйственную яму³. Другой подобный антропоморф того же времени, правда, отличающийся несколько меньшими размерами с прямоугольной головой, переходящей в прямые широкие плечи, также был найден на раскопе Северный⁴. По мнению Н.В. Молевой, вторичное использование указанных антропоморфов с Белинского городища могло не иметь отношения к религиозной сфере. В первом случае изделие сохранило следы обжига, во втором миниатюрный антропоморф, скорее всего, использовался как грузило для сетей. Тем не менее, заметим, что контекст находок подобных изваяний на Белинском городище не исключает того, что они могли происходить из разрушенных в позднеантичное время более ранних кладок жилых и общественных зданий. Другими словами, их реальное вторичное использование все же могло быть вызвано религиозным фактором.

Из отсутствующих в каталоге Н.В. Молевой антропоморфных изваяний Белинского городища, по причине обнаружения изделий уже после выхода монографии ученого, отметим надгробие из ямы № 122 на раскопе Восточный. Форма ямы округлая в плане, подцилиндрическая в разрезе, с ровными вертикальными стенками. Выкопана в рыхлом культурном слое золистой супеси и желтого суглинка. Дно скальное, неровное, с углублением в южной части. Датирующий материал из грунта заполнения ямы представлен амфорными стенками в количестве 48 шт., фрагментами амфор типа «90», «100» (Делакеу) по И.Б. Зеест, «F» по Д.Б. Шелову и некоторыми другими фрагментами красноглиняных амфор III-IV вв. На самом дне ямы найден фрагмент хорошо сохранившейся придонной части кувшина боспорского производства на плоском дне III-IV вв. Однако удивительно, что весь этот позднеантичный материал совершенно не сочетается с обнаруженным здесь же антропоморфом из желтого ракушечника (0,32x0,32x0,07) (п.о. 499, к.о. 24, рис. 1). Изделие по классификации Н.В. Молевой⁵ явно относится к типу №5 и датируется III в. до н.э.

¹ Там же. С. 145.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Там же. С. 46.

Еще одно антропоморфное надгробие Белинского городища, не попавшее в каталог Н.В. Молевой, происходит из ямы № 140, на том же раскопе Восточный. Яма была выявлена на глубине 0,5 м от дневной поверхности в слое золистой супеси ближе к южному краю обрывистого склона Аджизельской балки. Форма ямы округлая в плане, цилиндрическая в разрезе. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня. Заполнение ямы не совсем обычное для подобных объектов. Яма оказалась плотно забитой фрагментами частично обработанных строительных блоков желтого ракушечника (0,7x0,35x0,07; 0,7x0,4x0,2; 0,39x0,30x0,12), среди которых выделяется находка фрагмента антропоморфного изделия из желтого ракушечника (п.о. 505, к.о. 26, рис. 2). Непосредственно же на дне ямы на глубине 0,8 м обнаружен хорошо сохранившейся жернов из ракушечника диаметром 0,4 м толщиной 0,035 м, с круглым отверстием в центре диаметром 0,025 м. Датирующий материал из грунта заполнения ямы представлен амфорными стенками в количестве 45 шт., а также профильным фрагментом амфоры типа «F» по Д.Б. Шелову. Нетрудно заметить, что указанный материал позднеантичного времени вновь не соответствует датировке обнаруженного здесь же антропоморфа, явно относящегося к типу №5 (III в. до н.э.)¹.

По контексту находок двух последних антропоморфов, наиболее вероятным источником попадания данных изделий в хозяйственные ямы можно считать слои разрушения жилых и общественных зданий на городище в позднеантичное время. Правда это не может объяснить сам факт появления подобных изделий III в. до н.э. на городище II-V вв. н.э. По нашему мнению, объяснить загадку использования таких архаичных культовых изделий на городище поможет то обстоятельство, что антропоморфы, обнаруженные здесь, почему-то все относятся к одному типу и времени. Это может означать, что все они были взяты с одного места, а точнее, с какого-то неизвестного нам некрополя, который пока еще не известен науке.

Несмотря на то, что такой некрополь пока не обнаружен, заметим, что в ходе проведенных в 2017-2018 гг. археологических разведок в окрестностях городища, в 2,5 км к юго-востоку от юго-западной окраины с. Белинское, нами было выявлено не известное ранее античное поселение Аджизель II, площадью около 5,29 га. Оно было датировано нами по подъемному амфорному материалу V-II вв. до н.э. Материал же из заложенного здесь в 2018 г. шурфа, как и два обнаруженных здесь фрагмента амфор с клеймами (ок. 329 г. до н.э. и 297 г. до н.э.), подтверждает эту

¹ Там же. С. 46.

датировку¹. Логично будет предположить, что где-то недалеко от выявленного поселения, явно предшествующего по времени Белинскому городищу, и располагался некрополь, с которого и были взяты все обнаруженные нами на городище антропоморфы.

Такое целенаправленное использование древних надгробий живущими, в первых веках н.э. людьми, безусловно, подтверждает вывод Н.В. Молевой о религиозном использовании антропоморфных изваяний при строительстве фортификационных и сакральных сооружений в боспорских городах, в качестве закладных жертв, алтарей или апотропеев².

ANTHROPOMORPHS OF THE BELINSKY SETTLEMENT

**V.G. Zubarev, S.V. Yartsev (Tula),
S.L. Smekalov (Saint Petersburg)**

The article is devoted to anthropomorphic sculptures found at the Belinsky settlement in the Eastern Crimea. According to the authors, the features and circumstances of these tombstones found on the site confirm the conclusion of N.V. Moleva about the religious use of anthropomorphic statues in the construction of fortifications and sacred structures in Bosporan cities, as mortgage victims, altars or apotropeums.

Key words: Bosporus Kingdom, anthropomorphic statues, religion, culture.

СВЯТИЛИЩА КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ХОРЫ ГОРОДОВ БОСПОРА VI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ III В. ДО Н.Э.

**С.Н. Прокопенко,
Я.В. Чумакова (Белгород)**

В статье рассмотрена проблема роли и значения сакральных объектов как маркеров, обозначающих сельскую округу городов Боспора в VI – первой трети III в. до н.э. Рассмотрены святилища на мысе Такиль, Артемиды Агротеры, Афродиты Апатуры, святилище Береговое 4 и святилище на Майской горе.

Ключевые слова: Боспор, святилище, хора, маркер, микроразона.

¹ *Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В.* Магнитная разведка на античных поселениях в урочище Аджиэль в 2017 году // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т.9. № 5-1. С. 69-75; *Ярцев С.В., Смекалов С.Л., Бутовский А.Ю., Шушунова Е.В., Астахов И.А.* Итоги и перспективы археологических разведок в урочище Аджиэль в 2017-2018 гг. // Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь; Керчь, 2019. Вып. XX. С. 633-634.

² *Молева Н.В.* Ук. соч. С. 65-73.

Обозначенная нами проблема практически не исследована. Сакральные объекты античного Боспора часто привлекают внимание ученых. Накоплен внушительный материал, который позволил исследователям произвести классификацию памятников и некоторые обобщения в области сакральной жизни населения региона¹. Но по рассматриваемому нами вопросу ученые ограничиваются лишь частными замечаниями. Это не случайно, т.к. изучение данной проблемы сталкивается с двумя основными трудностями: рассмотрения конфигурации хоры конкретных городов Боспора в различные хронологические периоды и установления связи выявленных сакральных объектов с их сельской округой. Именно по этой причине за пределами нашего внимания остались наиболее изученные т.н. «сельские» святилища, обнаруженные и исследованные А.А. Масленниковым в Крымском Приазовье. Мы согласны с авторской интерпретацией данного района как «царской» хоры, не являющейся частью сельской округи какого-либо боспорского полиса (города), следовательно, эти памятники не репрезентативны для изучения рассматриваемого нами вопроса².

Сразу же оговоримся, что мы не ставим цель всесторонне изучить вопрос роли, значения и места ряда сакральных объектов в развитии ан-

¹ См., напр.: *Молева Н.В.* Сакральные памятники Боспора VI – начала V в. до н.э. // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 131-133; *Она же.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. 136 с. *Масленников А.А.* Сельские святилища античного Боспора // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 125-132; *Он же.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. 564 с.; *Русяева А.С.* Древнегреческие ландшафтные святилища в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Ч. II. СПб., 2002. С. 271-276; *Она же.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. 559 с.; *Кузьмина Ю.Н.* Эллинские святилища Боспора в VI – I вв. до н.э. (по материалам раскопок сакральных комплексов Азиатского Боспора) / Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. М., 2011. 374 с.; *Голубкова Е.В.* Античные святилища Боспорского царства как особые археологические объекты // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК РАН. СПб., 2020. С. 292-294 и проч.

² См., напр.: *Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V-IV вв. до н.э. // ВДИ. 2001. № 1. С. 178-190; *Он же.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. I. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников // Древности Боспора. Supplementum III. М., 2010. 244 с.; *Он же.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. II. Индивидуальные находки и массовый археологический материал. М., 2012. 232 с.

тичного Боспора и хоры его городов. Скорее мы хотим актуализировать данную проблему, изложив некоторые личные соображения на данную тему, причем исключительно в социально-политической плоскости.

Общеизвестным фактом является утверждение, что эллинские святилища очень часто в пространственной структуре системы «полис – хора» занимали пограничное положение. В подобном размещении сакральных объектов можно увидеть много значений, в том числе, и социально-политическое. Святилище как бы обозначало границу освоенных и контролируемых земель. Оно фиксировало власть полиса над территорией. Иногда сакральный памятник являлся маркером разграничения сфер влияния отдельных полисов, находясь на равном удалении от городских центров, не принадлежа никому из них, находясь в совместном использовании. Более того, нередко святилище выступало местом установления взаимных контактов населения полисов. Часто вокруг святилища оформлялись политические союзы и надполисные образования (амфиктионии)¹.

Отметим еще один общепринятый факт, важный, на наш взгляд, для понимания сути проблемы. Ученые неоднократно доказывали преемственность общеэллинской сакральной практики на Боспоре и некоторую архаичность религиозного сознания боспорян, особенно на ранних этапах освоения ими региона. В таком случае все, что было характерно для сакральной жизни Эллады архаического периода, находит продолжение на Боспоре в классический период.

У нас нет оснований сомневаться в том, что освоение Боспора проходило в рамках организационной системы «полис - хора». Наиболее ранние населённые пункты, освоенные эллинами в районе Керченского пролива, оформлялись как полисы со всеми вытекающими последствиями. Каждый полис поступательно расширял свою хору. Видимо, стратегии освоения сельскохозяйственных угодий европейского и азиатского Боспора отличались, но общее, что для них должно быть характерно – это стремление четко обозначить границы своих владений. Святилища могли стать в данной ситуации основным маркером власти граждан полиса над территорией.

Святилища рассматриваемого периода, маркирующие границы полисов в других регионах, в том числе и районах Северного Причерноморья², в описываемое время встречались часто, но на Боспоре они исследователям почти не известны.

¹ *Полиньяк Ф.* Внегородское святилище и образование полиса // Новое литературное обозрение. № 4 (68). 2004. С. 81-85.

² См. напрм.: *Буйских С.Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. XV. Запоріжжя, 2009. С. 225-227; *Полиньяк Ф.* Указ. соч. С. 83-84.

Возможно, одним из самых ранних памятников подобного рода на Азиатском Боспоре было святилище Афродиты Апатуры. До настоящего времени святилище однозначно не локализовано. Существует на этот счет большое количество мнений¹, но нам импонирует точка зрения С.Р. Тохтасьева, который помещает данное святилище на южном побережье Таманского залива, между Гермонассой и Фанагорией². Это напрямую согласуется со свидетельствами Гекатея Милетского (*Fr. 165 = St. Byz. s.v.*). К тому же в 3-й четверти VI в. до н.э. эта территория не была еще заселена греками. Между Фанагорией и Гермонассой существовало только одно поселение Тамань 3 («Седьмой километр»). Остается открытым вопрос принадлежности данного святилища одному из этих двух полисов, но вероятность того, что оно могло размещаться именно в пограничье их хоры, очень высока.

В какой-то степени маркером хоры Фанагории могло выступать святилище на Майской горе, даже учитывая, что оно было расположено очень близко к Фанагории, всего в 1 км к югу от городища. Святилище было основано в середине VI в. до н.э.³ и просуществовало до II в. до н.э. Для хоры Фанагории это был один из основных сакральных комплексов. В IV-II вв. до н.э. на его территории функционировало небольшое здание. Данное святилище было хорошо обозримо, оно находилось в доминирующей точке над окружающим пространством хоры Фанагории, что и позволяет нам его относить к святилищам, маркирующим его границы.

Видимо, к пограничным сакральным памятникам можно отнести святилище на поселении Береговой 4, посвященное элевсинским божествам. Святилище функционировало с сер. VI в. до н.э. до I в. до н.э. Вызывает некоторое затруднение его соотношение с древнегреческими полисами, расположенными на Фанталовском полуострове. Возможно, святилище Береговой 4 маркировало хору Патрэя, от которого оно находилось на расстоянии около 4,5 км.

Еще одной сакральной точкой, маркирующей городскую хору, выступает храм Артемиды Агротеры. О храме мы знаем из эпиграфического документа (КБН 1014). Храм однозначно не локализован, но можно предположить, что он находился на горе Бориса и Глеба, где отмечены

¹ См. напр.: *Русяева А.С.* Указ. соч. С. 151.

² *Тохтасев С.Р.* Апатур: история боспорского святилища Афродиты Урагии // ВДИ. 1986. № 2. С. 138-145.

³ *Кузьмина Ю.Н.* Указ. соч. С. 83-84. Есть и альтернативная точка зрения. А.А. Завойкин полагает, что святилище возникло не ранее середины V в. до н.э. См. напр.: *Завойкин А.А.* Периодизация освоения греками Таманского полуострова в VI-V вв. од н.э. // *Античный мир и археология.* Вып. 14. Саратов, 2010. С. 206.

некоторые остатки культовой деятельности. Ю.Н. Кузьмина однозначно относит храм Артемиды Агротеры к пограничным (маркирующим) святилищам, но уже маркирующим не хору конкретного города, а «хору» государства¹.

На Европейском Боспоре в рамках нашего исследования вызывает интерес святилище на мысе Такиль. Оно было выявлено и изучено Н.В. Молевой в 70-х гг. XX в. Автор отмечает, что наиболее ранний слой святилища датируется VI в. до н.э., и посвящено оно безымянному местному божеству. Н.В. Молева обозначает его как погранично-топографический или культовый знак, обозначающий вход в Керченский пролив, сложный для навигации². А.А. Масленников также отмечает его важное географическое расположение³. Наталья Владимировна настаивает на невозможности его рассмотрения как памятника, связанного с хорой Китея или округой Акры, т.к. сами города возникли позже. Данное утверждение, по нашему мнению, можно оспорить. Е.А. Молев, например, не исключал возможности более раннего основания Китея⁴, на то же указывают и некоторые итоги изучения архаических слоев Акры⁵. Но, даже если отвергнуть изначальную связь данного святилища с хорой Китея или Акры, мы не можем отрицать значимую роль данного общезллинского памятника региона в качестве маркера границы хоры этих двух городов между собой.

В завершение следует заметить, что ранняя хора боспорских городов четко развивается в пределах природно-ландшафтных микрозон, ограниченных естественными природными объектами: возвышенностями, руслами рек, заливами и т.п. Ничего удивительного нет в том, что ряд сакральных памятников на хоре городов Боспора размещался именно в границах этих ландшафтных ориентиров. В этом древние греки находили скрытые духовные смыслы. Святилища, размещавшиеся на морских мы-

¹ Кузьмина Ю.Н. Указ соч. С. 83-84.

² Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 122-128; она же. Ландшафтное святилище в скалах на мысе Такиль: для кого и для чего? // Боспорские чтения. Вып. XVI. Керчь, 2015. С. 232-238.

³ Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора. С. 131.

⁴ См., напр.: Молев Е.А. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 120.

⁵ См., напр.: Куликов А.В. О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб., 2004. С. 163; Он же: Обзор монетных находок с городища Акра (1981-2001) и вопросы периодизации денежного обращения Боспора // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 259; Вахонеев В.В., Соловьев С.Л. Подводные археологические исследования Акры (2011-2012 гг.) // Боспорский феномен. СПб., 2013. С. 171 и проч.

сах, возвышенных плато, сопках, а также гротах, ущельях и расселинах, выполняли функции медиаторов, соединяющих хтоническую сферу, мир земли и неба, олицетворяя границу, и в горизонтальной плоскости - деление на обжитое, человеческое, и неосвоенное, выходящее за пределы человеческого бытия¹. Таким образом, на ранней стадии мы видим ярко выраженный синкретизм социально-политического и духовного значений сельских святилищ в пограничье хоры городов Боспора.

По мере оформления надполисного государства роль и значение святилищ на хоре городов Боспора как маркера разграничения пространства снижается. В социально-политическом плане часть подобных функций забирает на себя система валов, оформившаяся не позднее III в. до н.э. Роль и значение некоторых сакральных объектов в жизни Боспора начинает снижаться, что приводит к прекращению их функционирования уже во II вв. до н.э.

SHRINES AS TERRITORIAL MARKERS OF THE CHORA OF BOSPORUS CITIES OF THE 6 - FIRST THIRD OF THE 3 CENT. B.C.

S.N. Prokopenko, Ia.V. Chumakova (Belgorod)

The article deals with the problem of the role and significance of sacred objects as markers marking the rural district of the cities of Bosphorus in the 6 – first third of the 3 cent. B.C. The sanctuaries on cape Takil', Artemis Agrothera, Aphrodite Apatura, sanctuary of the Beregovoe 4 and sanctuary on the Maiskaia mountain.

Key words: The Bosphorus, the sanctuary, chora, highlighter, micro-region.

ВЛИЯНИЕ ЭЛЛАДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Н.А. Щербакова (Тула)

В статье исследуются факторы, связанные с развитием культуры в городах Северного Причерноморья в античное время. Особенный акцент делается на развитие драматургии в регионе под влиянием Древней Греции. По мнению автора, на данной территории театральное искусство сформировалось исключительно под воздействием эллинской культуры.

¹ Кузина Н.В. Ландшафт хоры Крымского Приазовья: сакральный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 33-34.

Ключевые слова: театр, Северное Причерноморье, Дионис, Древняя Греция, культура, античный период, актеры, комедия, драма, комедиограф, хорег.

Культура античной Эллады формируется под влиянием политеистической религии. Так, культ бога Диониса способствует становлению театрального и драматического искусства. В связи с освоением территории городов Северного Причерноморья, театры строятся и на берегу Понта Евксинского.

Греческий театр (to theatron) состоял из трех частей: оркестры, сkene и театрона. Оркестра представляла собой круглую площадку для выступления хора, что схоже со сценой в современном театре. С V в. до н.э. сkene начали художественно оформлять как декоративный фон для пьес, что добавляло представлению творческого колорита. Театрон, или зрительный зал, располагался уступами под открытым небом, окружая оркестру. Именно эта часть дала название всему театру, поскольку зрители являлись главными участниками представления.

Театральное искусство возникло в связи с празднованиями во славу богу Дионису. Дионисии сопровождалась жертвоприношениями, винопитием, пышными торжествами. Эллины надевали ритуальные маски, козлиные шкуры и пели дифирамбы. Считалось, что Дионис покровительствует веселью, поэтому в Древней Греции столь обширно распространена традиция пышных празднеств и общеобязательных театральных действий. В честь празднеств устраивались драматические состязания драматургов: из 10 хорегов архонт-эпоним назначал трех хорегов для трагедий и трех для комедий¹.

Все расходы по постановке спектаклей производились за личный счет хорего, следовательно, эту должность мог возглавить не каждый афинянин (жителям других полисов не позволялось становиться хорегами). Должность хорего подразумевала формирование хора (14—15 человек для трагедии и 24—25 человек для комедий), а также изготовление хористам костюмов. Цензуру и предварительную критику в Афинах осуществлял архонт. Он выбирал произведения, которые казались ему более достойными, и вносил имена авторов в списки агона. Известно, что архонт однажды отказал представить хор Софоклу, несмотря на то, что

¹ Колобова, К.М., Озерецкая, Е.Л. Как жили древние греки. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1959. С. 126.

именно Софокл ввел в театральное действие третьего актера и использование декораций¹.

После 449 г. до н.э. архонт лично назначал протагониста, поскольку именно роль первого актера играла решающую роль успеха пьесы. Второго и третьего актера поэт мог выбрать сам. Изначально протагонистом был сам автор, но после реформы Софокла поэт не принимает участия в театральных действиях.

Ведущими жанрами в античные времена были трагедия, сатирическая драма и комедия. Драма вбирала в себя древнейшие жанры - эпос и лирику². Нельзя с точностью определить период формирования драмы. Как отмечал Аристотель, трагедия возникла от запева дифирамбического хора.

Каждый греческий полис должен был иметь театр, иначе его нельзя было считать городом (Paus. X, 4, 1). В связи с этим можно сделать вывод, что в городах Северного Причерноморья распространился этот принцип, однако, на данный момент найден только один театр.

Театр был найден в Херсонесе О.И. Домбровским в 1954 г. На месте театра долгие годы был христианский храм, но в ходе раскопок под ним были обнаружены скамьи и ступеньки лестницы, соответствующие архитектурному стилю античных театров Эллады³. Театр просуществовал до IV в., но за это время претерпел четыре капитальных перестройки. По данным раскопок, во II в. н.э. он вмещал примерно 3000 человек⁴.

В херсонеском театре регулярно отмечались празднества в честь Диониса. В III в. до н.э. здесь читал свое историческое сочинение Сириск, за которое соотечественники наградили его золотым венком (IPE. I2. 344).

Подтверждением тому является декрет в честь Сириска, который увековечен на плите из белого мрамора, украшенной фронтоном с изображением лаврового венка. Около театра греки ставили стелы с высеченными на них именами победителей в мусических состязаниях. Обломок

¹ Боу, Алекс. Софокл и его театр, Античные свидетельства о жизни и творчестве Софокла [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2012/02/22/678> (дата обращения: 11.11.2020).

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. С. 236.

³ Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960. № 1. С. 29-36.

⁴ Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. С. 146.

одной из таких надписей найден вблизи театра в Херсонесе (IPE. 12. 433)¹.

Театр в Ольвии упоминается в четырех декретах, в которых говорится о награждении граждан во время празднования Дионисий². Это говорит о том, что в театре, наряду с Дионисиями, проводились церемонии чествования деятелей культуры. Сам театр обнаружен не был, хотя археологи неоднократно предпринимали его поиски. Историки полагают, что театр находился на склоне и еще в древности был полностью уничтожен оползнем³.

Древнейшее свидетельство о театрах в городах Боспора относится к IV в. до н.э. Мемнон, готовясь к войне с царем Левконом, решил узнать о численности населения Боспора, поэтому он отправил туда кифареда Аристоника вместе со своим послом Архибиадом. По количеству собравшихся зрителей в театрах послы должны были определить население Боспора (Polyaen. Strat. V, 44). Это доказывает, что театры строились не только в Пантикапее, но и в других боспорских городах.

Говоря о театре в Пантикапее, стоит упомянуть о найденном мраморном кресле, изготовленном на рубеже IV—III в. до н.э. Такие кресла устанавливались в театрах для жрецов и почетных гостей⁴.

Также следует отметить сенсационную находку последних лет в Нимфее, где О.Ю. Соколовой был открыт сложный памятник с 4-мя рядами сидений и лестницей, разделяющей все выявленное сооружение театрона на две половины. Вдоль же нижнего ряда театрона располагалась площадка с щебёночной вымосткой и далее к востоку ограниченная с севера и юга параллельными стенами и двумя парадными входами — пропилеями⁵.

Многие правители Древней Греции пытались завоевать расположение своих подданных посредством постановки роскошных зрелищ, что особенно характерно для боспорских царей в IV—III вв. до н.э.

В театрах Северного Причерноморья ставили произведения известных греческих драматургов и местных авторов. В настоящее время известны трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде», трагедия Софокла

¹ *Соломоник Э.И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь: Таврия, 1990. С. 60-63. № 52.

² *Виноградов Ю.Г.* Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // *Новейшие открытия советских археологов.* Киев, 1975. С. 89.

³ *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетей, 2001. С. 133.

⁴ *Блаватский В.Д.* Мраморный трон из Пантикапея // *СА.* 1957. № 2. С. 247.

⁵ *Соколова О.Ю.* Архитектурный комплекс на южном склоне Нимфейского плато // *Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира.* СПб., 2018. Ч.1. С. 204-206.

«Скифы» и комедия Антифана «Скифы и тавры», где действие происходит в указанном регионе.

На одной пантикапейской терракоте изображены события, предположительно, местной комедии¹.

В эллинистический период появляются бытовые сценки, которые сразу обрели популярность среди населения. Одним из первых представителем бытового жанра был Герод, написавший «Мимиямбы». С развитием драматургии древнегреческие авторы больше не восхваляют богов в своих произведениях, а представляют их в сатирическом образе.

Примером может послужить боспорская легенда о коварстве Афродиты в борьбе с гигантами (Strab. X, 2, 10). Следует отметить, что данное произведение ставилось на сценах боспорского театра².

Свидетельства о театрах Северного Причерноморья приводят нас к выводу о том, что развитие театрального искусства было вызвано исключительно античными стандартами общественной жизни.

Таким образом, мы не можем утверждать, что на побережье Понта Евксинского театральные представления могли иметь интерпретацию, отличную от древнегреческой, ведь именно религия эллинов способствовала распространению дионисийских праздников.

Данные о пьесах, которые ставились на сцене местных театров, также свидетельствуют об исключительном влиянии древнегреческой мифологии.

THE INFLUENCE OF HELLAS ON THE FORMATION OF THEATRICAL ART IN THE CITIES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN ANCIENT TIMES

N.A. Shcherbakova (Tula)

The article examines the factors associated with the development of culture in the cities of the Northern black sea region in ancient times. Special emphasis is placed on the development of drama in the region under the influence of Ancient Greece. According to the author, theatrical art was formed in this territory exclusively under the influence of Hellenic culture.

Key words: theater, Northern black sea region, Dionysus, Ancient Greece, culture, Ancient period, actors, Comedy, drama, comedian, choreographer.

¹ *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: АН СССР, 1961. С. 88.

² *Тохтасьев С.А.* Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 117.

СКИФЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КРЫМА

Д.С. Юркова (Тула)

Мы — те, об ком шептали в старину,
 С невольной дрожью, эллинские мифы:
 Народ, взлюбивший буйство и войну,
 Сыны Геракла и Эхидны, — скифы.
 Вкруг моря Черного, в пустых степях,
 Как демоны, мы облетали быстро,
 Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
 К верховьям Тигра или к низовьям Истра.

В.Я. Брюсов

В статье рассматривается проблема локализации скифских племен на территории Крымского полуострова. Первостепенное внимание уделяется трудам античных ученых, которые упоминали границы расселения данных варваров и нередко называли их синонимично – тавро-скифы или скифо-тавры. На основе интерпретации исторических источников и точек зрения современных исследователей, автор статьи приходит к выводу, что скифы на территории Крыма обитали как в Предгорном районе, так и на территории Керченского полуострова.

Ключевые слова: Крымский полуостров, этническая география, скифы, тавро-скифы, этническая география.

Если представить ретроспективу Крымского полуострова с древнейших времён, то перед нами предстанет каскад из множества различных племён, которые с течением времени сменяли друг друга. А. Грибоедов в своё время абсолютно справедливо отмечал: «Крым – удивительная сокровищница, хранящая тайны тысячелетий».

Скифы были одними из тех племён, которые проживали на указанном полуострове. Но узнать, в результате каких исторических событий они появились в Крыму, как расселились, жили и назывались – гораздо сложнее. Отследить этнографическую ситуацию, связанную с позднескифской культурой, можно путем анализа целого ряда письменных исторических источников античного времени.

Отец истории Геродот Галикарнасский дает достаточно подробные сведения о скифах. Он пишет о том, что они заселяли различные районы Северного Причерноморья и прилегающие территории в зависимости от основного рода занятий. К примеру, автор «Истории» указывает на эллинских скифов: «Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) обитают каллипиды — эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием алидзоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ

жизни с остальными скифами, однако, сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом» (Herod., IV, 17); скифов-земледельцев: «За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа, а к северу — на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену...» (Herod., IV, 18); а также скифов-кочевников, которые живут на противоположном берегу Пантикапа и «...вовсе ничего не сеют и не пашут» (Herod., IV, 19).

Если же говорить о Крыме, то Геродот сообщает, что первыми на полуострове появились еще царские скифы. При этом греческий историк указывает границы их кочевания: «За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область к югу простирается до Таврики, а на восток — до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом» (Herod., IV, 20).

Греческий географ и историк Страбон в своем сочинении отражает уже иную этническую картину в Северном Причерноморье, по-видимому, сложившуюся здесь после появления в конце III – начале II вв. до н.э. сарматских племен. При этом некоторые скифские племена были вынуждены отступить в предгорные районы Крымского полуострова, в традиционные места расселения местного таврского населения. Страбон так определяет географическое положение таврского варварского населения: «...большую часть до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров. Вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией» (Strabo, VII, 4, 5). Казалось бы, что тавры и скифы - разные народы. Однако то, что здесь акцент смещается ещё и в сторону этнонима «скифское племя тавров», может свидетельствовать о смешении этих двух этнических общностей. Очевидно, что поздние тавры мало чем отличались от тех же скифов, постепенно ассимилируясь в одну этническую группу тавро-скифов.

Не обделяет вниманием поздних скифов и Плиний, который в ряде случаев именует поздних скифов аналогично Страбону: «От реки же Каркинита начинается Таврия, когда-то окруженная со всех сторон морями, в том числе и там, где ныне степи. Дальше, постепенно возвышаясь, переходит в обширные горы. На них живут 30 племен, из которых 23 в глубине горного массива, 6 — в городах. Это оргоцины, харакены, ассираны, стактары, акисалиты и калиорды. По гребню же гор живут ски-

фотавры» (Plin. NH., IV, 85). Также Плиний Старший упоминает и других скифов, указывая на то, что «...это древнее название не привилось прочно ни к одному из них, кроме тех из них, кто проводит свою жизнь почти в полной неизвестности для остальных смертных» (Plin. NH., IV, 81).

По сей день остается достаточно дискуссионной проблема локализации скифов в этнической географии Крыма. В.С. Ольховский, ссылаясь на легенду Геродота о вырытом рве от Таврийских гор до Меотийского озера, отмечает, что скифы не были коренным населением полуострова, и появились они в рассматриваемых территориальных границах до похода в Переднюю Азию¹.

А.Ю. Пуздровский² указывает, что в рассматриваемый период скифские поселения прекращаются в степной полосе, и локализуются в предгорных районах. В.П. Власов, на основе анализа лепной керамики, устанавливает факт миграции скифского населения в Восточный Крым и на территорию Боспора, уже начиная с I – начала II вв.³ Э.И. Соломоник⁴ и С.В. Ярцев⁵ считают, что формирование скифского этноса происходило через ассимиляцию с коренным населением Крыма. Это предполагает реальное существование в истории народа «тавроскифы».

О поздних скифах – сильных, властных, воинственных – с момента их появления в пределах Таврики упоминают многие письменные источники античного периода. Каждый автор по-своему локализует границы проживания этих племён, а некоторые в своих сочинениях даже именуют их иначе. Спорят учёные по данной проблематике и по сей день. Но всё-таки наиболее логичной и теоретически обоснованной является мысль о том, что скифское население, хотя и не было автохтонным на территориях Таврики, но проживало как в её предгорных районах, так и на территории Керченского полуострова.

SCYTHIANS IN THE ETHNIC GEOGRAPHY OF THE CRIMEA

D. S. Yurkova (Tula)

¹ *Ольховский В.С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. №3. С. 53-54.

² *Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н. э.) // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 212-214.

³ *Власов В.П.* О позднескифских миграциях на Боспор // Боспорские исследования. 2006. Вып. XI. С. 173.

⁴ *Соломоник Е.И.* Про значення терміна «тавроскіфи» // АП. XI. 1962. С. 153–157.

⁵ *Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 61, 154–169.

The article deals with the problem of localization of Scythian tribes on the territory of the Crimean Peninsula. Primary attention is paid to the works of ancient scientists who mentioned the borders of settlement of these barbarians and often called them synonymously-Taurus-Scythians or Scytho-Tauri. Based on the interpretation of historical sources and the points of view of modern researchers, the author comes to the conclusion that the Scythians in the Crimea lived both in the Foothills and on the territory of the Kerch Peninsula.

Key words: Crimean Peninsula, ethnic geography, Scythians, tавro-Scythians, ethnic geography.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Р.М. Бобин (Тула)

В статье подробно рассматривается этнополитическая карта Восточного Причерноморья в античную эпоху. К сожалению, сведения античных авторов о данном регионе носят фрагментарный и противоречивый характер и не позволяют в большинстве случаев точно локализовать многие из упоминаемых в них народов. На основании тщательного анализа источников, автор представляет современное состояние данной проблемы.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, Кавказ, античная эпоха, этнография.

В период античности на просторах Восточного Причерноморья события разворачивались довольно стремительно. Переход от республиканской формы правления к принципату в Риме привел к серьезным изменениям не только во взаимоотношениях между различными социальными слоями внутри империи, но и в отношениях римлян с народами и государствами Восточного Причерноморья, в частности.

Период принципата стал для Римской империи, как отмечают историки, «классическим». Границы империи достигли максимальных на тот период размеров, и римлянам становилось все труднее контролировать отдаленные территории.

Тем не менее, Рим, стремясь к мировому господству, настойчиво пытался подчинить себе страны Востока, в том числе Армению, Иберию, Атропатену и Кавказскую Албанию. Продвинуться дальше на восток римлянам не удалось из-за жесткого противостояния с Парфией. Народы же Закавказья героически боролись за свою независимость. Они неоднократно поднимали восстания, только номинально признавая над собой, в тот или иной, неблагоприятный для себя период, верховенство Рима, и

временно принимая его ставленников. В этой связи их только с большой натяжкой можно будет отнести к числу покоренных Римом народов¹.

Стоит также отметить, что большую часть времени пограничные земли на восточных границах Римской империи и, в частности, причерноморские территории, римляне использовали как плацдарм для зимних стоянок и перегруппировки сил воинских подразделений, с целью продолжения экспансии в восточном направлении. Все это сопровождалось тем, что каждый римский полководец или чиновник высокого ранга старались выжать из живущих здесь народов все больше средств, тем самым, вызывая против римлян ответные агрессивные действия.

Все это привело к тому, что Римская империя вскоре сменила экспансионистскую стратегию на оборонительную, все более склоняясь к созданию вдоль периметра своих границ системы дружеских «буферных» образований. Однако, и в этом случае требовалось добиться у того или иного народа полного контроля над механизмом передачи власти, которую по логике римлян, местный правитель мог теперь получить только из рук императора. Тем более что у местной элиты, как правило, всегда находились сторонники римлян, которых вполне устраивало стабильное надежное процветание лояльной Риму царской власти. Однако, невозможно такие государства считать полностью независимыми.

В любом случае, очевидно, что, как при военном натиске, так и при культурно-экономической экспансии в восточном направлении, римлянам необходимы были сведения о тех народах и государствах, которые должны быть покорены. Такие сведения нам оставили в своих сочинениях Геродот, Страбон, Тацит, Помпоний Мела, Плиний Старший Секунд, Флавий Арриан, Дион Кассий и другие древние авторы. К сожалению, все эти сведения фрагментарны и нередко противоречивы, что может объясняться различными временными и пространственными обстоятельствами, в которых работали данные авторы. Надо сказать, что здесь четко выделяется два географических района - собственно Восточное Причерноморье и Закавказье, на территории которых римляне и решали свои экспансионистские задачи. При этом вызывает интерес, что некоторые народы, жившие в то время на землях Синопы, Фарнакии, Трапезунда, а также на территориях Кавказского хребта у устья рек Чорох, Куры, вплоть до Кавказской Албании, имели одинаковые названия с народами, которые населяли причерноморские местности от крепости Апсар до Диоскуриады и далее до Таманского полуострова.

¹ *Перевалов С.М.* Рим и Кавказ в древности: враги или партнеры? // Вестник Владикавказского научного центра. 2010. № 1. С. 2.

Все это наводит на мысль о возможном переселении народов, как вдоль побережья Черного моря с севера на восток и с востока на юг, так и за Кавказский хребет в Азию и далее в Европу.

Для понимания этнополитической карты, сложившейся к рубежу эр в интересующих нас районах, пожалуй, следует начать с сообщения Страбона, который в своей «Географии» указывает, что южный берег Черного моря в разное время населяли: «... над Трапезундом и Фарнакией ... тибарены, халдеи, саны, называвшиеся прежде макронами» (Strabo, XII. 3. 18). «В приморской полосе страны халибов-халдеев лежит город Фарнакия, обязанный своим благосостоянием разработке рудников (халибы славились с древнейших времен как металлурги) и рыбным промыслом(ловля пеламид)» (Strabo, XII. 3. 18). «Вообще в этих местах морской берег очень узок. Над морем сразу поднимаются горы, изобилующие рудниками и лесами, а возделываются лишь не многие места. Средства к жизни рудокопам доставляют рудники, а поморянам-ловля рыбы, в особенности тунцов и дельфинов» (Strabo, XII. 3. 19).

Помпей Мела в своей «Описательной географии» (Pomp. Mel., I.105) и Плиний Старший Секунд (Plin. N.H., IV.11) в «Естественной истории» также отмечают, что приблизительно в тех же районах, в окрестностях рек Фермодонт (Терме) и Керасунт, вели хозяйство одноименные халибы (по мнению Помпония Мелы, халибы соседствовали с пафлагонцами в окрестностях Синопы), макрокефалы, вехиры и буксеры, а также саниги и санны (они же макроны) и гениохи.

Как известно, ценные сведения по этногеографической картине, в том числе ее юго-восточной части в античную эпоху, содержатся в «Естественной истории» Плиния Старшего, который для описания причерноморских стран пользовался периплами и дорожниками, составленными Артемидором Эфесским и Исидором Харакским, а также официальными римскими дорожниками, бытовавшими в I в. н.э. (Plin., NH, VI, 31).

Тем не менее, в данном случае, источник Страбона представляется все же более надежным. Он отмечает, что халибами называли всех жителей, населявших северную часть Малой Азии и южное побережье Черного моря, которые селились в местностях, богатых железной рудой, и занимались металлургическим производством. (Strabo, XII. 3. 18,19).

Восточные же соседи халибов – аппаиты, скорее всего, являлись бывшими керкетями (черкессами), которые переселились к побережью из области Северного Кавказа на пространство между Колхидой и Малой Азией. Они принадлежали к разбойничьим ахейско-гениохским племен-

нам, и впоследствии, по-видимому, переместились обратно вглубь Кавказа¹.

Выше в горах, на высотах Скидиса и Париадра, среди густых лесов жили превосходящие все остальные племена своей дикостью гептакометы, прежние моссинойки. Они вели примитивный образ жизни, питаясь дичью и лесными орехами, и отличались большой воинственностью, нападая на путешественников с целью грабежа и захвата пленников для продажи в рабство. Когда через их страну проходили войска Помпея, гептакометы истребили три отряда, предварительно одурманив их медом, расставленным в сосудах по дороге (Strabo, XII, 3, 18).

Моссинойками их называли эллины, производя название *Μοσσύνοικοι* от названия их жилищ — «моссин» (*Μοσσύνοικοι* — букв. «живущие в башнях» от греч. *μόσσυν* — «башня» (Herod., III, 94; IV, 78). Название *Επτακόμηται*, видно из прозрачной этимологии («жители семи поселков»). Страбон называет их гептакометами («семисельниками»), отмечая, что питаются они звериным мясом и орехами, нападают на путешественников, спускаясь с горных вершин (Strabo, XII, 3, 18). Ксенофонт отмечает, что моссинойки татуировали себе тела (Xen. Anab., V, 4, 32). По-видимому, это имя было присвоено им как группе отличавшихся особой дикостью племен, в состав которых могли входить часть халибов, санны и другие варвары².

Большой проблемой является идентификация санигов. Еще в I в. до н.э. Мемнон упоминает племена санегов и лазов, заселявших «внутренние области Понта». Во время Митридатовых войн конца I в. до н.э. к ним, по словам Мемнона, бежали на судах жители Синопа, осажденные римским главнокомандующим Лукуллом (Memn., 59).

Позднее И.А. Орбели³ считал, что этноним «саниги является точной параллелью названия гениохов». К этому мнению присоединились Г.А. Меликишвили и З.В. Анчабадзе⁴. Но при этом З.В. Анчабадзе⁵

¹ *Бгажноков Б.Х.* Саниги (женеевцы) в ранней истории черкесов // Мanuscript. 2019. Т.12. С. 18.

² *Лордкипанидзе О.Д., Микеладзе Т.К.* Восточное Причерноморье (Колхида) VII-V вв. до н.э.: античные письменные источники и археология // Причерноморье VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья, Вани, 1987, 24-30 сентября. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 171-194.

³ *Орбели И.А.* Город близнецов «Диоскуриас» и племя возниц *henuoxoi* // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № XXXIII. С. 210-217.

⁴ *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964. С. 240.

⁵ *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми: Алашара, 1976. С. 168.

утверждает в другой своей работе о генетической связи санигов с джигетами-садзами. Отвергая мегрело-лазскую, сванскую и жанеевскую гипотезы этнической и культурной преемственности данного народа, он считает, таким образом, что саниги никогда, вплоть до XIX в., не покидали места своего обитания.

Далее следует перейти к народам, которые населяли северо-восточную часть побережья Черного моря. Плиний упоминает проживавшие здесь племена кораксов, а также апсилов, что, возможно, является самым ранним свидетельством об абхазах (Plin., NH, VI, 31). О кораксах Плиний сообщает: «...и кораксы с колхийским городом Диоскуриадой...», из чего следует, что кораксы, наряду с верховьями Диоскуриады, частично были расселены и по морскому побережью, являясь, в то же время, жителями вообще бассейна реки Кодор. Следует обратить внимание на то, что абхазы называют Малый Кодор (Кудры) вторым наименованием Куараш (абх. Куараш), по созвучию с которым античные авторы и называли ее Кораксом (Plin., NH, VI, 15).

Ведя свое перечисление племен с юго-востока в северо-западном направлении, Плиний помещает апсилов в следующем контексте: «...через область суанов с Кавказа течет река Хоб. Далее – Раон, область Кегритика, реки: Сигания, Терс, Астелф, Хрисоррой, племя абсилов – крепость Себастополис...» (Plin. NH, VI, 15). Таким образом, согласно Плинию, возле реки Хоб и Раон находилась область Кегритика, соответствующая мегрельскому Эгриси (Лазика), а в районе Хрисорроя и города Себастополиса упоминаются апсилы. Что же касается названий рек, приводимых Плинием, то они, в основном, тождественны топонимам Арриана, то есть, река Хоб соответствует Ингуру, Сигания (Сингам) – Окум, Терс (Тарсур) – Моква, Астелф – это северное устье Кодора, Хрисоррой отождествляется с Келасуром или Гумистой (Arg., PPE, 15).

Далее Плиний Старший сообщает, что саниги граничат на юге «с племенем абшилов» (абсилов), живущим к северу от реки Фасис (Ингури), а на северо-западе – с гениохами. В Апсилии в 100000 шагов от Фасиса, – пишет Плиний, – находится римская крепость Себастополис (Сухум). За Себастополисом до Кавказского хребта живут племена санников (санигов) и гениохов. На землях этих племен расположен город Питиунт (Пицунда) (Plin. VI. 14, 16).

Из этого следует, что в I в. значительная часть санигов занимала на восточном берегу Черного моря пространство от Себастополиса (Сухум) до (предположительно) реки Ахеунт (Шахе). На юге страна санигов (Санника) граничила со страной абшилов (Апсилией), на севере по реке Ахеунт – со страной гениохов (Гениохийей), простиравшейся до Пагры (Геленджика). На тесную связь санигов с гениохами указывает и упоми-

вание в труде Плиния Старшего племени под названием «санны-гениохи». В отличие от гениохов на севере, «санны-гениохи» обитали на юге в окрестностях Трапезунта, по соседству с собственно гениохами, лазами, колхами и мосхами (Plin. VI. 12, 14).

Не случайно, начиная с I в., саниги упоминаются в одном ряду с зихами, меотами, синдами, керкетами, ахеями, абшилами, гениохами, абасгами и другими родственными и, безусловно, абхазо-адыгскими племенами. Они предстают с самого начала как часть большой группы жителей Восточного Причерноморья, тесно связанных с гениохами, а иногда и в качестве одного из множества других народов Гениохии (Strabo, XII. 3, 28).

В более поздние времена византийский император Константин VII Багрянородный в своих сочинениях (Const. Porphyg. De adm. imp. 42) отмечал, что из перечисленных Плинием Старшим племен именно зихи, наряду с синдами и керкетами, были самыми «мощными».

Исторические документы свидетельствуют о том, что «союзнические войска овсов (аланов), джиков (зихов) и дзурдзуков (предки современных чеченцев и ингушей) в 72 г. н.э. с согласия и поддержки иберов (грузин) прошли через Дарьяльское ущелье и вторглись в пределы Парфянского царства и Армении. «Захватив множество пленных и, преисполнившись всякого добра, ушли»¹.

Санны-гениохи — племенное объединение, существовавшее в I—II вв. юго-западнее устья Апсара (совр. Чорохи). Гениохи вне связи с другими племенами упоминаются в районе устья Апсара самим Плинием (VI, 12) и, по-видимому, Тацитом (Tac. Ann., XIII, 37). Относительно саннов Арриан сообщал: «Они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев, и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам» (PPE, 15). Арриан (PPE, 15), Дион Кассий (Cass. Dio., XVIII, 19, 12) и некоторые другие авторы локализуют здесь «царство махелонев и гениохов», во главе которого стоял царь Анхиал. Наиболее определена локализация Арриана (Arg. PPE, 15) — по побережью между реками Архабисом (совр. Архаве-су) и Офиунтом (совр. Офис), протекающими примерно в 50 км восточнее Трапезунта, т.е. между совр. населенными пунктами Ризе и Атина, а в глубь суши — до пределов Малой Армении.

Следует подчеркнуть, что известия о народах под названием «гениохи» содержатся в трудах Геродота (Herod. III, 94; IV, 78), Ксенофонта (Xen. Anab., V, 4, 32) в V в. до н.э. и затем в разных вариантах повторя-

¹ Картлис цховреба (История Грузии) / Нац. акад. наук Грузии, Комис. по источникам истории Грузии, Нац. ком. историков Грузии / Под ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008. С. 161.

ются в источниках античного времени на протяжении целого тысячелетия, вплоть до V в.

Арриан в своем «Перипле» подробно перечисляет причерноморские племена и их правителей интересующего нас региона, не забывая уточнить, насколько легитимна власть последних. Так, царь апсиллов Юлиан, как и царь махелоннов и гениохов Анхиал (известен также Кассию Диону: Cass. Dio LXVIII,19.2), получил царство от Траяна, остальные: царь лазов Маласс, абасгов – Ресмаг, санигов – Спадаг – от Адриана, как и царь зилхов Стахемфак (Атг. PPE, 15).

Позднейшая Апсилия, по данным Прокопия Кесарийского (Procop. BG, IV, 9, 15-17), простиралась по побережью от района совр. Очамчыры до совр. пос. Новый Афон (в VI в. Трахея), а ее центр располагался у совр. села Цебельда (Тзибила, Тибелия, Цибилиум).

К сожалению, Арриан не приводит конкретных границ между отдельными этно-политическими образованиями региона, так как его, прежде всего, интересовало население в непосредственной близости от только что основанных римских крепостей. Правда в отношении санигов как будто сказано, что в их «земле... лежит Себастополь». Между тем, к западу от Питиунта Арриан упоминает реку Абаск (совр. р. Бзыбь), несомненно, указывающую на район расселения абасгов. В.В. Латышев¹ также указывает, что «наименование этой реки не может быть оторвано от имени племени абасков или абасгов». Поскольку абазги являлись восточными соседями санигов (в этом же районе абазгов помещал позднее и Прокопий Кесарийский)², то локализация Диоскуриады – Себастополиса на территории санигов, по мнению Ю.Н. Воронова³, должна быть объяснена какой-то традицией, некогда объединявшей все население региона.

Такая ситуация, вместе с тем, может быть объяснена и простой ошибкой Арриана или поздних переписчиков рукописи его сочинения. Поэтому правильнее было бы считать, что саниги с юго-востока по р. Бзыбь граничили с абазгами; у восточной же границы абазгов лежал город Себастополь.

Однако многие историки и этнографы справедливо видят в этих терминах самоназвания соответственно современных абхазов (апсуа, то есть апсиллы) и абазин (абаздзэ). Географическое расположение носителей

¹ Арриан. *Объезд Эвксинского Понта* / Пер. П.И. Прозорова; комм. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. №1. С. 271. Прим. 8.

² Прокопий из Кесарии. *Война с готами* / Пер. С.П. Кондратьева, вступ. статья З.В. Удальцовой. М.: АН СССР, 1950. С. 375-378, 380-384, 397-403.

³ *Анчабадзе Ю.Д.*, Воронов Ю.Н. *Свет и боль: Из научного наследия ученого-историка, отклики на известие о его трагической гибели и воспоминания о нем.* М.: ИздАТ, 1999.

этих этнонимов, а также их судьба в письменных источниках свидетельствуют о том, что эти общности полностью или частично участвовали в этногенезе абхазского народа.

Естественным рубежом территории «абазов» и «черкесов» служила линия Главного Кавказского хребта, но миграционные процессы, происходившие на тот момент в этом регионе, могли повлиять на то, что часть его жителей, отделившись от общего массива, переселились на его северные склоны.

В позднейшее время этноним, производный от «абаз», в различных формах приобретает максимально широкое толкование. Есть известия, что еще в раннем Средневековье термин «абазги» обозначал в целом население Черноморского побережья до Кубанской дельты. Да и в новое время «турецкая историография XVII в. знает имя абазы лишь как собирательное»¹.

Таким образом, этноним «абаздэ/абазги/абазы/обезы/абхазы» изначально был и локальным самоназванием собственно абазгов, а впоследствии – абазин, и собирательным для внешних наблюдателей, обозначая, прежде всего, народы и «общества» Черноморского побережья (условно – от Анапы до Сухума)².

От него далее простирались земли апсилов. Южная апсильская граница, доходила до р. Хоба (Ингур). Затем начиналась «земля лазов, которая простиралась приблизительно до района р. Хоба». Правда, археологические материалы свидетельствуют, что ареал распространения апсильской культуры переходил и р. Ингур, так как чхороцкусские изделия (на левом берегу р. Ингур) из кремационных захоронений I–III вв. принадлежат апсилам³.

Также стоит остановиться еще на одном из интереснейших отрывков из сообщений Флавия Арриана, который содержит подробный маршрут плавания с перечислением народов Восточного Понта с указанием расстояний между устьями рек и остановками судов.

В своем дальнейшем описании своего путешествия, от Фасиса (Риони) до Диоскуриады (Сухума), Арриан сообщает, что «...Отправившись от Фасиса, мы миновали судоходную реку Хариент, (расстояние) между ними девяносто стадиев: от берега Хариента, проплыв еще девяносто стадиев, въехали мы в реку Хоб, где и встали на яко-

¹ *Сивер А.В.* Этнонимы «Адыги» и «Абазы» на пространстве Северо-Западного Кавказа во II-XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 143.

² Там же. С. 144.

³ *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. №2. С. 270.

ре. После Хоба мы миновали судоходную реку Сингам: она отстоит от Хоба не более чем на 210 стадиев. За Сингамом следует река Тарсур: между ними 120 стадиев. Река Гипп отстоит от Тарсура на 150 стадиев, от Гиппа–река Астелеф на 30 стадиев. Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Себастополь, двинувшись от Хоба, в 120 стадиях от Астелефа ...» (Агг. Рег., 10.3). При Арриане Себастополь был «конечным военным пунктом римского владычества»¹.

Л.А. Ельницкий, посвятивший специальную статью вопросам локализации географических пунктов, упоминаемых Аррианом, считает, что река Хоб должна сопоставляться с современным Ингуром, Сингам – с общим устьем Окума и Эрисцкари, Тарсур – с Моквой, Гипп – с Кодором, а судоходный Астелеф – с какой-то речкой западнее устья Кодора².

И в дальнейшем В.В. Латышев³, М.П. Инадзе⁴, Н.Ю. Ломоури⁵, на основе критического анализа сведений Флавия Арриана, а также мнений К. Мюллера⁶, Ф. Дюбуа де Монперэ⁷, Ф.К. Бруна⁸ и др., аналогичным образом отождествляют гидронимы Арриана с реками современной Юго-Восточной Абхазии (Хоб – Ингур, Сингам – Окум, Тарсур – Моква, Гипп – Кодор, Астелеф – ручей Дранда, Диоскурия и крепость Себастополь – Сухум).

Суммируя вышеизложенное, можно также полагать, что географические условия способствовали тому, что левобережье Кодора и район Скурчинской бухты в античный период являлись территорией, заселенной в первую очередь. Сказанное подтверждается тем, что все архаические поселения, известные в районе дельты Кодора, были расположены

¹ *Перевалов С.М.* «Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов (Сер. Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 311.

² *Ельницкий Л.А.* Из исторической географии // ВДИ. 1938. № 2. С. 312-314.

³ Арриан. Ук. соч. С. 265-275.

⁴ *Инадзе М.П.* Причерноморские города Древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 122.

⁵ *Ломоури Н.Ю.* Рим и Иберия (Историческая картина II в.) // ВИ. 1973. № 1. С. 213-217.

⁶ *Müller C.* Reliqua Arriani. Paris, 1853. P. 586–601.

⁷ *Дюбуа де Монперэ Ф.* Путешествие вокруг Кавказа: У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной // Труды Института абхазской культуры им. акад. Н.Я. Марра / Акад. наук СССР. Грузинский филиал. Свидетельства иностранцев об Абхазии; Вып. 6. Сухуми: Абгиз, 1937. С. 8-11.

⁸ *Брун Ф.К.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России: (1852-1877 г.) / [соч.] Ф. Бруна. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879–1880. Ч. II. С. 242.

исключительно на левобережье реки, на правом берегу Кодора античные поселения не зафиксированы¹.

Далее вдоль северо-восточного кавказского побережья, в сторону Боспора Киммерийского, мы попадаем в интересующее нас время к прикубанским меотским племенам, к которым Страбон относил также прибрежные племена керкетов, ахеев, гениохов, зихов и т.д. (Strabo, XI.2.1). Существует версия о происхождении адыгов от меотов, тем более, что Азово-Черноморское междуморье – ареал меотов – попадает в пределы исторической Черкесии. Сам термин «меот» этимологизируется с позиций адыгских языков как «мыгтхъухъ» – «мутное (или вонючее) озеро (болото)», в этом случае подразумевается Азовское море. «Мы называемся адыги, а до этого нас называли черкесы, а до этого нас называли меоты...» (аул Тхагапш, Лазаревский район города Сочи, 1997)².

Таким образом, древняя история автохтонных народов Восточного Причерноморья и Кавказа остается одной из самых малоисследованных. Сведения античных авторов носят фрагментарный и противоречивый характер, не позволяющий в большинстве случаев точно локализовать многие из упоминаемых в них народов. Нет, в частности, сколько-нибудь ясного представления о происхождении, истории и культурной динамике гениохов, апсиллов, абасгов, саниггов, ахейцев, керкетов, зиггов. Однако, без четкой этнополитической карты этого важнейшего для римлян региона сложно будет представить реальную политику Римской империи на своих восточных рубежах.

ETHNOGRAPHIC PICTURE OF THE EASTERN BLACK SEA IN THE ANCIENT ERA

R.M. Bobin (Tula)

The article attempts to examine the settlements of the Eastern Black Sea region in the antique period. The settlement of the expanses of the Eastern Black Sea region and the formation of the activity of peoples took place mainly according to the Hellenistic model, since Greek colonization (VIII-V centuries BC) played a huge role in the development of the ethnographic situation, up to the X century. However, later the peoples followed their own path of development and took a course towards independent existence.

Key words: Eastern Black Sea region, Caucasus, ancient epoch, Ethnography.

¹ *Маан О.В.* Этнографическая ситуация в юго-восточной Абхазии в античную эпоху // ПИФК. 2009. №1. С.175.

² *Сивер А.В.* Вопросы раннего этногенеза адыгов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 248.

ВЛИЯНИЕ ВАРВАРСКОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ЭКОНОМИКУ БОСПОРА В III В.

М.А. Малинин (Тула)

Статья посвящена кризисным явлениям, произошедшим в III в. в Боспорском царстве, которые способствовали упадку в социально-экономической сфере и повлияли на торговлю Боспора с варварами и регионами Южного Причерноморья и Средиземноморья. Будут рассмотрены условия упадка торгового оборота и связанные с ним социально-экономические изменения.

Ключевые слова: варвары, Боспор, торговля, экономика, кризис.

III век для Боспорского царства стал эпохой потрясений, а происходящие кризисные явления нашли отражение в торгово-экономической сфере, являвшейся со времён основания государства «ахиллесовой пятой» Боспора. Во время кризиса III в. на Боспоре произошли изменения, оказавшиеся роковыми для греко-варварской государственности в восточной Таврике. Упадок III в. нашёл своё отражение в особенностях социально-экономического развития государства. Впоследствии деградировала сфера хозяйственной деятельности, которая повлекла за собой ряд негативных тенденций. Они, в конечном итоге, привели Боспорское государство к глубокой варваризации и трансформации.

Географическое положение Боспора, находящегося на берегах Меотийского озера (Азовское море) и Понта Эвксинского (Чёрное море), соединяемых проливом Боспором Киммерийским (Керченский пролив), благоприятствовало становлению торговых путей с варварами северо-понтийского региона, городами и населёнными пунктами Южного Причерноморья. Такое положение дел, вероятно, было обусловлено достаточным количеством рек, впадающих в Меотийское озеро и Понт Эвксинский: Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр), Танаис (Дон) и т.д. Эти реки являлись крепким фундаментом для развития торговли.

Ещё со времён основания Боспорского царства в V в. до н.э. оно было окружено варварскими племенами, с которыми было вынуждено взаимодействовать. Однако это взаимодействие не всегда носило позитивный характер. Шаг за шагом боспоряне выстраивали отношения с окружающими их варварами. После череды войн и столкновений боспорские граждане нашли единственно верное «оружие», способное не только умиротворить окружающие их варварские племена, но и заставить принять язычников их уклад жизни, традиции, верования, культуру. Этим «оружием» являлась торговля.

Торгово-экономические взаимоотношения повлияли на формирование взаимовыгодных связей между жителями Боспорского царства и варварскими народами, которые населяли регион Северного Причерноморья. Торговые взаимоотношения стали основой, на протяжении нескольких столетий, для военных, культурных и религиозных взаимодействий между прогрессирующим греческим и варварским мирами.

К III веку в Боспорском царстве выделялось несколько ведущих торговых центров. В первую очередь, стоит выделить Пантикапей, который играл значимую роль в торговле с областями восточного и горного Крыма. Затем - Фанагорию и Горгиппию, через которые в торговую деятельность были включены территории Прикубанья и Предкавказья¹. Также надо отметить, что крайним северо-восточным центром торговли Боспора и номадов Европы и Азии являлся город Танаис².

Характерной чертой экономических отношений в торговых центрах между варварами с боспорскими городами в III в. является товарно-денежный обмен, основанный на использовании боспорских и римских монет в качестве эквивалента оценивания. Об этом свидетельствует множество кладов, обнаруженных на территории обитания кочевников, датированных первыми веками н.э.³

На торговлю с варварами шли: вино, амфоры, предметы вооружения, стеклянная и металлическая посуда, ювелирные украшения, фибулы, красно-лаковая керамика – произведённые не только на Боспоре, но и в городах Южного Причерноморья, а также в Средиземноморском регионе. О варварском экспорте в боспорские торговые центры нет ясных сведений. О нём можно судить по письменным источникам. Страбон в своих трудах отмечает, что варвары на продажу привозили рабов, кожу, товары кочевого хозяйства (Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 3). Что представляли собой последние, судить сложно, возможно, это были продукты переработки скота. Вероятнее всего, варвары также поставляли различное сырьё для металлообработки, если учесть, что в первые века н.э. на Боспоре бурно развивалась металлургическая промышленность.

Во 2-й пол. III в. по территории Европейского Боспора прокатились варварские нашествия, получивших название «готских» или «скифских» войн. В результате этих военных столкновений были разорены боспор-

¹ Брашинский И.Б. Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 183.

² Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского государства // Античная цивилизация и варвары. М.: Наука, 2006. С. 235, 237.

³ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.: Наука, 1972. С. 192–194.

ские города и сёла¹. К примеру, в это время был уничтожен город Танаис². Однако эти войны практически не затронули города и сельские поселения на территории Азиатского Боспора³.

Варварское вторжение легло тяжёлым отпечатком на экономику Боспорского царства. Погибли и были разорены множество сельских и военных поселений, последние из которых были одним из столпов военной обороны государства. Система военных поселений после «скифских» войн III в. больше не восстанавливалась. Крах военных поселений нанес огромный вред государственной казне и сельскому хозяйству, так как военные поселенцы в перерывах между военной службой обязаны были вести сельскохозяйственную деятельность и платить определённый налог-ренту за предоставленную землю⁴. Боспоряне, ранее проживавшие на сельскохозяйственных территориях, пытались защититься от варварских набегов и грабежей, стали расселяться в крупных городах Боспора⁵.

Сокращение поступления сельскохозяйственной продукции, связанное с прекращением деятельности крупных земельных хозяйств, в результате гибели и разорения множества сельскохозяйственных и военных поселений⁶, вынудило многие боспорские города постепенно перекалфицироваться в аграрно-ремесленные центры. Это повлияло на спад товарного производства. Производимая продукция стала использоваться преимущественно для удовлетворения внутренних местных потребностей. В итоге формируются замкнутые в экономическом отношении тер-

¹ *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1994(1995). С. 517-527; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966. С. 40.

² *Обломский А.М.* Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 2. Часть 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 174.

³ *Кругликова И.Т.* Ук. соч. С. 40.

⁴ *Масленников А.А.* Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения): специальность 07.00.06 «Археология»: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук; Институт археологии РАН. М., 1993. С. 23; *Зубарев В.Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // *Древности Боспора*. Том 5. М.: ИА РАН, 2002. С. 120-126.

⁵ *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первые века н.э. М.: Наука, 1990. С. 219-221.

⁶ *Масленников А.А.* Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). С. 40.

риториально-хозяйственные микрозоны¹, в которых, в свою очередь, в зависимости от природных и географических условий, образуются экономически замкнутые районы². Следовательно, они разделили некогда единую производственно-экономическую территорию на множество лоскусов.

Погибло множество производственных комплексов, прежде удовлетворяющих растущий спрос, в результате чего падала роль товарного производства. Ни о каком прежнем товарообороте с варварскими народами уже не могло быть речи. Боспору больше нечего было предложить своим соседям.

Ещё одной из важных причин падения системы товарооборота на Боспоре с варварами, с южнопричерноморским и средиземноморским регионами стало вторжение готов и боранов в середине III в. В результате этого нашествия боспорский военный и торговый флот оказываются в руках варваров. Готы и бораны в дальнейшем начнут использовать боспорские корабли для набегов на побережье Чёрного моря³. Понт Эвксинский превратится в арену деятельности варварско-пиратских банд. Варвары грабили торговые центры Южного Причерноморья и торговые корабли. О регулярном торговом обмене, который вёлся Боспором без его торгового и военного флота, пришлось забыть. Боспорской торговле был нанесён такой удар, после которого восстановить прежнее положение уже было невозможно. Объёмы торговли с регионами Южного Причерноморья и Средиземноморья сократились.

Следовательно, несмотря на положительные стороны торгового взаимодействия между варварами и Боспорским царством (первые неоднократно поставляли сырьё для производства и продавали рабов), их отношения в целом отрицательно сказались на экономике древнего государства. В результате варварского нашествия и кризиса III в. была поставлена точка в товарообороте между боспорскими и южнопричерноморскими и средиземноморскими торговыми центрами. В свою очередь, это небла-

¹ *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород: БелГУ, 2002. С. 101; *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород: БелГУ, 1996. С. 113–114.

² *Малинин М.А.* Территориально-хозяйственные микрозоны Европейского Боспора (на примере урочища «Аджиэль») // Классическая и византийская традиция. 2018. Белгород: НИУ «БелГУ», 2018. С. 72–77.

³ *Малинин М.А.* К вопросу о кризисе рыбозасолочной отрасли на Боспоре III веке нашей эры // Тульская историческая весна - 2020: Кризисы в истории общества: разрушительное и созидательное: Материалы всероссийской научной конференции молодых учёных, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020. С. 19.

гоприятно отразилось на торговле с варварами, населяющими территории Северного Причерноморья. Производство товаров на Боспоре велось уже не в таких количествах и объёмах. Производство было сфокусировано на удовлетворение местных потребностей населения. Кризис III в. нашёл своё отражение и в социально-экономической сфере, негативные тенденции которого, были описаны выше. Боспор отныне не был един, и не мог без посторонней помощи защищаться от варварских орд. Боспор стал связываться варварами с местом для наживы. Внутренние противоречия, варварские нашествия, разрушение экономики в дальнейшем приведут к постепенному угасанию древнего государства.

THE IMPACT OF THE BARBARIAN ENVIRONMENT ON THE ECONOMY OF BOSPORUS IN THE 3 CENTURY A.D.

M.A. Malinin (Tula)

The article is devoted to the crisis phenomena that occurred in the 3 century A.D. in the Bosporan kingdom, which contributed to the decline in the socio-economic sphere that influenced the trade of Bosporus with barbarians and the regions of the Southern Black Sea region and the Mediterranean. The conditions of decline of trade turnover and related socio-economic changes will be considered.

Key words: Barbarians, Bospor, trade, economy, crisis.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГАРНИЗОНОВ В ВЕРХНЕМ ЕГИПТЕ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ДИОКЛЕТИАНА

Н.О. Фартушной (Белгород)

В статье рассматривается реформаторская деятельность императора Диоклетиана на территории Египта, связанная с защитой и укреплением южных границ. Выделяются предпринятые им меры по защите территорий от набегов. Также отмечается выделение двух категорий приграничных войск.

Ключевые слова: Диоклетиан, Верхний Египет, Поздняя античность, гарнизоны.

Конец III века был весьма нестабилен в области южных границ Римской империи. По свидетельствам Зосима, беспокойства начались еще при императоре Пробе, когда в Птолемаиде началось восстание против

императора (Zos. I, 71).¹ Заручившись союзом с племенем блеммиев, восставшие вели непродолжительную войну, но император Проб с помощью своих полководцев достаточно быстро подавил мятежников. Однако, существует и мнение, по которому блеммии прорвали южную границу Египта и даже смогли захватить Копт и Птолемаиду, но также были подавлены и отброшены назад.²

Порядок был восстановлен, а племена прекратили свои набеги, но лишь на короткое время. Уже довольно скоро блеммии вновь начали опустошать египетские земли. Лишь в 298 г., когда в египетские земли пришел Диоклетиан, все начало меняться в лучшую сторону. Изначально прибыв в земли с целью подавить восстание Ахиллея, после завершения операции он принялся за реорганизацию египетских территорий. Египет был разделен на три провинции: Фиваида, *Aegyptus Jovia* и *Aegyptus Herculia* с целью более удобного управления этими землями. Затем он приступил к обеспечению безопасности южных границ и для этого был предпринят целый спектр действий, о котором мы можем узнать у Прокопия Кесарийского.

Собственнолично убедившись в том, что земли, являвшиеся верхнеегипетским лimesом в то время, не приносят совершенно никакой прибыли ввиду географической специфики, Диоклетиан решил отодвинуть южную границу чуть севернее, до Элефантины (Proc. Bell. Pers., I, 19, 27-29).

Это решение имело под собой несколько обстоятельств: во-первых, оно снижало расходы казны, так как по приблизительным оценкам некоторых исследователей, количество солдат в гарнизонах на территории Фиваиды достигало 10000 чел.,³ а снижение их количества ввиду сокращения территории уменьшало и расходы на содержание; во-вторых, изменение границ должно было решить дипломатическим путем проблему набегов блеммиев и нобатов, которым было предложено переселиться в оставленные Римом земли в надежде на то, что это поможет избежать дальнейших набегов и даже будет неким «щитом» перед римскими границами. Это предложение понравилось племенам, и они согласились переселиться. Вдобавок к этому, Диоклетиан распорядился выплачивать им

¹ Зосим. Новая история [Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова]. Белгород: БелГУ, 2010. С. 94.

² Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э.— 476 г. н.э. / Пер. с англ. М. Гитт. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. С. 222.

³ Bowman, Alan K. The military occupation of Upper Egypt in the reign of Diocletian // The Bulletin of American Society of Papyrologists. Vol. 15. No. 1/2. 1978. P. 32.

дань с условием, что больше не будет совершаться никаких набегов (Proc. Bell. Pers., I, 19, 32-33). Несмотря на это, набеги продолжали иметь место. Их количество, однако, значительно уменьшилось и уже не несло за собой значительных опустошений до определенного периода в дальнейшем.

Немаловажным для обороны границ стал остров Филы у южной части первого порога Нила. Диоклетиан провел масштабные работы по его укреплению; в частности, по свидетельствам Прокопия, на нем была построена крепость, а также храмы и жертвенники, общие для римлян и местных племен.

Изменения коснулись и непосредственно расположения пограничных подразделений. Некоторые исследователи полагают, что во время правления Диоклетиана в восточной части империи начала формироваться система военно-государственного землевладения.¹ Такое мнение может сложиться при обращении к сообщению Иоанна Малалы: «Диоклетиан построил крепости на границе от Египта до персидских границ и разместил в них лимитанов, и он назначил дуксов для каждой провинции, которые должны были быть размещены дальше от крепостей с большим войском, чтобы обеспечить их безопасность».²

Однако, при сопоставлении этих сведений с рассказом Зосима могут возникнуть некоторые противоречия. Зосим рассказывает следующее: «Когда Римская империя, благодаря предусмотрительности Диоклетиана, повсюду по крайним границам была окружена, как я уже отмечал, городами, крепостями и укреплениями, в них жили все войска, и не могло быть так, чтобы варвары перешли границы, так как всюду войска выступали навстречу врагам, чтобы их отразить» (Zos. II, 34).³ никоим образом не отрицается тот факт, что гарнизоны были расположены на протяжении всей границы, но достаточно проблематично представить, как такое количество войска могло владеть землей в этих землях.

Еще одна часть подразделений изменила свои функции. Алы и коргорты при Диоклетиане перестали быть боевыми единицами и начали выполнять полицейские функции, имея в своих задачах надзор за порядком и охрану складов.⁴ С этого времени они, по сути, отличались лишь

¹ Глушанин Е.П. Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 203.

² Иоанн Малала. Хронография. Книги VII-XII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 7 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. С. 95.

³ Зосим. Новая история. Белгород: БелГУ, 2010. С. 119.

⁴ Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. с франц. А.В. Банникова. СПб., 2005. С. 137.

своим наименованием и зачастую привлекались даже к сбору налогов, если с этим не справлялась администрация.

Таким образом, египетское войско разделилось на две категории: непосредственно гарнизонные силы, отвечавшие за оборону, и остальные подразделения, главной задачей которых была максимизация доходов с региона, которые потенциально могли компенсировать расходы на содержание как армии, так и провинции. Сокращение расходов также видится одной из глобальных задач Диоклетиана в ходе этой реорганизации.

REORGANIZATION OF GARRISONS IN UPPER EGYPT IN THE REIGN OF DIOCLETIAN

N. O. Fartushnoy (Belgorod)

The article discusses the reform activities of Diocletian in Egypt, related to the protection and strengthening of the southern borders. The measures taken to protect territories from raids are highlighted. There is also a distinction of two categories of border troops.

Keywords: Diocletian, Upper Egypt, Late Antiquity, garrisons.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТИ НА БЕЛИНСКОМ ГОРОДИЩЕ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРЯ ФОФОРСА

А.Р. Стрижак (Тула)

В статье рассматриваются обстоятельства восстановления боспорской крепости на Белинском городище. Автор приходит к выводу, что разрушенная во второй половине III в. крепость, была полностью восстановлена и усилена мощным противотаранным поясом при боспорском царе Фофорсе. По-видимому, данное строительство шло при материальной поддержке Рима, так как именно в это время римский император всячески помогал своему ставленнику Фофорсеу и был заинтересован в сохранении Боспорского царства, в первую очередь, в качестве проводника римской политики в Северном Причерноморье.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, римский император Диоклетиан, боспорский царь Фофорс, Белинское городище.

В начале II в. н.э. в Восточном Крыму было возведено довольно мощное боспорское укрепление, получившее современное название Бе-

линское городище¹. Располагалось оно на высоком плато и имело систему естественной защиты в виде крутых склонов Аджиэльской балки. Периметр городища был обнесен оборонительной стеной, в уязвимых местах был вырыт глубокий ров для того, чтобы враг не мог подвести осадные орудия к стенам крепости. Одна из главных функций городища заключалась в прикрытии северного участка Узунларского вала и, соответственно, поселений, расположенных в глубине территории Европейского Боспора, равно как и самой столицы – Пантикапея.

Однако во 2-й половине III в. оборонительные стены города были разрушены в ходе военных действий². Археологические данные свидетельствуют о том, что враги, используя стрелы, подожгли верхнюю деревянную часть западной башни. Стоит отметить, что это нападение не привело к окончательной гибели Белинского городища.

Уже к концу III в. происходит восстановление оборонительной стены Белинского городища. Застройка внутри периметра была существенно увеличена, но территория была сохранена. Сама крепость претерпела существенные изменения, были учтены ошибки, которые привели к падению городища.

Археологические данные свидетельствуют о том, что северо-западная стена при восстановлении была укреплена дополнительной кладкой из блоков желтого ракушечника. В связи с этим была увеличена ширина стены, местами она достигала 3 м (раньше ширина составляла 2,5 м). Другие стены городища также были восстановлены. Кладка двухслойная, однолицевая, щели между камнями заполняли землей, основание на подушке из мелкого, хорошо утрамбованного бута³.

Были восстановлены и угловые башни на ее флангах. Они также претерпели существенные изменения. Например, западная башня теперь была укреплена противотаранным поясом⁴. Он полукругом окружал западную башню, опоясывал ее и с внешней, и с внутренней стороны (Рис. 1). Максимальная высота пояса достигала 1,9 м. Кладка двухслойная, однолицевая, сложенная под острым углом, из белого камня. Материал, который использовался для пояса: крупные необработанные камни белого известняка, обработанные камни вторичного использования; раствор, который содержал большое количество земли, бутовый камень, который

¹ *Зубарев В.Г., Куликов А.В.* Монетные находки с городища «Белинское» // ДБ. Вып. 15. 2011. С. 173-178.

² *Зубарев В.Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // ДБ. Вып. 5. 2002. С. 121-122.

³ Там же

⁴ Там же.

заполнял пространство между фасом и стенами, а также стык северо-западной оборонительной стены и башни. Подножие лежит на слое золы и горелого суглинка, однако камни, лежащие непосредственно в золе, не имеют следов воздействия высоких температур. Укрепление западной башни противотаранным поясом связано с тем, что данная башня не имела естественной защиты.

Начальник Белинской археологической экспедиции Виктор Геннадьевич Зубарев предполагает, что эта башня была переоборудована под бастион с метательным оружием¹.

Судя по материалу, восстановление данной крепости происходило во время правления боспорского царя Фофорса, который, являясь ставленником Диоклетиана, пришел к власти в 285/286 гг. и правил до 309/310 гг.² Возможно этот царь имел непосредственное отношение к аланским племенам³. Не исключено, что предки Фофорса также относились к аристократическому клану и уже тогда были связаны с боспорской правящей династией⁴. Может быть, именно поэтому Фофорс и претендовал на боспорский престол.

Тем не менее, по-нашему мнению, внутренних ресурсов на Боспоре не хватило бы для столь масштабного восстановления и модернизации крепостных стен и башен Белинского городища. Именно поэтому, скорее всего, материальную помощь для этой постройки оказал патрон Фофорса, римский император Диоклетиан.

Таким образом, мы видим, что оборонительные стены и башни Белинского городища были восстановлены в полном объеме. Но, учитывая прошлый печальный опыт, они были усилены довольно мощным противотаранным поясом. По-видимому, данное строительство шло при материальной поддержке Рима, так как именно в это время римский император всячески помогал своему ставленнику Фофорсу и был заинтересован в сохранении Боспорского царства, в первую очередь, в качестве проводника римской политики в Северном Причерноморье.

¹ Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н.э. // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. 2013. С. 256.

² Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 139–144.

³ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. С. 45.

⁴ Чореф М.М. Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // Археологический ежегодник. 2014. №4. С. 333.

THE RESTORATION OF THE FORTRESS IN BELINSKIY THE SETTLEMENT DURING THE REIGN OF THE BOSPORAN KING FAVORS

A.R. Strizhak (Tula)

The article deals with the circumstances of the restoration of the Bosporan fortress on the Belinsky hillfort. The author comes to the conclusion that the fortress, destroyed in the middle of the third century ad, was completely restored and reinforced with a powerful anti-RAM belt under the Bosporan king Fofors. Apparently, this construction was carried out with the material support of Rome, since it was at this time that the Roman Emperor helped his protegee Fofors in every possible way and was interested in preserving the Bosporan Kingdom, first of all, as a powerful conductor of Roman policy in the Northern black sea region.

Keywords: Roman Empire, Bosporan Kingdom, Roman Emperor Diocletian, Bosporan king Phofors, Belinsky settlement.

Рис. 1. Городище Белинское. Фундамент западной башни и остатки опоясывающего башню противотаранного пояса.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

В.А. Лихошерстов (Белгород)

В статье показано, как Кирилл Александрийский выстраивал внутреннюю политику Александрийского Патриархата по отношению к различным религиозным конфессиям в Египте. Также показана преемственность его политики с его предшественником Феофилом.

Ключевые слова: история, Александрия, церковь, поздняя античность, ранняя Византия.

Епископат Кирилла демонстрирует замечательную преемственность своей политики с политикой Феофила. Это характеризуется во внутренней политике, во-первых, дальнейшим поддержанием безжалостного давления на язычников, еретиков и иудеев; во-вторых, сохранением монашеской поддержки. Для внешней политике - это продолжение конфронтации с Константинополем.

Есть также непрерывность стиля. Как и его дядя, Кирилл знал, как мобилизовать народные силы для достижения своих целей. Кирилл не подражал богословскому оппортунизму своего дяди. Во времена самого Кирилла он считался племянником своего дяди, а в более поздней коптской традиции - «новым Феофилом»¹.

В целом конфессиональную политику Кирилла Александрийского можно обозначить по трём направлениям: противостояние с еретиками (ариане, новациане, несториане), иудеями и язычниками. Согласно Сокрыту, церковному историку, первым делом Кирилл, будучи епископом (был рукоположен в 412 г.²), изгнал новациан, захватил их церкви и провёл конфискацию их имущества³. Агитация против ариан была представлена только в литературной форме.

В общей сложности известно около двухсот сочинений архиепископа. Большинство работ было создано в период главенства Кирилла на кафедре в Александрии в период с 412 по 444 гг. Его творчество можно разделить на две части, т.е. до и после несторианского спора (до и после 429 г.). Особого внимания заслуживают несколько работ в данном жанре:

1) «Толкование на Евангелие от Иоанна». Здесь Кирилл сразу указывает цель написания - это борьба с различными ересями. Часто подни-

¹ Ioan. Nic. Chron. 84.102.

² *Лященко Т.И.* Св. Кирилл, Архиепископ Александрийский: Его жизнь и деятельность. Киев, 1913. С. 109.

³ Soc. H.E. 7.7.

мается тематика об ипостасях, при этом защищается их равенство. Также в некоторых местах опровергаются арианские тезисы на различные догматические вопросы, высказывания Платона и Оригена. Но здесь отсутствует антинесторианский подтекст. В вопросе датировки нет единого мнения о точной дате создания толкования, но это определённно период 425-428 гг.¹

2) «Сокровища». Имеет вид диалога с арианскими аргументами и их опровержением на основании Священного Писания. Кирилл определяет цель трактата – это предостережение людей от заблуждений. Также труд является компиляцией предшественников Кирилла с его собственными мыслями.

3) «О Святой и единосущной Троице». Также является диалогом с неким «трудолюбивым братом» Немесием. Здесь более подробно рассматривается тринитарное богословие. Вполне можно сделать предположение, что Кирилл хотел создать объёмную работу для окончательно разгрома ариан.

4) «Толкование на пророка Исаию». Кирилл определяет смысл написания этого токования как попытку понять духовный и исторический смысл пророчеств. Разбирая пророчества, Кирилл трактует и свои воззрения на христологию.

Собственно говоря, противостояние с несторианами, является довольно хрестоматийным сюжетом, поэтому подробно останавливаться на нём мы не будем.

Его следующий шаг был направлен против евреев. По свидетельству Сократа, еврейская община собралась в театре, чтобы послушать публикацию эдикта Ореста, префекта Александрии, о театральных представлениях, которые евреи любили посещать как часть своего субботнего отдыха, но которые префект хотел поставить под контроль как источник общественного беспорядка. В зале присутствовало несколько человек из свиты епископа, пришедших посмотреть на происходящее. Среди них был учитель начальных классов по имени Иеракс, который обычно руководил аплодисментами на проповедях Кирилла и считался еврейми смутьяном. Когда его присутствие было замечено, о нем доложили Оресту, который приказал арестовать его и допросить под пытками. Как только Кириллу сообщили об этом, он вызвал к себе иудейских вождей и пригрозил им расправой, если они займут агрессивную позицию по отношению к христианам. Непосредственным следствием этого стала вспышка межобщинного насилия в Александрии. Далее последовала про-

¹ *Jouassard G. L'activité littéraire de St. Cyrille d' Alexandrie jusqu' à 428: Essai de chronologie et de synthèse. Lyon, 1945. P. 170-172.*

вокация со стороны иудеев. Кирилл, верный своему слову, немедленно принял контрмеры. На рассвете он лично совершил обход еврейского квартала во главе большой толпы и провёл захват синагог во имя Церкви. Евреи были изгнаны из своих домов, их собственность была разграблена толпой¹.

Это может являться последствием конфликта Кирилла с муниципальной администрацией. Иоанн Никиуский добавляет важную деталь. Евреи были полностью разорены, говорит он, «и префект Орест не мог оказать им никакой помощи». Евреи, по-видимому, стали жертвами борьбы за власть между епископом и префектом. Во время беспорядков, сопровождавших введение арианских епископов в IV в., евреи всегда были на стороне властей. Афанасий представляет их как восторженных участников разграбления собора и истязания православных, когда Григорий Каппадокиец вошел в город в 339 г.²

Пятьдесят лет спустя «толпа греков и иудеев», по словам Феодорита Кирского, изгнала преемника Афанасия, Петра II, с благословения префекта³. Мы можем предположить, что во время беспорядков, предшествовавших избранию Кирилла (как нам известно, после смерти Феофила в церкви Александрии образовались две партии, каждая из которых хотела избрания своего кандидата), евреи помогали войскам, развернутым властями в поддержку его соперника Тимофея⁴. Это говорит, о возможном накоплении антииудейских настроений в христианской среде города. Погромы можно ещё расценивать с данной точки зрения.

И третий объект политики Кирилла – это язычники. Здесь же данное направление политики является следствием административного соперничества Кирилла и префекта города. Орест, хотя и был христианином, начал все больше полагаться на языческих советников, чтобы уравновесить подавляющую власть христианского епископа. После падения Серапеума в 391 г. многие языческие интеллектуалы покинули Александрию. Одна из них осталась - философ Гипатия. Данные события, так же, как и несторианский спор, являются весьма известными, поэтому подробно останавливаться мы на них не будем.

В антиязыческой политике Кирилла примечательным также является и другой случай. К востоку от Александрии находился центр языческого паломничества в Менуфисе, вдоль побережья Средиземного моря. Храм Исиды здесь функционировал как центр для исцеления гаданиями. Паломники приходили в Менуфис в поисках лекарств от своих недугов.

¹ Soc. H.E. 7.13; Ioan. Nic. Chron. 84. 89–99.

² *Russell N.* Cyril of Alexandria. London, 2000. P. 163.

³ Theod. H.E. IV.18.

⁴ Soc. H.E. 7.7.

Святыня Исида продолжала оставаться популярным местом паломничества во время пребывания Кирилла на посту епископа: для язычников она, по-видимому, заполнила пробел, который образовался после разрушения Феофилом Серапеума. Незадолго до 429 г. популярность культа Исида в Менуфисе начала вызывать беспокойство у Кирилла, который заметил, что христиане были среди тех, кто совершал паломничество к этой святыне¹.

В ответ Кирилл возглавил ударную группу монахов и особо ярких последователей, чтобы разрушить храм Исида на манер Феофила. Широкая популярность культа Исида и напряженная атмосфера после смерти Гипатии, несомненно, помешали бы этому. Вместо этого он предпринял более тонкий, косвенный подход в попытке христианизировать эту местность: он основал поблизости христианское святилище мучеников, которое конкурировало бы с культом Исида как место исцеления и центра паломничества. Так возникло вятилище святых Кира и Иоанна в Менуфисе. Когда мощи этих двух святых были перенесены, а святилище получило название – Церковь Диоклетиановских мучеников (т.е. погибших во время последнего гонения при императоре Диоклетиане), Кирилл оставил новое священное место на попечение пахомиевых монахов, которых двумя десятилетиями ранее сам Феофил поселил неподалеку в Канопусе. Основание Кириллом святилища в Менуфисе, возможно, даже включало архитектурную адаптацию церковного сооружения, которое Феофил первоначально построил там.

В любом случае, как и его предшественник, Кирилл стратегически использовал священные артефакты и архитектуру, чтобы оспорить языческие претензии на определённую территорию.

Все эти происшествия демонстрируют, как в разгар противоречий с муниципальной властью, архиепископ и его монашеские сторонники проводили агрессивную конфессиональную политику, которая являлась одним из этапов христианизации Египта и прямым продолжением политики его предшественника – патриарха Феофила по усилению власти александрийского патриарха внутри вверенной ему территории в рамках церковного управления.

CONFESSIONAL POLICY OF CYRIL OF ALEXANDRIA

V.A. Likhoshevstov (Belgorod)

¹ *Stephen J. Davis* Early Coptic papacy. New York, 2005. P. 74-75.

The article shows how Cyril of Alexandria built the internal policy of the Patriarchate of Alexandria in relation to various religious denominations in Egypt. The continuity of his policy with his predecessor Theophilus is also shown.

Keywords: history, Alexandria, church, late antiquity, early Byzantium.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГУННСКОГО ВОЖДЯ РУА ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

А.А. Внуков (Тула)

В статье рассматриваются свидетельства позднеантичных историков и дипломатов о «риксе» гуннов Руа. Используя письменные и этнографические материалы, автор обосновывает разобщенность сведений древних текстов относительно данного вождя кочевников. В итоге он приходит к выводу, что легенда о гибели Руа от удара молнии появилась в сочинениях Феодорита Кирского и Сократа Схоластика не просто так, а основывается на религиозных представлениях гуннов.

Ключевые слова: Римская империя, гунны, кочевники, Руа, Роил, Ругас, вождь.

После того как римские послы в 412 г. приняли непосредственное участие в убийстве гуннского вождя Доната¹, последующие десятилетие, судя по источникам, стало для кочевников не столь продуктивным, как время военных походов Ульдиса. Евразийские номады словно исчезают со страниц историй позднеантичных авторов и хроник². Лишь в незначительных фрагментах и кратких упоминаниях находится крупицы информации, что хоть как-то освещают этот длительный период истории гуннов. Но в научном сообществе они трактуются неоднозначно, тем более, в них не упоминаются имена кочевых правителей, которые имели дипломатические отношения с восточной или западной частями Римской империи³.

Конечно, можно предположить, что подкуп Харатона принес свои плоды, и посольство Олимпиодора сумело снизить гуннское давление на границы государства, т.к. в течение последующих десяти лет гунны не запятнали себя особыми бесчинствами на римских территориях. Однако трудно согласиться с суждением, что политически стороны не обмена-

¹ *Thompson E.A.* The Huns. Oxford: Blackwell publishing, 1999. P. 40.

² *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ, 1951. С. 152.

³ Там же.

лись за этот период хотя бы одним посольством. Правда сказать, некоторые исследователи предполагают, что в это время на политическую арену выходят гуннские вожди Басих и Курсих, которые после персидского похода отправились к римскому двору с договором о мире¹. Но такое положение дел представляется крайне сомнительным. До сих пор, как в зарубежной, так и отечественной науке, нет единой точки зрения по датировке события. Попытки определить время этого предприятия образуют хронологический разброс от конца III в. (290 г.) по 448 год². Возможно, Курсих и Басих – это лишь собирательный литературный образ гуннских вождей германской фольклорной традиции³.

Таким образом, после окончания десятилетнего периода молчания греко-латинских авторов о северо-причерноморских кочевниках, Роил-Ругас-Руа стал первым вождем гуннов, противоречивые свидетельства о котором появляются на страницах сочинений позднеантичных историков и дипломатов.

Однако, как было отмечено, в небольших по объему текстах об этом риксе имеется весьма противоречивая информация. Она заставляет исследователей сомневаться в произошедших событиях, описанных в источниках. Причиной этого является тенденциозный характер позднеантичных сочинений. К примеру, рассмотрим три основные работы древних авторов, где упоминаются события, в которых участвовал Руа.

В первую очередь надо отметить церковные истории Сократа Схоластика и Феодорита Кирского. В этих работах Роил Феодорита, Ругас Сократа участвуют в двух разных предприятиях. У первого гуннский вождь в 422 г.⁴, руководя «кочующими скифами», совершил набег на Фракию. После чего он вознамерился разрушить при первом приступе столицу Восточной Римской империи – Константинополь – «царственный город» (Theod., V. 37). У второго рикс кочевников после убийства узурпатора Иоанна в 425 г.⁵ готовил вторжение на римские территории, однако ему не удалось воплотить в жизнь свои планы. Он, как и Роил Феодорита, погиб от удара молнии, воплощая в жизнь поставленные задачи (Theod., V. 37; Soc., VII. 43). В обоих случаях удар молнии был вы-

¹ *Thompson E.A.* Op. cit. P. 35.

² *Манасерян Р.Л.* Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом. СПб.: Алетейя, 2019. С. 7.

³ *Внуков А.А.* К вопросу о достоверности сообщения Ромула о походе гуннов в Мидию под командованием Курсиха и Басиха // Ирсидона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2019. Вып. VI. С. 45-52.

⁴ *Болгов Н.Н.* Комментарии к Хронике Марцеллина Комита // Марцеллин Комит. Хроника. Белгород: БелГУ, 2010. С. 145-146.

⁵ *Болгов Н.Н.* Ук. соч. С. 147.

зван божественным вмешательством и связан с императором Феодосием II, и его молитвами (Theod., V. 37; Soc., VII. 43).

В сочинении же восточно-римского дипломата Приска, напротив, Руа здравствует до 433 г. включительно. Его правление над скифами, как заверяет посол Константинополя, в это время характеризуется вполне мирными отношениями с империей и расширением подвластной территории, т.е. подчинением свободных варварских племен на Истре, в числе которых также были гунны (Prisc., frs. 1).

Как видно, из всего сказанного, Руа явно за время своей активной деятельности «погибал» несколько раз. Конечно, это маловероятно. Луи-Себастьян Тиллемон даже допускал двух с одинаковыми именами риксов гуннов¹. Однако современные исследователи не задаются этим вопросом. В ряде обобщающих работ по истории данных евразийских номадов пересказанные выше сведения ученые относят к одному человеку, при всем этом они не делают попыток дать развернутый ответ. Конечно, можно согласиться с Э.А. Томпсоном в том, что рассказ о поражающем грома господина попал в источники, благодаря молитвам архиепископа Константинопольского, который взял за основу текст из книги пророка Иезекииля². Но если посмотреть на этот вопрос под другим углом, то раскрывается более вероятный сюжет упомянутого Сократом события.

Не секрет, что древние тюрки и монголы придерживались «тенгрианства», центральным системообразующим образом которого являлось высшее и всеобщее божество Тенгри – небесный Бог³. Также известно, что предки гуннов – хунну, тоже поклонялись небу. Они ежегодно весной приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам»⁴. Конечно, нам мало что известно о религии гуннов, но все же можно предположить, что вторгшиеся в 370-х гг. в Европу кочевники недалеко ушли от азиатских предков в этом отношении. Сущность Неба-Тенгри по представлениям людей того времени проявлялась в природных феноменах: грома, молнии, грозе и т.п.⁵ К примеру, общеизвестно что монголы боялись громо-

¹ *De Tillemont Sebastien Le Nain. Histoire des empereurs et des autres princes qui ont régné durant les six premiers siècles de l'Église. Tome sixieme, chez Rollin fils, Quai des Augustins, à Saint Athanase & au Palmier, 1738. P. 95, 606; Maenchen-Helfen O. The world of the Huns. Studies in Their History and Culture. Los Angeles: University of California Press, 1973. P. 81 (reference 1).*

² *Thompson E.A. Op. cit. P. 81.*

³ *Бичеев Б.А., Кукеев А.Г. О религиозных представлениях древних тюрков и монголов // Вестник КИГИ РАН, 2011. №2. С. 75-77.*

⁴ *Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. СПб.: Тайм-аут – Компасс, 1993. С. 80.*

⁵ *Бичеев Б.А., Кукеев А.Г. Ук. соч.*

вых раскатов и молний, и в случае грозы прятались, а потом проводили защитные и очистительные ритуалы. «Когда [монголы] слышат гром, то пугаются и не смеют отправляться в поход. «Небо зовет!» – говорят они»¹. Надо заметить – кочевники и их шаманы никогда не оставляли стихийное событие без внимания. Поэтому вероятнее всего в 425 г. Руа и его войско не уничтожил гнев божий. Возможно, заметив в небе тучи, согласно тюркским и монгольским традициям², номады лишь развернули свою армию и поспешили в укрытие, чтобы избежать оскорбления духов.

Что касается сочинения Феодорита, то согласно анализу Н.Н. Болгова, гунны в 422 г. приблизились к Константинополю³. Однако намерениям гуннского вождя взять город не было возможности осуществиться, но не из-за внезапной поражающей молнии. Император Восточной Римской империи отправил переговорщиков в лагерь к Руа, или же, наоборот, гунны изъявили желание говорить с Феодосием. В результате кочевники согласились заключить мир с империей и отступить на свои территории за дань в 350 фунтов золотом ежегодно⁴. Такое положение дел явно соответствует политике дистанционной эксплуатации оседло-земледельческих цивилизаций. Гунны практически воспроизводили старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания: после удачного набега, обратной стороне поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «подарки» номадам⁵.

Следовательно, мы видим, что, вероятно всего, незначительные сведения древних историков явно указывают на одного и того же гуннского вождя. Вождя, который встал во главе гуннского общества примерно в 420 г. и более 10 лет управлял им, вначале с братом, а потом единолично. Руа мог вполне находиться у власти столько лет, т.к. это не было для гуннов каким-то прецедентом. Достаточно вспомнить Ульдиса, который в течение длительного времени управлял своим, пусть и маленьким, но отрядом гуннов в начале V в., когда он отделился от основной орды в результате внутренних противоречий⁶. Или же можно отметить Атиллу,

¹ Гарустович Г.Н. Кого почитали «Правдивый хан», «Вожделенный хан» и их потомки // Золотоордынское обозрение. 2017. №1.

² Maenchen-Helfen O. Op. cit. P. 260.

³ Болгов Н.Н. Ук. соч. С. 145-146.

⁴ Там же.

⁵ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 324.

⁶ Внуков А.А. Место Ульдиса в иерархии гуннских вождей // Белгородский диалог – 2020: сборник материалов XII международного молодежного научного форума «Белгородский диалог». 2020. С. 197-202.

что был во власти более двадцати лет, сперва как соправитель брата (Prisc., frs. 1), а затем как полноценный варварский правитель.

TO THE QUESTION OF IDENTIFICATION OF THE LEADER OF THE HUNS RUA ACCORDING TO WRITTEN AND ETHNOGRAPHIC SOURCES OF INFORMATION

A.A. Vnukov (Tula)

The article examines the evidence of late antique historians and diplomats about the "Rex" of the Rua Huns. Using written and ethnographic materials, the author substantiates the disunity of ancient texts regarding this nomad leader. As a result, he comes to the conclusion that the legend of the death of Rua from a lightning strike appeared in the writings of Theodoret of Cyrus and Socrates Scholasticus for a reason, and is based on the religious beliefs of the Huns.

Keywords: Roman Empire, Huns, nomads, Rua, Roil, Rugas, leader.

СПЕЦИФИКА ГЕТЕРИЗМА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Д.Н. Добрынина (Белгород)

В статье особое внимание уделяется источникам, служившим для пополнения рядов представительниц древнейшей профессии, и причинам, влиявшим на выбор данного «ремесла». Особое внимание уделяется законодательным актам, регламентирующим деятельность проституток («Кодекс Феодосия» 439 г. и *Codrus iuris civilis* (529-534 гг.)), гендерный анализ которых способствует изучению общественных традиций, моделей поведения и отношений между полами.

Ключевые слова: проституция, мораль, культура, нравственность.

Жена, любовница и куртизанка – триада, являвшаяся опорой сексуальной традиции греко-римского общества. Ещё афинский оратор Аполлодор (IV в. до н.э.) цитировал Демосфена (59, 122) в своём обличительном выступлении против гетеры Неэры и говорил о нравственной картине в социуме следующее: «Мы имеем куртизанок ради удовольствия, наложниц – для ежедневного обслуживания наших тел, жён – для производства законного потомства, а также надёжной охраны нашего домашнего имущества¹». В будничной жизни Древней Греции¹ даже существо-

¹ Аполлодор LIX против Неэры [Электронный ресурс] // Симпозиум Συμπόσιον - URL: <http://simposium.ru/ru/node/792> (Дата обращения: 02. 09. 2020 г.)

вал отдельный тип ведения хозяйства втроём, позднее перекочевавший и в римский период: формальная моногамия как прикрытие фактического многожёнства².

Новая религия нарушила этот хрупкий баланс. Порождённые Церковными соборами каноническое право исключило из системы один из элементов – угрожая телесными наказаниями, женатым мужчинам запретили иметь наложниц³.

Данные агиографии создают видимость повсеместной распространённости проституции во многих крупных византийских городах. Особо отличались изобилием сирийские и египетские центры. А.П. Рудаков называет проституцию настоящей язвой, «которая сопровождала эту старую, утончённую и вырождающуюся культуру с её пониженным моральным чувством⁴».

Проститутки состояли в определённой иерархии. Преподобная Пелагия до обращения к Христу прогуливалась по улицам Гелиополя исключительно в сопровождении пёстрой свиты, среди которой выделялась особой красотой и бесстыдством одежд. А преподобная Панселена в бытность антиохийской гетерой пользовалась особой популярностью, и за ночь брала с клиента до 10 лир золота (Синаксарь Церкви Константинопольской, 743).

Но далеко не всем удавалось жить так сыто: были и обездоленные обитательницы городских трущоб, продававшие себя за кусок хлеба, а бедные гетеры подрабатывали и ремеслом в ткацких мастерских, куда шли не от хорошей жизни.

Достаточно часто на улицы в поисках клиента выходили женщины, принуждённые обстоятельствами. Так Иоанн Мосх (Луг духовный, 3061) писал об идущем в баню чиновнике, развратные предложения которого не давали прохода женщине и нисколько не удивляли никого из прохожих. Здесь же читаем о женщине, невольно ставшей проституткой после того, как её муж потерял всё имущество в кораблекрушении и оказался в долговой тюрьме. Также легенда о Феодуле Столпнике повествует о

¹ *Lloyd M.* Euripides: Andromache. Second edition. The Plays of Euripides. Warminster: Aris & Phillips, 2005. P. 6.

² *Salmon P.* Population et depopulation dans l'empire Romain (Collection Latomus 137). Bruxelles: Latomus, 1974. P. 45.

³ Подробнее см.: *Hefele C.J.; Leclercq H.* Histoire des Conciles. Т. III. Paris: Letouzey et Ane, 1907. P. 573.

⁴ *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1996. С. 114-115.

знатной женщине, вынужденной торговать собой, чтобы погасить долги мужа¹.

Во многих городах индустрия публичных домов была развита настолько, что имелись целые кварталы, заселённые проститутками. Об одном из таких, расположенном в Антиохии, сообщает Иоанн Малала (XVII).

Согласно предположению ратора Лактанция (Божественные установления 6. 20. 25), обильно пополняли византийский рынок проституции нежелательные дети, к увеличению числа которых привели святоотеческие и раввинские запреты на любую контрацепцию в семейной паре (кроме послеродового воздержания и периода лактации). Способствовал рождаемости и отказ от соития по церковному календарю.

Мученик Иустин (ум. ок. 165 г.) с горечью говорил о том, что практически все брошенные на произвол судьбы новорожденные «как мальчики, так и девочки, станут проститутками» (Первая Апология, 27). В связи с этим христианский богослов Климент Александрийский (Педагог. III) восклицает: «Как много отцов, забывая детей, от которых они отказались, затем имеют сексуальные отношения с сыном, который является проституткой, или с дочерью-блудницей!»

С утверждением Константином I закона (329 г.) было предписано родителям продавать новорожденного в случае крайней нищеты. В 428 г. был принят закон, определивший бедность основной причиной эксплуатации девушек сутенёрами. И столетие спустя подтверждение тому, что только малоимущие продают дочерей в публичные дома, находим у Иоанна Малалы (Хроника. XVIII). Иоанн Мосх (Луг духовный, 136) в конце VI в. повествует об отчаявшейся христианке, продавшей своё тело отцу Сизиннию, отшельнику, жившему в пещере у Иордана. Когда же он спросил, что подтолкнуло ее стать проституткой, женщина ответила: «Я голодна».

Осуждение христианством полового акта, не преследующего цели воспроизведения рода, привело к запрету гомосексуализма и мужской проституции на всей территории империи. Под угрозой смертной казни в 390 г. Феодосий I запретил принуждение к проституции и продаже мужчин в бордели (Кодекс Феодосия. 9. 7. 6). Важно, что законом демонстрируется не негативное отношение к проституции в целом, а отвращение к гомосексуальным отношениям. Христианская риторика в лице Блаженного Августина, в отличие от античной, считает совершенно неприемлемы-

¹ Подробнее см.: Святые подвижницы Восточной церкви. СПб.: Стасисъ, 2005. 388 с.

ми такого рода связи: «Тело мужчины превосходит тело женщины, так как в мужском теле есть душа» (Пересмотры. О хорошем браке. 7. 10).

В Риме, чтобы исполнить приказ императора, проститутки выгнали из публичных домов мужчин-проститутов и сожгли их заживо, поддерживаемые ликующей толпой.

Интересно, что в восточной части империи мужская проституция оставалась легальной. Императорский налог, взимаемый с гомосексуальной проституции, при Константине I обеспечивал все необходимые правовые гарантии как сотрудникам борделей, так и их клиентам. В «Церковной истории» (3. 39-41) Евгарий Схоластик возмущённо подчёркивает, что ещё ни один император не опускался до подобного. Но в 533 г. гомосексуальная проституция лишилась императорской протекции: Юстиниан отнёс мужеложство к категории прелюбодеяний (*Corpus iuris civilis*. Институции. 4.18.4).

В 529 г. Юстиниан начал вести борьбу и с детской проституцией, наказывая всех тех, кто занимался торговлей детьми, наполняя бордели (Кодекс Феодосия. 8. 51. 3). В 535 г. императором были аннулированы договоры константинопольских сутенёров, принуждающие к работе крестьянских девушек, выкупленных из сельских округов (*Corpus iuris civilis*. Новеллы. 14). Парадоксально, но в системе византийской администрации работа инспектора борделей считалась весьма почётной. В 630 г. на данный пост был назначен епископ Палермо.

Подвергнув анализу законодательство Юстиниана, можно проследить своеобразную динамику спроса на детскую проституцию со времён Рима по период поздней античности. У древнеримского поэта Тибулла (Элегии. Книга 1. 9. 53), жившего в I в. до н.э., встречаются упоминания о предпочтениях педофилов времён принципата Октавиана Августа – маленькие мальчики. В византийский же период большим спросом пользуются девочки. Некоторым завербованным сутенёрами из приграничных районов Константинополя крестьянским девочкам не было и десяти лет. Подтверждение данному факту можно найти в жизнеописании Марии Египетской. Известно, что девушка, едва достигнув двенадцати лет, оставила родителей и отправилась в Александрию, где, став проституткой, потеряла девственность и честь.

THE SPECIFICITY OF HETAERISM IN EARLY BYZANTIUM: THE CAUSES OF GENESIS

D.N. Dobrylina (Belgorod)

The paper considers the sources that joined the ranks of prostitutes, and the reasons that influenced the choice of this profession. Special attention is paid to the legisla-

tive acts regulating the activities of prostitutes (the "Code of Theodosius" of 439 and the Corpus iuris civilis (529-534)), the gender analysis of which contributes to the study of social traditions, behaviors and relationships between the sexes.

Keywords: prostitution, morality, culture, ethics.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИЯХ ЭПОХИ ФЕОДОСИЯ II

М.Г. Сапожникова (Белгород)

В статье рассматриваются взгляды византийских церковных историков на теологические споры и еретические общины, религиозную политику императоров. Раскрывается историческо-политический контекст написания трудов Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита и др. Прделано сопоставление описания еретических сект и их лидеров в церковных историях ранневизантийских авторов.

Ключевые слова: Феодосий II, Сократ Схоластик, Созомен, «Церковная история», Ранняя Византия.

Вторая половина царствования Феодосия II стала временем интенсивного роста исторических текстов на Востоке, главным образом, в Константинополе. После первоначального толчка Евсевия в начале IV в. и разового перевода, и продолжения на латыни Руфином (402-403) жанр церковной истории был возрождён на греческом языке, наиболее заметно в работах Сократа, Созомена и Феодорита. Но эти сохранившиеся истории – только часть: после 426 г., но до Сократа (439), константинопольский пресвитер Филипп Сидский написал свою «Христианскую историю», название которой указывает на то, что она охватила события от сотворения мира¹. Исихий Иерусалимский, вероятно, создал «Церковную историю» около 434-439 гг.² Наиболее известной из этих отрывочных историй является труд Евномия Филосторгия, который, по-видимому,

¹ *Heyden K.* Die «christliche Geschichte» des Philippos von Side: mit einem kommentierten Katalog der Fragmente // Julius Africanus und die christliche Weltchronik. 2006. P. 219.

² *Blaudeau P.* Du bon usage de l'histoire. Remarques sur les enjeux identitaires véhiculés par les histoires ecclésiastiques incomplètement conservées (milieu Ve - début VIe s.) // Griechische Profanhistoriker des fünften nachchristlichen Jahrhunderts. 2014. P. 65.

также был составлен в Константинополе. Другие работы слишком фрагментарны, чтобы можно было сделать о них определенные выводы¹.

Помимо церковных историй были созданы произведения и в других жанрах, главным «светским» историком этого периода был Олимпиодор Фиванский². Одним из традиционных объяснений этого расцвета является покровительство двора, особенно для Сократа и Созомена, которые украшают свои истории императорским панегириком³. Другое – православный триумф, охвативший церковь после окончательной победы над Цербером язычества и Гидрой арианства⁴. Оба объяснения указывают на важные особенности эпохи, но здесь есть нюансы.

Вопреки тому, что часто утверждается, ни Сократ, ни Созомен не были ставленниками Феодосиевой династии. Политические связи Сократа остались в прошлом, когда он был знаком с Анфемием, префектом претория Востока до 414 г.

Панегирик Созомена и его преданность Феодосию II показывают надежду получить покровительство, но историк, вероятно, умер, так и не дождавшись этого.

Вместо того, чтобы писать по приказу одной из август, такие историки, как Сократ и Созомен, а также Олимпиодор Фиванский, участвовали в общей триумфальной атмосфере, охватившей Константинополь после победы над персами в 422 г. и поражения узурпатора Иоанна в 425 г. Можно судить об обоих событиях несколько иначе, чем историки: война с Персией закончилась тупиком, и вскоре после того, как Валентиниан III стал императором западной половины империи, Феодосий II снова потерял контроль над событиями на Западе. Это чувство облегчения в сфере политики распространялось и на религию: церковные истории повествуют о том, как исчезли конфликты прошлого, исцелились раны, и восстановилось единство.

Это облегчение, сразу же очевидное любому читателю, может показаться триумфальным, но оно уравновешивается скрытой тревогой, что вновь обретенный мир оставался хрупким: Сократ, например, минимизи-

¹ *Heijer J.* Mawhūb Ibn Maṣṣūr Ibn Mufarrīḡ et l'histoire de l'Égypte copte-arabe: étude sur la composition de l'Histoire des Patriarches d'Alexandrie // *Corpus scriptorum Christianorum orientalis / Subsidia*. 1989. P. 118-119.

² *Van Nuffelen P.* Olympiodorus of Thebes and eastern triumphalism // *Theodosius II: rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge: University Press, 2013. P. 130.

³ *Cameron A.* The empress and the poet: paganism and politics at the court of Theodosius II // *Yale Classical Studies* Cambridge. N.Y., 1982. P. 265-266.

⁴ *Brown P.* Christianization and religious conflict // *The Cambridge Ancient History*. 1998. Vol. 13. P. 632.

рует, но не скрывает конфликты, которые раздирали Константинопольскую Церковь в первые десятилетия V в., особенно между сторонниками и противниками Иоанна Златоуста¹. Такие споры, коренящиеся в человеческих слабостях, неизбежно вспыхнут вновь: «Вот как успешно шли тогда дела церковные. Здесь я оканчиваю свою историю и молю Бога, чтобы все церкви, города и народы жили в мире, ибо, когда воцарится мир, желающие писать историю не будут иметь предмета. Ведь и я, в этих семи книгах исполнив твоё поручение, святой человек Божий Феодор, не нашёл бы предметов для повествования, если бы люди, любящие смуты, предпочли им жизнь мирную» (Сoc. VII.48.6-7).

Более того, никогда нельзя быть до конца уверенным в правильности своего взгляда на прошлое: интеллектуальные способности человека ограничены, а Божья мудрость непостижима. Возможность ошибочных суждений была наглядно продемонстрирована тем фактом, что ходили многочисленные рассказы о прошлом, некоторые из которых сильно отклонялись от Никейского, как, например, рассказ Евномия Филосторгия. Историки должны были позиционировать себя по отношению к таким альтернативным рассказам, и это одно из объяснений поразительной плотности взаимодействия между историками: все авторы упоминали, по крайней мере, одного из своих предшественников: Сократ упоминался Созоменом и Феодоритом, причём последний также писал о Созомене. Сократ знал труды Филиппа Сидского, и было высказано предположение, что Созомен знал и Филосторгия. И оба использовали труд Олимпиодора². Все три никейских историка цитировали Руфина.

Что ещё более важно, триумфализм и покровительство не являются исчерпывающими категориями для понимания характера этих историй, равно как и их идентификация с Никейскими историями, предложенная включением Сократа, Созомена и Феодорита в трёхсторонние истории Феодора Чтеца и Кассиодора в VI в. Это накладывает определенную степень согласия и единообразия, которые затушёвывают существенные различия, связанные с конкретным положением каждого автора во многих общинах, населявших Римскую империю. Религия часто была решающим фактором в определении этих общин.

Церковная история свидетельствует об удивительном разнообразии религиозного ландшафта Феодосиева Константинополя, которое резко контрастирует с впечатлением от Никейской монокультуры. В пяти увлекательных главах Сократ подробно описывает «то, что случилось с другими» (Сoc. V.20-24), то есть, арианами, новацианами, македонянами и

¹ *Van Nuffelen P.* Un héritage de paix et de piété: Étude sur les histoires ecclésiastiques de Socrate et de Sozomène. MA: Uitgeverij Peeters, 2004. P. 408.

² *Ibid.* P. 454.

евномианами от Феодосия I до его современников. Даже новациане, раскольническое движение, к которому принадлежал сам Сократ, подвержены динамике фрагментации. Этот спор был сосредоточен на дате Пасхи, но в основном касался степени согласования, которое следовало искать с никейцами: «консервативная» фракция, поддерживаемая, главным образом, фригийскими крестьянами, столкнулась с Константинопольским патрициатом, который не хотел отказываться от своей социальной интеграции ради доктринальной строгости¹. Ариане, в свою очередь, придерживались нелогичной теологической позиции и, таким образом, разделились по абсурдным вопросам: считая, что Христос появился в определенный момент времени, они начали спорить о том, можно ли Бога называть Отцом, даже когда Сын ещё не существовал. Дорофей ответил «нет», псатирийцы во главе с Марином ответили «да». Среди евномиан встречаются более сложные виды теологической систематики: евномиофрониане и евномиотихианцы, чьи взгляды Сократ считает слишком бесполезными, чтобы сообщать о них. Наконец, македоняне тоже разделились между Евтропием и Картерием.

Такое религиозное разнообразие было связано с этнической и местной идентичностью, поскольку многие из этих групп имели свои очаги в разных регионах: как новацианский, так и евномианский раскол произошёл между группами, коренящимися в Малой Азии (соотв., Фригия и Каппадокия) и теми, кто сосредоточились в Константинополе. Сократ также указывает, что Дорофей происходил из Антиохии, тогда как Марин был выходцем из Фракии: «Дорофей, с одной стороны, за которым они послали из Антиохии, сказал: «Отец не может существовать или называться таковым, если сын не существует». Марин же, которого вызвали из Фракии вместо Дорофея, воспользовался случаем (ибо он сожалел, что Дорофея предпочли ему), чтобы защитить противоположный тезис» (Soc. V.23.4-5).

Готы под предводительством своего епископа Селены присоединились к псатирийцам, прежде чем последовать за Агапием, отделившимся от Марина: «Селена, епископ готов, последовавший за ними, человек смешанной расы: он был готом со стороны отца, фригийцем со стороны матери, и по этой причине он мог легко использовать оба языка, когда учил в церкви» (Soc. V.23.8).

В этом последнем случае можно заподозрить сознательное решение совместить этническую и религиозную дифференциацию. Таким образом, этническая или региональная принадлежность, ставшие столь ощутимы-

¹ *Wallraff M.* Geschichte des Novatianismus seit dem vierten Jahrhundert im Osten // *Zeitschrift für antikes Christentum.* 1997. №. 2. P. 260.

ми в политической истории следующего столетия, уже существовали при Феодосии II и взаимодействовали с различием по религиозному признаку¹.

У Сократа, очевидно, есть причина обратить внимание на раздробленность среди «других», ибо она иллюстрирует медленное, но неуклонное разложение неникейских групп и, таким образом, победоносную силу последней. До известной степени этот образ не может быть полностью ошибочным: эти сообщения в церковных историях являются одними из свидетельств, которые имеются об этих ересьях и расколах как о живых общинах.

Поразительно, что образ упадка, который рисуют никейские историки, уже присутствует у Филосторгия, чья история использует апокалиптические образы, чтобы отождествить убывающую евномианскую общину с небольшой эсхатологической группой верующих, изображенной в Книге Даниила (Дан 11). Для Сократа эта картина, возможно, была более точной, чем он надеялся: впечатляющий акт обращения в 450-х гг., когда новацианский епископ Маркиан принял Никейский символ веры, возможно, нанёс удар новацианцам². В то же время, многие из этих общин сохранились, но отсутствие их упоминания в более поздних исторических трудах может быть объяснено их специфической функцией в повествовании V в.: для Сократа и Созомена они обеспечивали «контраст», чтобы подтвердить, что их собственная общинная идентичность коренится в правильной традиции. Не прошло и двадцати лет, как эту роль взяли на себя несториане, миафизиты и диофизиты.

Напряженность, которая описана у Сократа и Созомена, имплицитно присутствует на протяжении всего повествования. Именно здесь читатель сталкивается с разделениями, которые подразумевают региональные и религиозные границы. Сократ наиболее своеобразен, потому что он антиоаннит, сторонник новациан и оригенизма, таким образом, он каждый раз позиционирует себя на том, что оказалось неправильной стороной истории.

Рассказ Сократа об Иоанне Златоусте иногда характеризуют как бесстрастный и более объективный³. В самом деле, он избегает агиографии, находимой у Палладия и Псевдо-Мартирия, и смешивает критику с по-

¹ Mitchell S., *Greatrex G.* (ed.). *Ethnicity and culture in late antiquity*. London: Duckworth, 2000. P. 142.

² Wallraff M. *Markianos-ein prominenter Konvertit vom Novatianismus zur Orthodoxie // Vigiliae christianae*. 1998. Vol. 52. №. 1. P. 19.

³ Wallraff M. *Tod im Exil: Reaktionen auf die Todesnachricht des Johannes Chrysostomos und Konstituierung einer «johannitischen» Opposition // Chrysostomos-bilder in 1600 Jahren*. Berlin, 2008. P. 23-37.

хвалой. Однако в решающие моменты вина перекладывается на Иоанна и его последователей: Сократ обвиняет, например, иоаннитов в том, что они сожгли церковь и Сенат после второго изгнания архиепископа, приписывая то, что стало официальной версией событий (Soc. VI.18.17). Историк явно преследует свои цели: он единственный автор, который подробно рассказывает об этом расколе, который оставил шрамы в Константинопольской церкви даже после того, как епископ Аттик вновь поместил имя Иоанна Златоуста в диптихи в 418 г., и он даёт трактовку в пользу антииоаннитов. Сократ приписывает воссоединение иоаннитов и «официальной церкви» миролюбивому характеру Аттика (Soc. VII.26.5), осуждаемого в иоаннитских источниках за еретические суждения (Pallad. Dialog., XI.31-52).

То, что Сократовская критика архиепископа остаётся относительно приглушённой, объясняется двумя факторами. Во-первых, ко времени написания этого труда конфликт уже закончился, и мощи Иоанна Златоуста были перенесены в столицу. Поэтому нет нужды вспоминать прошлые столкновения. Во-вторых, враги Иоанна также не нравились и Сократу: Феофил Александрийский был антиоригенистом и врагом новациан.

Защищая три враждующие идентичности, Сократ подчёркивает Никейское единство, несмотря на различия. Такой ярлык является психологическим переводом интересного социального феномена: за исключением новацианства, два течения, которые формируют историю Сократа, оба имели пик популярности в начале V в. Действительно, в первом десятилетии V в. Сократ, по-видимому, часто посещал литературный кружок Троила, в котором были представлены видные никейские (будущий епископ Аттик) и новацианские клирики, а также префект Анфемий, который был одним из гонителей Иоанна Златоуста¹. Отражая политические и религиозные предпочтения этой группы, большинство членов которой уже умерли к 430-м гг., «Церковная история» Сократа, должно быть, произвела своеобразное впечатление, когда она была опубликована.

Возможно, это было одной из причин, побудивших Созомена написать свою собственную историю всего через пять лет после Сократа. Новоприбывший из Газы Созомен, вероятно, надеялся привлечь внимание двора, написав более изысканный труд, который бы соответствовал вкусу эпохи. Его история выглядит более проникновенной, чем история Сократа: Созомен вновь вводит опровержения языческих интерпретаций истории, он проявляет живой интерес к главному внешнему врагу Рима, Персии, и он участвует в скрытой и явной полемике против раскольников и ерети-

¹ Van Nuffelen P. Op.cit. P. 15-16.

ков. Большая часть этого происходит в постоянном диалоге с Сократом, который, однако, никогда не упоминается. Созомен, по-видимому, не очень интересуется оригенизмом (Soz. VI.17.2), но он стремится исправить враждебность Сократа к Иоанну: историк цитировал документы, полученные им от членов иоаннитской общины, и использовал яростно пристрастные эпитафии Псевдо-Мартирия (Soz. VIII.26). Иоанн Златоуст признаётся святым. Созомен отмечает, что новациане были включены в анти-еретические законы Константина, но добавляет, что они спасены от преследования императорским милосердием: «...только одни новациане, имевшие добрых предстоятелей и мыслившие о Боге одинаково с вселенскою Церковью, были многочисленны и удержались, не получив большого вреда от этого закона. Притом сам царь, кажется, добровольно смягчил его действие, желая не погубить, а только утратить подданных. Да и тогдашний епископ их ереси в Константинополе, Акесий, уважаемый царем за святость жизни, вероятно, немало помог своей Церкви» (Soz. II.32).

В других местах неоднократно подчеркивается новацианский ригоризм (Soz. I.22). Насколько хорошо Созомен понимал намерения Сократа, показывает сюжет о преследовании иоаннитов: «Человек выдающейся красоты и роста, стоявший рядом с алтарём их церкви, которую он построил в честь первомученика Стефана, явился Сизиннию, епископу новацианской ереси, во сне. Этот человек сожалел о редкости хороших людей: он искал их по всему городу и не нашел никого, кроме Евтропия» (Soz. VIII.24).

Так, новацианскому епископу Сизиннию во сне рассказывают, что в городе нет хороших людей, кроме Евтропия. Этот Евтропий в ту самую минуту был замучен властями за то, что был последователем Иоанна Златоуста. Новацианам говорят божественную истину. Созомен подчёркивает идею единства. В то же время, однако, он включает в сочинение многие из новацианских и антиоханнитских историй Сократа, делая повествование более тонким, чем это может показаться на первый взгляд: оригенизм стёрт из истории, но новацианство – нет. И портрет Иоанна не совсем свободен от пятен. Созомен, таким образом, подводит различие к единству, не уничтожая первого.

Характер церковных историй Сократа и Созомена определяется их положением в различных общинах Константинополя V в. и взаимодействием с ними. Поэтому одним из способов понимания их историй было бы рассматривать их как проследивание генеalogий различных групп, которые люди видели живущими в городе, чтобы позволить идентификацию, понимание и суждение. Это не просто заявления об общинной идентичности, но тесные связи с различными взглядами посредством явной

полемики и скрытого присвоения: Сократ критикует Сабина Македонского из Гераклеи, но широко использует собрание Синодов последнего¹, в то время как Созомен нападает на Евнапия, но заимствует у него много деталей (Soz. I.5).

Эти корни в социальной структуре Константинополя могут помочь понять неудовлетворительное отношение к несторианской полемике. Для Сократа Эфесский собор был маленьким водоворотом в океане спокойствия, а Несторий – человеком слишком амбициозным для своего скромного интеллекта (Soc. VII.30). Похоже, что для него дело оказалось закрыто низложением и изгнанием Нестория. Мы не знаем, как Созомен отнёсся бы к Эфесскому собору, но сохранившаяся часть его последней книги сильно подчеркивает мир, царящий в церкви и государстве (Soz. IX.1.9).

Интересно, что историки, пишущие чуть позже и не в Константинополе, больше вкладываются в современные им богословские споры. Решение Феодорита прекратить свою историю в 428 г., когда умер Феодор Мопсуестийский, а также в год, когда Несторий унаследовал Константинопольский престол, выдаёт желание «не упоминать о войне» (Theodor. Hist. Eccl. V.40). В то же время, его яростная полемика против всего еретического чётко рисует современные линии фронта на песке истории: здесь прошлое становится зеркалом настоящего. Исихий Иерусалимский придерживается противоположной, но не менее полемической точки зрения: его история, по-видимому, была направлена против Феодора Мопсуестийского и стремилась защитить Эфесский собор (Hesych. Jerus., Eccl. Hist. CPG 6582).

Эти различия объясняются многими причинами: в течение десятилетия, разделявшего Сократа и Феодорита, полемика оказалась дремлющей, но не прекратившейся; надежда Созомена на социальное продвижение удерживала его от того, чтобы придать ложную ноту самодовольной имперской идеологии, придавая слишком большое значение Несторию – тем более, что двор пригласил Нестория занять Константинопольский престол². В отличие от двух своих предшественников, Феодорит был видным епископом, активно участвовавшим в эфесской полемике, но он не мог написать ее историю, не напомнив слушателям о своем собственном отлучении. Но можно выявить и более глубокую причину. Все группы, которые формируют историю Сократа и Созомена, имели явное общинное существование, и неспособность более тесно взаимодействовать с несторианским делом показывает, что «несторианская» община не могла (по-

¹ *Van Nuffelen P. Op.cit. P. 447.*

² *Blaudeau P. Op. cit. P. 68.*

ка) быть найдена. Люди, несомненно, имели предпочтения, но примирение 433 г. держало эти различия под поверхностью социальной структуры города. Феодорит, в свою очередь, не хотел создавать несторианскую общину, сочиняя свою историю, ибо в его собственных глазах он был не несторианином, а членом Вселенской Церкви, которую нужно было защищать от Александрии.

Таким образом, в конце VI в. Евагрий Схоластик начал свою историю с Нестория, хотя он утверждал, что является продолжателем Сократа, Созомена и Феодорита: точно так же, как с точки зрения V в. происхождение и развитие арианства приобрели ясность, которой не было столетием ранее, теперь можно было рассказать историю несторианства. Интересно отметить, что история, которая была сильно полемична, как история Исихия, похоже, быстро исчезла из обращения: когда история была слишком инструментализирована для богословской полемики, она, по-видимому, стала бы слишком обязана историческим обстоятельствам, в которых она была произведена, и поэтому была бы менее полезна для последующих читателей.

Таким образом, выделялся местный политико-религиозный контекст как ключ к пониманию характера церковных историй Сократа и Созомена. Этот подход является плодотворным дополнением к более часто задаваемым вопросам об их взглядах на императорскую канцелярию, на епископов или на теологию. Следует скептически относиться к систематическому характеру взглядов, которые мы находим у историков, поскольку они не пишут трактатов, а рассказывают историю.

Сочинения, очевидно, находятся под влиянием мировоззрения, но может переносить более высокую степень концептуальной расплывчатости или противоречия, чем теоретические объяснения. Более того, историки могут отражать только общепринятые идеи, и различия между ними могут быть незначительными. Так, Филосторгий думал о роли императора в церкви так же, как Сократ, Созомен и Феодорит, несмотря на то, что он принадлежал к запрещённой ереси.

Однако акцент на местных общинах не лишён актуальности и для более масштабных вопросов: церковная история – это история церкви, то есть, общины верующих, которая всегда и локальна, и универсальна. Баланс между ними явно смещается от работы к работе. Евсевий и Руфин, по-видимому, сознательно выходят за пределы своих местных корней и говорят от имени всей церкви. Например, в рассказе Руфина о том, что он писал, чтобы утешить народ Аквилеи, как указывает его предисловие, мало смысла.

Взаимодействие поместного и вселенского в церковной истории после середины V в. также отражалось в сочинениях. Феодор Чтец, Захария

Схоластик и Евагрий каждый описывают епископский престол, к которому они прикреплены (соотв., Константинополь, Александрия и Антиохия) как эталон ортодоксального христианства и, следовательно, как центр истины в разделённом мире. Их местная община была воплощением вселенской - положение, уже приписываемое Александрии и её никейским епископам в так называемой «Церковной истории Александрии».

Универсальная значимость локального менее очевидна у Сократа и Созомена, потому что их истории не являются действующими лицами в богословском споре: универсальное Никейское единство считалось аксиомой и поэтому не нуждалось в аргументации. Это, в свою очередь, позволило более мелким личностям выйти на поверхность гораздо более четко, чем это было возможно в более ранних и более поздних историях. Наконец, именно сосредоточенность на небольших сообществах также выдает ощущение их хрупкости, да и вообще любого сообщества. Мы можем склоняться к тому, чтобы читать сохранившиеся истории как заявления о Никейском единстве, но все они показывают, что любая еретическая община склонна к гибели и забвению, часто из-за причин, которых можно избежать (таких как человеческая гордость). Читая эти истории, можно получить почти Августиновское представление о том, насколько далеко за пределами нашего понимания находится совершенное христианское общество.

ON THE REFLECTION OF EARLY BYZANTINE SOCIETY IN CHURCH HISTORIES OF THEODOSIUS II ERA

M.G. Sapozhnikova (Belgorod)

The article examines the views of Byzantine Church historians on theological disputes and heretical communities, and the religious policy of the emperors. The author reveals the historical and political context of writing the works of Socrates Scholasticus, Sozomen, Theodoret, and others. A comparison of descriptions of heretical sects and their leaders in the Church histories of Early Byzantine authors is made.

Keywords: Theodosius II, Socrates, Sozomen, Church history, Early Byzantium.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ РАННЕ-ВИЗАНТИЙСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ: ГОРОДСКИЕ КВАРТАЛЫ

М.А. Руднева (Белгород)

В статье анализируются особенности трансформации исторической топографии Александрии в ранневизантийское время. Выделены особенности существования городских кварталов, приведена характеристика этно-религиозной

специфики населения.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Александрия, топография.

Вопросы изучения исторической топографии представляют важную область исследования в современной исторической науке, в том числе, в контексте изучения ранневизантийского времени, оказавшего важное влияние на процесс культурно-исторического развития человечества. Трансформация топографического пространства позволяет проследить процесс влияния изменений во многих областях общественного развития на жизнь города, что приобретает большую роль в контексте изучения ранневизантийского времени существования Александрии Египетской. Этот город занимал значительное место в регионе и империи, оказывая существенное влияние на определение тенденций культурного развития.

Ричард Альстон отмечает, что в иерархии городов империи на вершине находились «греческие» города, такие как Александрия¹. Проблема изучения топографии города, такого масштабного, чья история насчитывает сотни лет бурного развития, является одной из наиболее сложных.

Одной из основных особенностей изучения топографии Александрии является отсутствие возможности полноценного исследования основной площади археологического комплекса города.

В последние десятилетия эта ситуация в некоторой степени компенсируется развитием подводной археологии и возможностью изучения прибрежной зоны. Обилие интереса научного сообщества к результатам подводной археологии во многом повлияло на оценку Джудит Маккензи, которая отмечает, что данные подводной археологии лишь подтверждают сведения, полученные ранее в процессе работ на суше, и исследования письменных источников, и расширяют их в некоторой степени, но не являются базовыми². Поэтому, в основе создания полноценной картины городской топографии необходимо опираться на комплексный подход в анализе совокупности источников разных видов.

Псевдо-Каллисфен (ок. II-I вв. до н.э.) в псевдоисторическом романе «История Александра Великого», текст которого дошёл до настоящего времени в варианте, датированном не ранее IV в., наряду с прочей информацией приводит легенду, основанную, возможно, на устной традиции о том, что Александр Македонский составил план и начертил на нем пять букв: А, В, Г, Д, Е. Буква А означала «Александр, В – «Басилевс», Г – «генос» (род), Д – «Диос» (Зевс), Е — «ектисе» («основал» - имеется в

¹ *Alston R. The City in Roman and Byzantine Egypt. L., NY, 2002. P. 2.*

² *McKenzie J. Glimpsing Alexandria from archaeological evidence // Journal of Roman Archaeology. 16. 2003. P. 35–63.*

виду город...)¹. Подобные сведения приводит и Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. – 50 г. н.э.) (Philo in Flacc. 973a).

В начале 1860-х гг. астроном Махмуд-Бей составил план городских улиц, однако уже в то время строительство нового города на месте древнего сделало эту задачу достаточно сложной. Он написал подробный текст, сопровождающий его карту 18. На карте он отметил, где сохранились тротуары или колонны. Махмуд-Бей определил, что эти данные относятся преимущественно к римскому времени. Данный план также был скопирован и несколько изменен ученым Книпертом. Махмуд-Бей установил систему нумерации улиц. Также он отметил хорошо сохранившееся дорожное покрытие для основных продольных (E-W) улиц, L I, L2, L3, L'2 и L'4; и для главных перекрестных (N-S) улиц, R1, R2, R3, R5, R6, R7, R2^{bis} и R3^{bis}. Расположение большинства этих улиц было подтверждено в результате раскопок в XIX-XX вв.²

Относительно длины главных улиц, в плане Махмуда-Бея была представлена информация о том, что Канопский проспект, пересекающий город с востока от Ворот Солнца на запад до Ворот Луны имел длину около 2300 м, а также ориентацию оси на точку горизонта, расположенную в 24° к северу от направления на восток. Диодор Сицилийский сообщает, что улица имела длину в 40 стадий (ок. 6960 м), а ширину в один плетр (30 м). Здесь же он пишет о том, что вся она была застроена роскошными зданиями и храмами (Diod. XVII. 52. 3). Вторая главная улица проходила перпендикулярно Канопу, на пересечении главных улиц находилась площадь - Месопедион³. Эти две улицы делили город на четыре квартала, а пятый, скорее всего, квартал с преимущественным поселением иудеев, находился за стеной⁴. Во время правления императора Адриана (117-138 гг.) к ним добавился ещё один район – Адрианов.

Согласно сведениям источников и предположениям исследователей, кварталы Александрии имели некоторые особенности в плане преимущественного этнического разделения. Однако о какой-либо определенности в данном вопросе сложно говорить, учитывая состояние источников. Во всяком случае, по крайней мере, в эллинистическое время египетское население предпочитало селиться в квартале Ракотис, или Ракотиде, где

¹ *Борухович В.Г.* В мире античных свитков / Под ред. Э.Д. Фролова. Саратов, 1976. С. 148.

² *McKenzie J.* Glimpsing Alexandria from archaeological evidence // *Journal of Roman Archaeology*, 16. 2003. P. 35–63.

³ *Haas C.* Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict. Baltimore; L., 1997. P. 24.

⁴ *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. I-III. Oxford, 1972. С. 82.

находился Серапеум – храм главного божественного покровителя города, синкретического божества – Сераписа.

Греческое население селилось преимущественно в центре города, в квартале В, примыкавшем к Большой гавани. Этот квартал получил название Брухейон, иногда его называли Царским кварталом, так как там располагались дворцовые комплексы. Здесь располагались величественные дворцово-парковые комплексы, Театр, Мусейон и, вероятно, здесь же находилась «сома» или «сема» - гробница Александра Македонского. Поиски последнего здания, местоположение которого точно неизвестно, в своё время привлекали известных археологов, в том числе, Генриха Шлимана и Дэвида Хогарта. Этот квартал был практически разрушен в результате военного конфликта в 270-х гг., связанного с присоединением Египта царицей Пальмиры Зенобией в 267 г. Войска императора Аврелиана в августе 271 г. вошли в Александрию и вернули город под власть римлян, однако, на этот конфликт не был исчерпан. Разгорелось противостояние между сторонниками и противниками римлян, а в Александрии вспыхнуло восстание под предводительством купца Фирма, имевшего торговые связи с блеммиями и Пальмирой. Участники восстания были осаждены в Брухейоне. В результате противостояния восставших и императорских войск квартал был практически разрушен и в последующее время лежал в руинах. Также существовали кварталы, в которых селились преимущественно иудеи. Страбон также приводит информацию о восточном предместье под названием Никополь, где находились амфитеатр и ипподром.

Сирийская notiicia, информация в которой восходит к греческим источникам IV в., указывает на общее количество зданий, портиков, бань и прочих построек с распределением по кварталам¹.

Данный статистический материал указывает на достаточно большое количество храмов города и на некоторую закономерность в их расположении, согласно которой в одних кварталах было больше святилищ и храмов, в других меньше. Одним из интересных аспектов этого распределения является то, что более 67% храмов расположены всего в 2/4 кварталов Гамма и Дельта. Это особенно заметно, что в квартале Гамма, в котором очень много храмов (855) относительно мало домов (2140)². Вместе с тем, Кристофер Хаас отмечает, что общее количество храмовых построек могло включить в себя и частные святилища, чем может быть обусловлено такое большое количество храмов в общей сложности.

¹ Synac Notitia Urbis Alexandrinae / Ed. P.M. Fraser // JEA 37. 1951. P. 104; Haas C. Alexandria in Late Antiquity. P. 141-142, 425.

² Haas C. Op. cit. P. 142.

Одним из наиболее важных в исследовании ранневизантийского времени археологических памятников является квартал, получивший название Ком-эл-Дикка. Первые, достаточно ограниченные, раскопки были проведены там в конце XIX в. и принесли скудные результаты. Позже работа на окраине холма была ограничена исследованием средневековых слоев¹. С 1960 г. ученые из Польского центра средиземноморской археологии занимались раскопками этого района, расположенного на южной стороне главной улицы E-W к югу от царского квартала и игл Клеопатры и предполагаемого места форума. В современном городе археологический памятник расположен в самом центре, рядом с главным железнодорожным вокзалом Мисра. Первоначально польский исследователь Казимеж Михайловский считал, что в этом месте может располагаться гробница Александра Македонского. Однако, более тщательное исследование позволило обнаружить фрагменты древней уличной сетки, колоннады, дома II и III вв., комплекс римских бань IV в. с прилегающими цистернами, портиками и комнатами, небольшой позднееримский театр, византийский жилой район и многие другие элементы городской архитектуры².

Именно этот участок даёт наибольшее количество информации о процессе трансформации исторического облика города в ранневизантийское время. В этом городском квартале были расположены богатые виллы греческого типа. Здания были разрушены или повреждены в конце III в., возможно, в результате землетрясений и/или во время военных вторжений, и были оставлены в 1-й половине IV в.³ В середине IV в. место было полностью перестроено, здесь расположились общественные здания. «Малый театр» состоял из двух частей⁴.

В этом квартале располагались также лекционные залы, которые стали первым археологическим свидетельством существования образовательных учреждений (высших школ) в позднееримской Александрии⁵.

¹ *Kolataj W., Majcherek G., Paradowska E.* Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics. Cairo, 2007. P. 7.

² *Haas C.* Op. cit. P. 155.

³ *Kiss Z.* L'evolution de la structure urbaine d'Alexandrie romaine a la lumiere des fouilles recentes // XIVe Congreso int. de arqueologia clasicas. Tarragona, 1993. P. 262-263.

⁴ *Makowiecka E.* The numbering of the seating places at the Roman theatre of Kom el-Dikka in Alexandria // *Acta Conventus XI "Eirene"*. Warsaw, 1971. P. 479-483; *Kolataj W.* Recherches architectoniques dans les thermes et le theatre de Kom el-Dikka a Alexandria // *Das romisch-byzantinische Agypten* / Ed. G. Grimm, H. Heinen, E. Winter / *Aegyptiaca Treverensia* 2. Mainz, 1983. P. 189-194.

⁵ *Lukaszewicz A.* Lecture Halls at Kom el-Dikka in Alexandria // *Divine men and women in the history and society of late Hellenism*. Cracow, 2013. P. 101-112.

Залы включают три или четыре ряда мест, каждый зал мог вместить от 60 до 80 человек¹. Согласно мнению Эдварда Уоттса, особенности формирования пространства зала могут свидетельствовать о том, что в лекционных аудиториях студенты - представители разных этно-конфессиональных групп сидели смешанно, что свидетельствует в пользу общей картины, представляющей образовательное пространство города как одно из самых лояльных в религиозном вопросе². Также исследователь выдвинул версию, что именно в этом месте могла располагаться школа, где произошел знаменитый инцидент в 480-х гг., приведший в итоге к разрастанию межконфессионального конфликта и нанесший весомый удар по положению языческих учителей в городе³.

Кварталы позднеантичного времени несут на себе следы социально-экономической специализации. В том числе, археологические материалы из Ком-эль-Дикки в районе улицы R4 подтверждают наличие строений, объединенных коммерческими мотивами. В частности, ряд построек мог принадлежать людям, занимавшимся стекольным делом. Нескольких соседних жилых помещений в этом месте были переделаны в производственные помещения⁴. Трансформация города в ранневизантийское время наибольшим образом просматривается при анализе археологического комплекса Ком-эль-Дикка.

Исследование городской топографии представляет собой сложный, многомерный процесс, включающий подробный анализ всех имеющихся источников. Исследование эволюции городских кварталов представляет особую сложность, учитывая имеющуюся в распоряжении исследователей информацию. Тем не менее, довольно ясным остаётся факт, что заложное деление на кварталы сохранялось и в ранневизантийское время, влияя на этно-конфессиональную картину города. Однако, материалы, расположенные в квартале Ком-эль-Дикка, позволяют сделать вывод о том, что топографические конгломерации образовывались не только по этно-конфессиональному признаку, но и на основе совместной профессиональной деятельности. Более того, на примере лекционных залов можно получить представление о формировании некоторой многоконфессиональной среды, что находит подтверждение и в письменных источниках.

¹ *Majcherek G.* The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria // *Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology.* Ann Arbor, 2007. P. 471–484.

² *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria / *The Transformation of the Classical Heritage* 41. Berkeley - Los Angeles, 2006. P. 205.

³ *Watts E.J.* Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities. Berkeley, 2010. P. 17.

⁴ *Haas C.* Op. cit. P. 34.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL TOPOGRAPHY OF EARLY BYZANTINE ALEXANDRIA: URBAN QUARTERS

M.A. Rudneva (Belgorod)

The article analyzes the features of the transformation of the historical topography of Alexandria in the Early Byzantine time. The features of the existence of urban areas are highlighted, the characteristics of the ethno-religious specifics of the population are given.

Key words: Early Byzantium, Alexandria, topography.

ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ 2-Й ПОЛОВИНЫ VI - VII ВВ. О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВИЗАНТИИ

О.С. Зайковская (Белгород)

В статье рассматривается письменная традиция второй половины VI - VII веков. Уделяется внимание общей характеристике источников данного периода, выделяются особенности. Делается попытка выявить позицию автора касательно внешней политики Византии относительно данного периода.

Ключевые слова: письменная традиция, Ноннос, Агафий Миринейский, Феофилакт Симмоката, внешняя политика Византии.

Византийская империя за все время своего существования боролась за сохранение своей территориальной целостности¹. Одной из проблем Византии было ее географическое положение, ведь вследствие него государство со всех сторон было окружено потенциальными и реальными врагами. На востоке это был Сасанидский Иран, на Балканах – лангобарды, франки, а на севере - племена славян и кочевые племена.

Внешняя политика Византийской империи неизбежно находила отражение в большом числе письменных источников. В данной статье нам хотелось бы дать характеристику письменной традиции 2-й пол. VI - VII вв., а также выяснить, как проиллюстрирована внешняя политика государства в ключевых произведениях выбранного нами периода.

В первую очередь, стоит отметить, что VI век принято считать временем расцвета византийской письменной традиции, в которой все боль-

¹ *Хэлдон Дж.* История византийских войн / Пер. с англ. М.А. Карпунина, С.С. Луговского. М.: Вече, 2007. С. 13.

шее значение приобретают новые жанры – церковные хроники, агиографические сочинения, так называемые всемирные хроники.

Сочинения этого периода характеризуются тенденцией все большего обращения к современности. Ранее характерной чертой авторов было повествование обязательно с сотворения мира, а со 2-й половины VI в. наблюдается отход от этой традиции. Без сомнений, византийские авторы были воспитаны на произведениях античной литературы, что прослеживается в манере изложения.

Далее, особенностью становится то, что авторы уделяют все большее внимание современности. Поэтому ценность сочинений, в первую очередь, заключается в том, что в них содержится своеобразный слепок эпохи, современником которой является автор.

Следующий важный момент – можно отметить меньший объем компиляции, по сравнению с историками-хронистами. Данные произведения написаны преимущественно на основе документов, личного опыта автора, данных, полученных от очевидцев, в связи с чем повышается их ценность как исторических источников. Вместе с тем, неизбежно увеличивается и степень их тенденциозности.

В основном, авторами являлись люди, имеющие довольно высокий статус, что давало им возможность получить информацию о государственных делах. Не обходили стороной историки и внешнюю политику Византии, этот аспект затрагивается во многих трудах.

Важнейший момент, который находит отражение в византийских трудах этого времени – описание так называемого варварского мира. Сведения о варварах необычайно ценны. При этом в источниках зачастую содержится довольно много сведений о топографии, географии, этнографии соседних стран.

Касательно стилистики сочинений стоит отдельно заметить, что для авторов данной эпохи характерен яркий, живой, наполненный различными выразительными средствами стиль.

В качестве примера можно привести многочисленные сочинения византийского историка Прокопия Кесарийского¹, который был секретарем полководца Флавия Велизария. Прокопий Кесарийский показывает не только стратегию и тактику римской армии, но и устройство армий «варваров», что позволяет проследить различия в военной организации стонрон, выявить их недостатки и преимущества.

¹ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках. М.: Арктос — Вика-пресс. 1996. Ч.1. 336 с. Ч.2. 304 с.; *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1993. 576 с.

Касательно лексики также стоит отметить, что для авторов VI-VII вв. характерны употребления варваризмов, а также церковная терминология. Их наличие явно свидетельствует о влиянии эпохи, об изменении письменной традиции.

Во-первых, обратимся к сочинению выдающегося дипломата эпохи Юстиниана I (527-565 гг.) сирийца Нонноса¹. Его труд насыщен ценными сведениями касательно Востока, а именно Аравии и Эфиопии, где он пребывал в посольствах и путешествиях. Судя по сохранившимся отрывкам из источника, Ноннос был достаточно нейтрален по отношению к императору Юстиниану, проводимой им внешней политике.

Во-вторых, следует остановиться на обширном сочинении историка Агафия Миринейского «О царствовании Юстиниана»². В данном труде описаны последние годы правления императора – с 552 по 558 гг. Однозначен тот факт, что данный труд является логичным продолжением многочисленных сочинений Прокопия Кесарийского. Об этом говорит схожая стилистика повествования и другие факторы. Нужно отдать должное историку, он внимательно отнесся к проверке и отбору исторических фактов, использовал широкий круг источников, повышающих, без сомнений, ценность данного сочинения.

Касательно внешней политики стоит отметить, что Агафий относится положительно к политике реставрации, проводимой Юстинианом. Так, описывая одну из побед во время затяжной Лазской войны, Агафий пишет: «...Итак, они все были переписаны, и бремя подати на них было наложено, и до настоящего дня они платят дань римлянам. Император Юстиниан гордился этим, как великим деянием. Поэтому, перечисляя другие победы в одной из своих конституций, которые мы называем новеллами, одной из первых упоминает победу над этим народом...» (Agath. Hist. V 2).

Думается, автору импонирует реставрация былой Римской империи, поэтому в его словах мы можем уловить нотки гордости.

Еще одна особенность в описании внешней политики Византии времен Юстиниана – разделение периода его правления на две части. Первая – победоносная, время завоеваний, кампаний, приведших к обширным территориальным завоеваниям. Вторая – это 50-60-е годы, когда завоева-

¹ Ноннос. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860; переизд.: Рязань: Александрия, 2003; переизд.: М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 481-488.

² Agathias Murinaeus. Historiae // HGM. Lips., 1871. Vol. II. P. 132-392; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М.В. Левченко. М.; Л.: АН СССР, 1953; переизд. М.: Арктос, 1996. 222 с.

ния сходят на нет, обнаруживаются внутренние проблемы. Однако подчеркнем, что внешнюю политику Агафий Миринеийский оценивает более чем положительно.

В-третьих, обратимся к более позднему труду - VII в., принадлежащему Феофилакту Симокатте¹, описавшему в своей «Истории» период 582-602 гг. В византийской письменной традиции автор занимает видное место наряду с Прокопием Кесарийским и Агафием Миринеийским. Несомненным достоинством его сочинения является, как и у Агафия, обращение к широкому кругу источников, тщательная проверка материала.

Также Феофилакт использовал в «Истории» труды предшественников – Менандра, Евагрия и др. Касательно внешней политики автор довольно обстоятельно описывает войны Маврикия (582-602 гг.) с персами, причем отчетливо видна симпатия автора к описываемым событиям. В принципе, слово «война» в сочинении Симокатты употребляется более ста раз.

Давая оценку византийской армии и войне как таковой, он, подобно Прокопию Кесарийскому, зачастую воспевает ее: «...война была закончена – в открытом бою ромеи победили варваров и нанесли им решительное поражение...» (Theoph. Sim. Hist. II 27.10).

Таким образом, в письменной традиции 2-й половины VI - VII вв. можно отметить схожую тенденцию положительного освещения внешней политики Византийской империи, военной организации.

Авторы постепенно уходят от античных традиций. Однако VI в. является расцветом византийских авторов, которые создали немало ценных и богатых сведениями исторических источников.

WRITTEN TRADITION OF THE 2ND HALF OF THE 6 - 7 CENTURIES A.D. ON THE FOREIGN POLICY OF BYZANTIUM

O.S. Zaykovskaya (Belgorod)

The article deals with the written tradition of the second half of the VI-VII centuries. Attention is paid to the General characteristics of the sources of this period, and the features are highlighted. An attempt is made to identify the author's position on the foreign policy of Byzantium in relation to this period.

Keywords: written tradition, Nonnos, Agapi Marinacci, Theophylact of Simocatta, the foreign policy of Byzantium.

¹ *Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.: АН СССР, 1957. 410 с.*

ЗАВОЕВАНИЕ ПРОВИНЦИИ АФРИКА АРАБАМИ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н.Е. Золотухина (Белгород)

В статье в общей форме анализируются основные дискуссионные вопросы, связанные с изучением процесса завоевания провинции Африка (Карфагенского экзархата) арабами. Также предпринята попытка новой интерпретации положения дел в Африке после установления арабской администрации, отличной от устоявшейся в историографии, с опорой на опубликованные результаты археологических исследований в регионе.

Ключевые слова: Африка, Карфагенский экзархат, арабское завоевание.

Проблема завоевания провинции Африка¹ арабами относится к числу дискуссионных. Дискуссии подлежат вопросы, связанные с хронологией завоевания, политикой арабов в отношении местного населения, влияния на социальную и экономическую жизнь.

Среди современных исследователей, занимающихся изучением дискуссионных вопросов в русле обозначенной проблемы, необходимо отметить Фэнвика², Каеги³, Хэлдона, Босворта⁴, Джонсона⁵.

Первые вторжения арабов в Карфагенский экзархат относятся к 647 г., они последовали после завоевания Египта и связаны с осадой Триполи и Сабраты. Однако, дальнейшего продвижения арабов на западные территории Карфагенского экзархата тогда не последовало, что, вероятно, было связано со слабыми позициями арабов в Египте и с тем, что их основные силы были направлены на завоевание Персии.

Активная кампания вторжения арабов в Карфагенский экзархат относится к периоду между 665 и 698 г., которая закончилась завоеванием Карфагена. Завоевание Карфагена условно соотносят и с завоеванием Карфагенского экзархата в целом. Однако, к 698 г. под контролем ромеев

¹ Провинция Африка – условный термин, который применяется нами для обозначения территории Карфагенского экзархата. Ко времени первого вторжения арабов, Карфагенский экзархат был объявлен экзархом Григорием самостоятельной территориальной единицей, отложившейся от Константинополя.

² *Fenwick C. From Africa to Ifriqiya: Settlement and Society in Early Medieval North Africa (650-800) // Al – Mاسaq, 2013. № 1. P. 9–33.*

³ *Haldon J. Muslim Expansion and Byzantine Collapse in North Africa // The American Historical Review, 2012. Vol. 117. P. 972–973.*

⁴ *Bosworth C.E. Historic Cities of the Islamic World. Leiden-Boston, 2007. 583 p.*

⁵ *Jonson T. The Byzantine Mint in Carthage and the Islamic Mint in North Africa // Revue numismatique, 2014. V. 171. P. 655–699.*

продолжали оставаться некоторые западные территории Карфагенского экзархата, включая Сеуту, а также Балеарские острова. Также, необходимо учитывать сопротивление мавританских вождей, например, сопротивление Кахины в Нумидии¹. Поэтому, Босворт, например, считает, что арабское завоевание Карфагенского экзархата было завершено только с завоеванием Испании². Таким образом, мы не можем делать акцент на конкретной дате, но можем утверждать, что конец поздней античности на территории провинции Африка, связанный с завоеванием арабами, случился позже, чем в Восточном Средиземноморье.

Классические комплексные исследования по истории провинции Африка, среди которых, труды Диля³ и Жюльена⁴, интерпретируют арабское завоевание в негативном контексте и рассматривают его как период упадка и кризиса. В качестве основного тезиса исследователи приводят сокращение численности городского и сельского населения. Например, после 700 г. археологи находят мало свидетельств городской занятости населения, процветающий ландшафт ромейских городов, поместья и фермы сменились обнищавшим и обезлюдевшим арабским ландшафтом⁵. Однако, является ли данный факт исключительно результатом арабского завоевания? Анализ археологического материала показывает, что подобная тенденция наметилась еще в конце VI в. во всех отдаленных регионах Ромейской империи, не только в Африканской провинции, что было связано с ослаблением контроля из Константинополя, военными кампаниями, природными катаклизмами, заболеваниями. Также, в качестве негативного влияния выделяется активное распространение ислама и упадок позднеантичной христианской культуры.

Тем не менее, вопрос о влиянии и последствиях арабского завоевания на Африку, вероятно, должен быть пересмотрен ввиду обнаружения новых данных в ходе археологических исследований, проведенных за последние несколько десятилетий. Обобщение имеющихся данных показывает, что арабское завоевание не было катастрофичным для жизни в Африке. Большинство ромейских городов продолжили существовать и в

¹ См. также: *Болгов Н.Н.* Мавро-Римское королевство Алтава и берберы-христиане в ранневизантийской Африке // Ирсисона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 13-26.

² *Bosworth C.E.* *Historic Cities of the Islamic World.* Leiden-Boston, 2007. P. 536.

³ *Diehl Ch.* *L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709).* P., 1896. 644 p.

⁴ *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Т. 1. М., 1950. 422 с.

⁵ *Fenwick C.* *From Africa to Ifriqiya: Settlement and Society in Early Medieval North Africa (650-800)* // *AI – Masaq*, 2013. № 1. P. 9–33.

VIII в. Ряд городов в провинции при арабской администрации приобрел новое значение в качестве административных, военных или торговых центров, например, Бежа в северной части Туниса, Триполи в Ливии, Гафса и Кайруан. Большинство крупных городов провинции Африка при арабах являлись военными гарнизонами. Археологические данные свидетельствуют и о заброшенности некоторых городов, однако, необходимо отметить, что города в Африке приходили в упадок и становились опустевшими и при ромейской администрации, например, Менинкс на острове Джерба исчез в конце VI в.

В целом, результаты археологических исследований показывают, что в основе функционирования социально-экономических и военных отношений в регионе лежали ромейские коммуникационные сети, торговые пути, военные укрепления, хотя и преобразованные.

Арабы организовали новое административное деление, что сформировало новую городскую иерархию. После падения Карфагена были выпущены новые стандарты монет и веса, что, вероятно, говорит о контроле торговли и упрощении налогообложения. Крупный золотой монетный двор был учрежден в Кайруане и быстро начал чеканить монеты, сначала на византийских образцах, и постепенно переходя на арабские к 717 г.¹ Также мы можем предполагать, что между арабским и местным населением сохранялась четкая граница, что прослеживается наличием мечетей в крепостях, но не в самих городах.

Некоторое представление о производстве в городах в рассматриваемый нами период дают результаты изучения Токры в Ливии, Сбейтлы в Тунисе и Волюбилиса в Марокко, где удалось обнаружить всплеск производственной активности по печам и оливковым прессам².

Проблема точности датировки оливковых прессов существует, но факт использования прессов при арабах прослеживается в *Belalis Maior*, где был построен производственный квартал вокруг ромейской церкви, а внутри церкви обнаружен пресс для оливок (см. рис. 1).

¹ Подробнее о монетном дворе в Африке в арабское время см.: *Jonson T.* The Byzantine Mint in Carthage and the Islamic Mint in North Africa // *Revue numismatique*, 2014. V. 171. P. 655–699.

² Подробнее см.: *Fenwick C.* From Africa to Ifriqiya: Settlement and Society in Early Medieval North Africa (650-800) // *Al – Masaq*, 2013. № 1. P. 9–33.

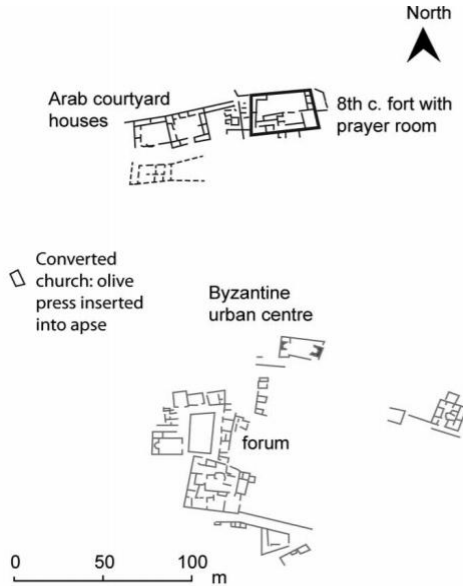

Рис. 1.

Еще один оливковый пресс был найден в *Bulla Regia*, датируемый поздним ромейским или ранним арабским периодом. Винтовой пресс был найден в базилике Карфагена. Другие прессы, установленные в ромейский период, которые продолжали использоваться при арабах, были найдены в Мактаре, Мустисе, Тубурбо Майюс, Сабрате, Лептис Магне.

Расположение амфорных печей дает некоторое представление об организации производства оливкового масла. В VI в. печи были построены в старых общественных зданиях в крупных портах, таких как Лептимин и Карфаген, и, вероятно, находились под имперским контролем. В Лептис Магна во флавиевом храме внутри византийской стены были обнаружены гончарные печи, производящие амфоры IX и X вв. Таким образом, существовала, вероятно, непрерывность в кустарном производстве, и экспортная торговля оливковым маслом или вином.

Таким образом, данные находки позволяют предположить, что производство и активная городская деятельность продолжились в городах Африки и при арабах. Однако, вероятно, произошел отход от государственного и церковного контроля над производством, характерного для ромейского периода, к индивидуальному или коллективному. Результаты

археологических исследований последних десятилетий позволяют дать новую интерпретацию положения дел в регионе в VII-VIII вв. и основных последствий арабского завоевания, отличную от ранее сформировавшейся в историографии.

**THE CONQUEST OF THE PROVINCE OF AFRICA BY THE ARABS:
ANALYSIS AND TENDENCIES OF INTERPRETATION**

N.E. Zolotukhina (Belgorod)

The article in a general form analyzes the main controversial issues related to the study of the process of the conquest of the province of Africa (Exarchate of Carthage) by the Arabs. Also, an attempt was made to re-interpret the state of affairs in Africa after the establishment of the Arab administration, different from the established one in historiography, based on the published results of archaeological research in the region.

Keywords: Africa, Exarchate of Carthage, Arab conquest.

Отв. редактор-составитель Н.Н. Болгов

ИРЕСИОНА

Выпуск VII

Материалы Круглого стола
к 50-летию Китайской археологической экспедиции

Подписано в печать: 22.12.2020.